

МИРВОРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ №4

МИРВОРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ №4

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИРВОРИ

ИЗРАИЛЬ, 2008

*Этот номер посвящается
памяти замечательного
поэта Яшара Мошияхова,
70-летие которого
отмечается
в 2008 году.*

«МИРВОРИ»

Литературно-публицистический альманах

Издаётся с июля 2006 года

Выходит 2 раза в год

Выпуск № 4, январь-июнь 2008 года

מירװרי

אלמנך ספרותי-פובליציסטי

יוצא לאור פעמיים בשנה מיולי 2006

מהדורה 4, ינואר – יוני 2008

אורך ראשי וניהול הפרויקט : יהונתן משייב
עריכה לשונית והגעה (רוסית) : מרגריטה קוזקוב
עריכה לשונית והגעה (אזרית) : של המחברים
עריכה לשונית והגעה (ז'אואורית) : של המחברים
עיצוב ועימוד : אלדר אלייב
איורים : שימחה אשורוב

אושר להדפסה : 16.06.2008

פורמט : חצי שמינית

הדפסת אופסט 1/16 70x100

נייר : אופסט 110 גר'

פונט : Times New

גיליונות : 12,9

בית החוצאה "מירװרי"

מערכת : רח. ברנר 10, נתניה

כתובת למכתבים : ת.ד. 359, נתניה, 42441

טל : 054-7766822 ; 09-8870811 ; 09-8840855 ; פל : 054-7766822

מייל : mirvori@mail.ru, joni-m@013.net

«Мирвори»: литературно-публицистический альманах: стихи, проза, публицистика на русском, горско-еврейском и азербайджанском языках / Гл. ред. Й. Мишиев; [худож. С.Ашуров] – Израиль: издательский дом «Мирвори», 2008. – 160 с.:ил.

ISSN 1565-8228

Литературно-публицистический альманах «Мирвори» является на сегодняшний день единственным в мире изданием подобного рода. В нем публикуются произведения современных поэтов и писателей, выходцев с Кавказа, проживающих ныне в Израиле и России.

В четвертый выпуск литературно-публицистического альманаха «Мирвори» вошли произведения как известных, так и начинающих свой путь и публикующихся впервые авторов на русском, горско-еврейском и азербайджанском языках.

Дорогие наши читатели!

Невозможно привыкнуть к тому, как молниеносно мчится время. С момента выхода в свет первого выпуска альманаха «Мирвори» прошло уже два года. А как будто бы это было вчера: размышления, сомнения, советы и решение: лучше рискнуть и сделать, чем не сделать, а потом жалеть.

И вот уже «Мирвори» №4 выстраивается в шеренгу своих собратьев. Обложка для альманаха специально разрабатывалась с тем расчётом, чтобы все выпуски были похожи друг на друга как братья-

близнецы, и менялся только цвет. Сейчас мы убеждаемся, что это было правильным решением, потому что очень часто читатели, не запомнив номера, говорят: «Я читал это в красном альманахе» или «А зелёный мне понравился больше всех», «У меня жёлтый и зелёный, а где мне найти красный?»

Так что же несёт своим читателям «Мирвори» №4 или, с лёгкой руки всё тех же читателей, «сиреневый» альманах? Интересного много. Прежде всего, необходимо обратить ваше внимание на то, что альманах посвящён светлой памяти замечательного горско-еврейского поэта Яшара Мошняхова, которому в этом году исполнилось бы 70 лет. С его стихами знатоки языка смогут познакомиться в разделе «Произведения на горско-еврейском языке».

А дальше уж дело вкуса, благо выбор в каждом альманахе довольно большой. Каждый может найти в них для себя что-то интересное. Наши авторы дадут вам возможность поплакать и посмеяться, задуматься и пофантазировать, удивиться и даже кое-чему научиться. Какие-то произведения вызовут у вас желание поспорить, иные вообще не придутся по душе, и это вполне нормально.

Для редколлегии альманаха «Мирвори» очень отраднo, что уже неоднократно его называли достойной сменой выпускавшемуся в течение почти сорока лет альманаху «Ватан Советиму». Безусловно, существенное различие между этими двумя изданиями составляет язык. «Ватан Советиму» выпускался полностью на горско-еврейском языке, а значительная часть «Мирвори» - это русский, азербайджанский и иврит. Ничего не поделаешь, жизнь не стоит на месте, и всё меньше и меньше как среди читателей, так и среди писателей остаётся знатоков родного языка. Да и среди них никак не утихнет спор о том, какой алфавит для нашего языка лучше «дербентский» или «кубинский».

По этой причине редакционный совет альманаха «Мирвори» принял решение публиковать на его страницах произведения, написанные и «кубинским», и «дербентским» алфавитом.

Эти алфавиты очень похожи. Оба они созданы на основе кириллицы. Но кириллица – алфавит, предназначенный для славянских языков, в ней нет и не может быть букв для обозначения некоторых звуков горско-еврейского языка. Вот здесь-то и начинается та проблема, которая, собственно, и служит причиной споров. Всё дело в начертании нескольких букв, которыми отличаются друг от друга «кубинский» и «дербентский» алфавиты.

Нельзя не отметить тот факт, что уже неоднократно мы встречали печатные издания, в которых эти спорные буквы просто игнорируются, и «народные умельцы» умудряются писать на родном языке чистой кириллицей. Получается неграмотно, а в некоторых случаях остаётся только догадываться, какое слово автор текста имел в виду. По этой причине мы считаем данные «упрощения» неудобными для чтения.

Для того чтобы читатели альманаха смогли без особого труда познакомиться со всеми произведениями на горско-еврейском языке, которые они здесь найдут, мы приведём список спорных букв и объясним, как они употребляются.

Внимательно ознакомьтесь с таблицей и читайте себе на здоровье!

*Йонатан МИШИЕВ,
директор издательского дома «Мирвори»,
главный редактор «Кавказской газеты»*

«Кубинская» буква	«Дербентская» буква	Пример употребления
э	е или э	мэрд - мерд или эз - эз
ү	уь	мүнк - муьнуьк
к	г	кэшдэ - гешде
һ	гь	һэр - гьер
г	гь	Губэ - Гьубе
һ	гІ	һэзизи - гІэзизи
һ	хь	һофт - хьофт
ч	ж	чуһур - жуьгур

**ПРОЗА
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ**

АСАИЛОВ Шарон

О себе

*Я о себе ничего не скажу -
Ни хорошего, и ни плохого...
И о других никогда не сужу,
Чтоб не судимым быть Богом...*

Здравствуйтесь, дорогие друзья!

Я - Аса (Асаилов) Шарон. Родился в г. Баку. Образование: экономистика торговли и общественного питания, управление. В настоящее время работаю в сфере неформального и специального образования. В Израиле с 1991 года. Живу в г. Нетания. Женат, отец четверых сыновей.

Моя первая проба пера - абсолютная случайность. Произошло это несколько лет назад на одном из форумов известного международного сайта бакинцев baki.ru. Это была стихотворная «перепалка» - игра, в которой надо было почти мгновенно ответить стихами на «выпад-стихи» соперника. Вот так я и обнаружил в себе скрытый «талант»...

С некоторыми моими «нетленками» вы можете ознакомиться на том же сайте в моем личном журнале (titanic.users.baki.ru), а так же в нескольких прошлых (надеюсь, что и будущих) номерах «Кавказской газеты» и в альманахах «Мирвори».

СЕКРЕТ

«Секрет» – детская забава (преимущественно девчоночья) семидесятых-восьмидесятых годов XX столетия. Для достижения «цели» следовало вырыть в земле неглубокую ямку, размером в детский кулак, высыпать в неё горсть разноцветного битого стекла (стенки ямки можно обложить осколками зеркала), затем прикрыть «клад» куском бесцветного оконного стекла и присыпать землёй. Для лучшей маскировки «секрет» можно укрыть травой и опавшими листьями. Этот, своего рода, «шедевр» мозаики показывали друзьям и подружкам, в знак высокого доверия и особого отношения.

Левая половина Сашкиной рубашки насквозь промокла от слёз. Казалось, соль въелась в кожу и добралась до сердца. Жжение усиливалось с каждой секундой. Было очень больно. Боль и растерянность. Наконец, Сашка не выдержал.

– Прекрати! Слышишь, прекрати плакать! – он приложил ладони к щекам Юльки, отнял её голову от плеча. – Я вернусь. Обязательно вернусь! Обещаю!

Подошла стюардесса с тележкой, нагруженной прохладительными напитками. Только теперь он почувствовал, как страшно его мучила жажда.

– Господин, прошу вас. Чего пожелаете?

«Слёзы. Бокал слёз. Юлькиных слёз, – подумал Сашка». Через пятнадцать лет он летел обратно. Как и обещал.

– Минеральной воды, пожалуйста.

«Зачем я, собственно, лечу? И к кому? Просто, потому что обещал? Я ведь всегда выполняю свои обещания... Даже если это слишком поздно».

Лететь ещё целых два с половиной часа. Утолив жажду, Сашка откинулся в кресле и задремал.

– Сашка, у меня есть «секрет». Хочешь посмотреть? – спросила Юлька.

– Хочу.

Юлька отвела его в глубь двора, к тому месту, где рос молодой тополь. В двух шагах от дерева остановилась, присела на корточки, осторожно расчистила ладонью едва заметный бугорок.

– Смотри, – неуверенно (а вдруг ему не понравится?) прошептала Юлька.

Сашка склонился над «кладом». Под пыльным куском непонятной формы стекла, прикрывающего ямку размером в детский кулак, в зеркальных осколках на стенках ямки многократно отражались две буквы: «Ю» и «С», выложенные красными бусинками на фоне бирюзовых стеклянных крошек.

– Ух, ты, как красиво! – восхищённо прогремел Сашка.

– Тссс... Тише. Это же секрет, – укоризненно сказала Юлька, – только мы с тобой о нём знаем...

– Сашка, хочешь списать?

– Списать? Нет, я уже всё написал, и теперь просто смотрю, как ты пишешь. У тебя почерк очень красивый.

Сашка не мог позволить себе учиться хуже Юльки, но в то же время старался не выделяться, постоянно отставал от неё на полшага, уступая ей первенство в успеваемости.

Застеклённый балкон стандартной пятиэтажной «хрущёвки» – скромное жилище повзрослевшего Сашки. Квартирка из двух комнат – тесно, но уютно. Сестра, которая намного младше Сашки, и бабушка спят в гостиной, родители – в спальне.

Под занавешенным окном, отделяющим балкон от гостиной, топчан. Слева от входа на всю ширину балкона – старинный сундук с вечно крутящимся на нём бобинным магнитофоном.

– Алло, Юля! Давай ко мне! Мне новые записи «Пинк Флойд» принесли, почти ни у кого в городе нет!

Юлька не воспринимала тяжёлый рок, но когда Сашка в девятом классе увлёкся этой музыкой, она всё свободное время проводила на его балконе. Ей нравилось, как Сашка восторженно рассказывал о рок-группах, сравнивал эту, непонятную для Юльки, музыку с классикой и доказывал художественную ценность первой.

– Юль, а вот в этом месте прислушайся, – это ведь гитара! Представляешь, две гитары и ударная установка способны заменить целый оркестр! А вокал?! Такой голос ни на какой оперной сцене не услышишь!

После окончания школы Сашка, как настоящий мужчина, готовился к предстоящей армейской службе. Секции дзюдо и плавания занимали много времени. А утром и днём Сашка работал. Музыку теперь приходилось слушать по ночам. Юлька же готовилась к поступлению в мединститут, все её попытки уговорить Сашку взять отсрочку ни к чему не привели. Поступать в институт он решил после армии.

– Саша, только постарайся не растерять свои знания в армии, а то поступить не сможешь, – как-то сказала Юлька, наконец, признав за Сашкой право выбора.

В тот субботний вечер Сашка, впервые за долгое время, не включил музыку. – Не будет никакой армии. И института никакого не будет, – ответил Сашка после длительной паузы в разговоре. – Уезжаем мы... Родители так решили. – Что значит «уезжаем»? Куда? – перед глазами Юльки рушился целый мир. – Далек, Юлька. Очень далеко. В другую страну, – голос Сашки дрожал. Но Юлке всё стало понятно за секунду до ответа. У неё едва хватило сил задать единственный вопрос: «А как же я?».

Письма. Целый чемодан писем за шесть лет. Несколько последних были особенными, неожиданными, очень интимными. Последнее – слишком интимным и очень странным: половой акт посредством переписки. Половой акт, которого никогда раньше не было. Юлька отдавалась своему любимому. Она очень торопилась отдаться ему, срывала одежды с себя и с Сашки, прижималась к нему с неистовой силой, простила задушить её в объятьях, искушать, исцарапать, изнасиловать и убить, наконец. Она требовала насилия, намекая на наказание. Наказание за некий проступок, за некий грех, который ей предстоит совершить. Измена? Она приговорила саму себя к душевной ли, к физической ли боли. Единственным исполнителем этого жуткого приговора должен был стать именно он, Сашка.

«Срочно позвонить ей!». Сашка бросился к телефону, не надеясь услышать ответ. Но он ошибся. Ему ответили. Ответили старческим женским голосом: «Уехала ваша Юлия. Вышла замуж и уехала». В квартире поселились новые жильцы.

Вежливый женский голос из динамика попросил пристегнуть ремни. «Интересно, почему у всех динамиков в самолётах и аэропортах вежливые женские голоса?» – спросонья подумал Сашка. Воздушный лайнер шёл на посадку.

«Почему не пахнет нефтью? Неужели я так и не успел отвыкнуть за пятнадцать лет? Нужно взять машину». С сумкой наперевес Сашка подошёл к стоянке такси...

Он зашагал в глубь двора, к тому месту, где рос тополь. В двух шагах от дерева остановился и присел на корточки. Достал из сумки стальную авторучку, осторожно расковырял видимый только ему затвердевший бугорок. Под мутным куском стекла непонятной формы, прикрывающего ямку размером в детский кулак, показались выложенные красными бусинками на фоне бирюзовых стеклянных крошек две буквы: «Ю» и «С». Но в мутных зеркальных осколках на стенках ямки не отражалось ничего.

«Я спросил у тополя, где моя любимая...»

Сашка поспешил к ожидавшему его такси, чтобы вернуться в аэропорт. Через несколько часов у него был обратный рейс.

ВРЕМЯ ПЕСОЧНЫХ ЧАСОВ

Время лежало нескончаемыми петлями, похожими на кольца змеи. Вперёд можно двигаться лишь из кольца в кольцо. И в каждом кольце сомнение, а у каждого сомнения – свое собственное оружие. И очень нелегко было продвигаться вперёд, споря с этими сомнениями, игнорируя их или отбрасывая.

Кобо Абэ «Женщина в песках»

* * *

Время – не поток и не обвал, и не пространство, а беспощадная непрерывность упущенных возможностей.

Меир Шалев «Эсав»

* * *

Время было, есть и будет всегда. Оно, Время, никогда не отстаёт и никуда не спешит. Время никак не зависит от бездушного механизма часов.

Автор

Часы отсчитывали свои песчинки-секунды в такт пульсу Времени – пульсу, который не учащается, не замедляется и никогда не замирает.

Он открыл свои полупрозрачные старческие веки за минуту до восхода солнца, поднялся с постели, вышел на балкон. Когда первые робкие лучи солнца осторожно прокрались в мутную сыворотку предутреннего неба, только тогда он окончательно проснулся. «Интересно, – подумал он, – почему старики встают раньше солнца? Не потому ли, что боятся пропустить восход, который может оказаться последним в их жизни?»

«Сомнения начала дня» (так он нарёк свои грустные мысли) по сути были сомнениями всей его жизни. Сомнение сопровождало его повсюду. Даже не сопровождало, а вело за собой, словно собака-поводырь своего слепого хозяина. Он покорно шёл за этой «собакой», крепко держа в руке поводок, словно «путьеводную нить» в неизведанное.

Песок в старинных часах давно просочился из «бюста» в «юбку». Теперь пышность «юбки» не соответствовала убогой прозрачной пустоте стеклянного «бюста». Он не стал переворачивать часы, ведь это был бы самый примитивный самообман. Ещё никому не удавалось остановить Время, даже перевернув Его с ног на голову!

Он, старый часовщик, как никто другой, понимал, что никто не властен над Временем. Хотя раньше, до ухода на покой, он несколько раз возвращал Время назад, в попытке предотвратить грядущие, но уже свершившиеся, события. Для достижения «эффекта обратного времени» достаточно было остановить ход часов, перекрыв песку дорогу специальной бронзовой заслонкой, и перевернуть их.

Часы эти являлись семейной реликвией и хранились на чердаке, подальше от посторонних глаз. Он был последним отпрыском династии часовщиков,

владеющей их секретом. Когда-то давно эти часы принёс в часовую мастерскую его деда некий древний старикан. Держась за сердце изуродованной правой рукой, тот попросил отрегулировать «ход обратного времени».

«Умоляю вас, поскорее! Я не хочу умереть!» – простонал необычный посетитель.

Странная, однако, просьба... Пока дед соображал, чего от него требуют, хозяин часов рухнул замертво прямо в мастерской.

Впервые он попытался воспользоваться часами будучи подростком, когда пришла «похоронка» на отца.

Он дёрнул заслонку, и вдруг обыкновенный чердак частного дома превратился в поле боя. Вокруг свистели пули и рвались снаряды, рёв танков заглушал стоны раненых. Отец с оружием в руках бежал навстречу пуле. Сын попытался дотянуться руками до отца, чтобы вырвать его из этого ада, но руки словно провалились в пустоту... Уже тогда стало очевидно: нельзя переиграть чужую судьбу. Это породило Первое сомнение – сомнение в существовании Милосердия.

Но он пытался ещё и ещё. Пытался, когда умирала мать, а он уже жил в новой стране и не успел прилететь с нужными лекарствами: из-за непогоды рейс задержали на много часов. Тогда-то и появилось Его Второе сомнение – сомнение в существовании Справедливости.

Затем страшная автокатастрофа, потеря молодой жены и Третье сомнение – сомнение в существовании Счастья.

Было ещё одно сомнение – Главное... Совокупность всех сомнений. Сомнение в существовании Всевышнего!

И Часовщик остался один – без родни, без часовой мастерской, но с древними песочными часами, очками с толстенными линзами и с бессонницей. Чтобы как-то облегчить пытку бессонницей, он придумал для себя занятие – подкрашивать потускневшие звёзды. Стоя на балконе и протягивая тоненькую кисточку сквозь миллионы световых лет (казалось, вот она – власть над Временем и Расстоянием), он дарил звёздам вторую молодость. Он делал это очень осторожно, едва касаясь кисточкой их остывшей поверхности, памятуя о первой попытке, завершившейся, в буквальном смысле, провалом. Тогда из-за слабого зрения он не рассчитал расстояние, и мазок получился слишком сильным и резким. Звезда покачнулась, сорвалась «с крючка» и стремительно полетела вниз.

А теперь Звёзды в благодарность за «макияж» ослепляли Часовщика короткой вспышкой золотой краски, а он, утомлённый, но довольный, отправлялся спать на те несколько часов, которые оставались до восхода Главной Звезды, и чувствовал себя божеством! Слабое утешение за все сомнения.

Но однажды Часовщику приснился сон: большая белая крылатая собака подлетела к свежвыкрашенным звёздам и слизала всю краску... А на следую-

щую ночь пришлось перекрасить всё сначала. Тогда он решил не ложиться спать, а дождаться собаки.

Собака оказалась псом. Большим белым Гончим Псом. Пёс из Созвездия Гончих Псов, отделившись от Стаи, подлетел к одной из звёзд и высунул свой огромный язык.

– Не сметь! – крикнул он.

Пёс оглянулся и закрыл пасть. Несколько мощных взмахов могучих крыльев доставили Звёздного Пса к балкону.

– Садись, – хриплым голосом приказал он и перекинул правое крыло через перила. – Трап подан. Летим к Старикау.

Часовщик, молча подчинившись приказу, оседлал «животное» и крепко схватился за сверкающий ошейник. Пёс плавно и уверенно направился ввысь, в ночное небо. Слизывая по пути краску со звёзд и не встречая при этом возражений, он взял курс на Млечный Путь, в конце которого их уже ждали.

– Я прекрасно понимаю, что с тобой происходит, – сказал Старик. – Сейчас мой верный Пёс вернёт тебя обратно. Ты перевернёшь часы и ляжешь спать. Разрешаю всего три раза перевернуть их – по разу на каждое сомнение.

– А как же быть с Главным сомнением? – спросил Часовщик.

– Меня это не волнует. А что касается тебя, то отсутствие первых трёх – исключает наличие последнего, – ответил Старик.

Вдруг обыкновенный чердак частного дома превратился в поле боя. Вокруг свистели пули и рвались снаряды, рёв танков заглушал стоны раненых. Отец с оружием в руках бежал навстречу пуле. Сын попытался дотянуться руками до отца, чтобы вырвать его из этого ада, но руки словно провалились в пустоту... В отчаянии он резко выбросил вперёд правую руку... Острая, жгучая боль... Пуля пробила ладонь и... застряла в ней. Пошатываясь, Он спустился с чердака, открыл на кухне кран и подставил руку под холодную струю. Пуля упала в раковину. Он наскоро обмотал ладонь какой-то тряпкой.

«Скоро мама придёт. Скажу, что играл на пустыре, упал и наткнулся на какую-то острую железяку. И отец сильно огорчится, когда вернётся с войны. Ведь с такой рукой я уже не смогу чинить часы», – подумал мальчишка, улыбаясь и теряя сознание.

ДАДАШЕВ Михаил

Родился в Дербенте в 1936 году. Сейчас живёт в Москве. По профессии экономист. Член Союза писателей СССР, автор ряда книг, в которые вошли романы, повести, рассказы, пьесы и притчи.

Литературная деятельность в семье Михаила Дадашева передаётся по наследству. Его далёкий предок Хизгия-зми Дадашев - первый сказитель своего народа, а дядя, Манувах Дадашев, был известным Дагестанским поэтом.

В альманахе «Мирвори» №3 был опубликован очерк М. Дадашева, посвящённый жизни и творчеству легендарного героя Дагестана Мардахал Овшолума.

В новом альманахе читатель сможет познакомиться с его прозаическими миниатюрами.

МИНИАТЮРЫ

Миндаль

На Малаховом кургане расцвёл миндаль. Пышная крона его покрылась белым цветом – символом радости и глубокой скорби.

Много лет назад каждой весной разноцветьем отзывался здесь большой плодовый сад, а после того, как по этой земле прошло полчище фашистов, от сотен деревьев остался лишь он один: израненный шрапнелью, пробитый и рассечённый пулями и снарядами, горевший в огне. Теперь вместо деревьев стоят здесь памятники погибшим защитникам.

Да, он не красив, как прежде, но вопреки воле и желаниям злодеев превратить этот цветущий уголок в груды развалин, миндаль этот выжил и ещё больше окреп. Даже сегодня, спустя десятки лет, каждый шрам на его теле напоминает о борьбе и жизнеутверждении.

К нему, к живому, постоянно приходят люди: седые матери, чтобы помолиться за не вернувшихся с фронта сынов, молодые – за советом в трудный час, или просто, сняв головной убор, молча постоять под его широкой кроной.

О чем шепчутся его листья на ветру?

О том, что жизнь продолжается!

О чем плачет миндаль в период цветения?

О том, что вместо любви, люди убивают друг друга!

Подснежники

Таяли и исчезали последние снежные плешинки. Почернели камни вершин. Сквозь серый занавес неба выглянул огромный голубой лоскут, отчего стало светлее. Как у безусого юнца, на лице большой возвышенности, на которой стояла пятнадцативековая Крепость – дворец, появилась зеленая поросль.

Земля пробудилась.

И словно откликнувшись на этот дивный зов природы, в воскресный день молодая пара решила совершить небольшую прогулку – подняться к Крепости и не только, чтобы осмотреть величественный замок седой старины, но и полюбоваться с высоты на свой город, что раскинулся амфитеатром от подножия горы до самого берега всё ещё шумного весной белогривого Каспия.

Совершить эту прогулку молодые задумали не как обычно, в обход крепостной стене, по проложенной каменными плитами дорожке, а напрямик, по короткому, но отвесному, крутому, обрывистому подъему, ведущему прямо к главным воротам замка. Трудно сказать, какую цель преследовали они, идя на этот шаг, ибо логика действий молодых не всегда объяснима.

Вершина горы в такую раннюю пору всегда представляет опасность для прогулки, ибо глиняная почва на её поверхности всё ещё влажная, солнце сумело пройти лишь до её верхней прослойки, а потому с неё легко было соскользнуть на острия, выступавших тут и там коварных скал или, что ещё хуже, свалиться в глубокий, наполненный липкой глиной и каменными осколками, овраг. Вот почему покрытая местами лёгкой плёнкой почва угрожала неискушенным путникам весьма большими неприятностями.

Так оно и случилось. Хотя молодой человек, с предосторожностью, вначале найдя точку опоры, двигался вперед сам, а потом уже, заботливо протянув руку, поднимал к себе и свою подругу, но дважды, поскользнувшись, он чуть не сорвался. А в третий раз не помогли ни инстинкт, ни осторожность: коварный плоский камешек, оказавшийся под подошвой ботинка, вначале не шелохнулся, а потом, непонятно отчего, стал сползать, унося одну его ногу вниз. Пришло понимание, что падение, а возможно и ушиб, неминуемы, как вдруг через метр злополучный камешек, зацепившись за другой, резко остановил своё движение, и юноша, потеряв равновесие, сел прямо в грязь. Не обращая внимания на его заляпанный костюм, они громко и весело смеялись.

Конечно, наши молодые путешественники не ожидали таких приключений, лучше сказать, не предполагали, что подобное возможно, и потому юноша в душе осуждал себя за этот опрометчивый шаг. Но ни признаться в этом, ни вернуться обратно он так и не решился, дабы девушка не сочла его за труса. Наоборот, подвергая себя новым испытаниям, они продолжали подъём к намеченной цели и, наконец, оказались на небольшой площадке, от которой до ворот дворца было уже рукой подать. И снова всё это сопровождалось весёлым визгом и хохотанием девушки, которая, благодаря стараниям кавалера, особых неудобств, а тем более страха, ничуть не испытала.

Любуясь красотой окружающей среды, наш герой неожиданно оглянулся назад и замер, словно гончая на охоте: прямо перед ним, в нескольких шагах, красовалось чудо весны – только что пробудился и поднял свою нежную бело-сиреневую головку подснежник. О боже! Первый весенний цветок! Радости юноши не было конца, ибо он мечтал о такой минуте, мечтал подарить своей подруге подснежники, так как давно любил эту девушку, не скрывая своих чувств, любил пылкой юношеской любовью. И очень надеялся на взаимность.

Поэтому, забыв об осторожности, немало рискуя, бросился к цветку, не повредив хрупкий стебелёк, бережно сорвал его и хотел было снова подняться наверх, как увидел другой, потом третий и четвёртый... Не обращая внимания на то, что весь измазался глиной и чуть не сорвался вниз, в пропасть, он всё же собрал маленький букетик этих удивительно красивых, так сочетавшихся с его чувствами, цветков и преподнёс своей любимой.

Девушка приняла подснежники, как-то странно улыбнулась, поднесла их к своему красивому носику и неожиданно, выбросив их на ветер, с безразличием произнесла:

– Фи! Ничего особенного!.

Подвиг

Осень. С деревьев сыпалась пожелтевшая листва. Дожди не переставали. Лишь изредка выглядывало солнце. Вот и сегодня, едва косые лучи его скользнули по реке, как жители села, прихватив с огромным трудом привезённые саженцы, вышли к берегу сажать яблоки.

Разбить здесь яблоневую аллею селяне решили ещё вначале весны, да вот незадача: то саженцы в питомнике соседнего хозяйства погибли, то машина, отправленная за ними, поломалась в пути, а два дня назад уже в третий раз снова чуть не сорвалось. Ну, прямо напасть какая. Поскольку в хозяйстве денег на покупку саженцев не оказалось, люди собрали их из своих накоплений. Вот почему достались они непросто.

Однако беда всё же пришла неожиданно, откуда совсем не ждали. Где-то в середине дня пахнуло таким теплом, будто рядом дышал пылающий костёр. Порывистый ветер пригнал из-за гор грозовые тучи. Сверкнула молния, и на село обрушился ливень, словно разверзлись хляби небесные. В течении нескольких минут со всех сторон понеслись мощные потоки, и река дрогнула, дыхание её участилось, будто какая-то мощная сила изнутри рвала её на части. Не выдержав подобного натиска, она вышла из берегов, готовая уничтожить на своём пути всё и всех.

Люди в страхе побежали.

Почувствовав простор, вода затопила вначале вырытые на берегу лунки для яблонь, затем двинулась на связку саженцев, на лопаты, вёдра и всё остальное, забытое людьми. Сейчас она легко поднимет с таким трудом привезённые саженцы и унесёт в пучину, гибель их неминуема.

Казалось, ничто не остановит испуганных людей...

Но неожиданно, оторвавшись от убегающей толпы, навстречу ветру и стихии вышел юный паренёк. Вода сбивала его с ног, ветер трепал на нём лёгкий пиджачок, дождь нещадно хлестал в лицо, словно возмущённая природа не хотела смириться с тем, что кто-то её не боится.

Встав навстречу потоку, уносящему в реку всё, что второпях оставили

селяне, юноша выхватил связку саженцев, прижал их, спасённых, к груди и, стараясь удержаться на ногах, устремился подальше от уже несуществующего берега.

Таким он мне и запомнился!

Улыбка

Ухватившись за поручень, и икая от избытка принятого вина, он качался в автобусе, как побитая боксёрская груша. От роду не более тридцати, с распущенным чубом, в пиджаке, измазанном грязью, с вывернутыми карманами брюк, выглядел он старше самого себя. Мутные, невидящие глаза на худом потном лице глядели на пассажиров безучастно. Но вдруг, словно проснувшись, он заметил рядом молодую женщину, близко дыхнул на неё мерзким ядовитым перегаром и, ослабившись давно нечищеными зубами, пробормотал:

– Ух-х, ба-а-а-ба! Му-у! – он поднёс грязную пятерню к влажным, слюнявым губам и сочно чмокнул.

Женщина, оскорбившись, брезгливо отвернулась и от обиды тихо заплакала. Пассажиры разволновались. Послышались недовольные голоса.

А ему, видно, стало ещё веселее, и он надрывно, тревожно и скучно, как сама осень, что стояла за окном, запел:

– А-а цыга-а-нка-а пе-е-сню пе-е-ла-а...

На следующей остановке его вывели. Установилась гнетущая тишина. Слушавшееся надолго испортило людям настроение.

Неожиданно в автобус вскочил мальчик. Его озорные глаза искрились весельем, весь в веснушках носик победоносно смотрел на светлый хохолок хозяина.

– Здравсте! – звонко и весело произнёс он, обратив на себя внимание. Он озорно улыбнулся и, положив авоську с хлебом рядом, сел на кресло.

Вытирая слёзы, улыбнулась оскорблённая женщина. Улыбками озарились лица пассажиров, словно через тяжёлые грозовые тучи пробился яркий солнечный луч.

Chercher la Femme!

В старом здании Московского университета, в вестибюле второго этажа стоят несколько низких круглых полированных столов и широкие без спинок скамейки. Слева и справа от вестибюля вниз ведёт широкая из белого мрамора лестница.

Облокотившись о стол, рядом с нами сидит и что-то торопливо пишет в тетрадь девушка лет двадцати. Вдруг она на мгновение подняла голову и задумчиво посмотрела в нашу сторону. У неё были нежные черты лица и голу-

бые, небесные глаза. Её изумительная природная красота невольно вызвала восхищение.

Кончив писать, она неторопливо открыла сумочку и извлекла начатую уже пачку сигарет. Сигарету девушка разминала мягко, эластично, двумя длинными, музыкальными пальцами. Затем, подарив мне и моему другу очаровательную улыбку, спросила:

– У вас есть спички?

– Нет, – ответили мы вместе, виновато опустив голову.

– Вы не курите? – она снова улыбнулась.

Получив отрицательный ответ и на этот раз, девушка обратилась к проходящему мимо студенту:

– У вас найдётся, чем прикурить?

Многозначительно улыбнувшись, парень развёл руками и ответил:

– Нет, вы знаете, ребята с нашей группы все не курят...

Неудача преследовала нашу соседку долго. Как назло, ей встретились одни некурящие.

Наконец появился курящий – по лестнице медленно, с трудом передвигая ноги, поднималась, наряженная в узкую юбочку, молодая женщина. На голове – копна подкрашенных волос, которым придана форма популярной причёски «Полюби меня с разбегу», ярко накрашены губы, чуть ли не до самых ушей подведены узкие, выщипанные брови.

– Ой, наконец-то, – тихо воскликнула наша соседка.

Она подошла к курящей и неуклюже закурила, мягко прижимая губами кончик модной сигареты.

При этом они многозначительно улыбнулись друг другу.

КАРАКИС Геннадий

Родился в городе Баку. В 1990 году переехал в Израиль. Проживает в городе Бетр-Шева.

Публиковался в газете «Малоджэз Азербайджана». С 1982 года был участником Бакинского клуба любителей фантастики под руководством Павла Амнузля. В 1988 году участвовал во Всесоюзном конкурсе «Азлит» в городе Свердловске.

Автор стремится писать на острые социальные темы, причем придаёт сюжетам своих рассказов своеобразные формы. Рассказ «Пьеса для двоих» был опубликован в еженедельнике «Время» в 1994 году, повторно опубликован в альманахе «Мирвори» №1, рассказ «О бедной собаке замалуйте слово» опубликован в альманахе «Мирвори» №2, а в Мирвори» №3 - рассказ «Дьявольская диета».

Несколько рассказов принято к публикации в израильском еженедельнике «Мост». Участник многочисленных литературных конкурсов. В общей сложности уже опубликовано пятнадцать рассказов. Написано – около сорока.

Литературная страничка автора находится на сайте: zhurnal.lib.ru/k/karakis_g_m

МОЙ АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ ПО ИМЕНИ ДРУГ

Эту историю о странной чёрной собаке рассказал мой товарищ Аркадий – любитель лыж и оздоровительных процедур в ледяной воде...

Аркадий возвращался домой после тренировки и совершенно случайно заметил лежавшую на обочине собаку. Увидев, что собака вдруг повернула голову, он остановил машину и вышел. Пёс не мог сдвинуться с места: задние конечности его были раздроблены. Аркадий завернул несчастного в старую лыжную куртку и отнёс в машину.

Дома его ждал любимец – сенбернар Джим. Великан Джим поднялся на задние лапы и собрался лизнуть хозяина в лицо, но передумал, после того, как увидел бродячую чёрную собаку. От куртки пахло кровью. А от уличного пса – смертью. Сенбернар только обнюхал Аркадия, затем резко мотнул головой.

– Это новый член нашей семьи, – сказал ему хозяин.

Сенбернар, возмущенно фыркая, проводил его до самой ванной, где Аркадий решил оставить покалеченную собаку. Перевязав раны бродячему псу, Аркадий попытался сделать ему лангеты на раздробленные конечности. Налил бедняге похлёбку, ту самую, что так любил Джим. Пёс немного поел, и Аркадий понял, что ещё не всё потеряно. Главное, есть надежда, что удастся спасти собачью жизнь. Рано утром он отправился к ветеринару. Тот, осмотрев собаку, отрицательно покачал головой. Ответ был неутешительным. Жаль пса, но в его состоянии операция бесполезна.

Аркадий глянул в жалобные глаза пса, умоляющие, просящие о помощи.

– Ну что, Друг, – сказал он, – повоюем?

И началась борьба за выживание...

Аркадий варил похлёбку, до тех пор, пока кости не разварились окончательно, и этой жижей кормил Друга. Позже в рационе собаки до-

бавилось мумиё, которое Аркадий покупал у одного бухарца для лечения язвы, приобретённой во время работы на севере.

Через месяц Друг уже успешно ползал по квартире, подтягивая передними лапами непослушное туловище. Аркадий обрадовался, когда увидел, что пёс пытается опереться на покалеченные лапы. Видимо, мумиё оказало своё волшебное воздействие. Лангеты пришлось снять.

Однажды ночью пёс объявился в спальне. Жена вначале хотела выгнать его, но Аркадий её остановил. Он погладил Друга, и пёс, стараясь не причинять боли, схватил острыми зубами кисть руки своего спасителя. Друг не знал, что такое ласка. Возможно, таким образом он выражал свою признательность. С той ночи Друг спал рядом с кроватью своего хозяина...

Весёлым весенним днём Аркадий вынес Друга на улицу. Стойкие ароматы зелени и удивительно свежий воздух после прошедших дождей придавали особое настроение и людям, и животным...

Друг был мельче сенбернара, но весил килограммов сорок, не меньше. Аркадию было тяжело, на обратном пути он даже чуть было не свалился. На следующий день Друг выполз на лестничную площадку самостоятельно и... на передних лапах стал спускаться по ступенькам вниз. У Аркадия на глаза наворачивались слёзы, он порывался помочь псу, пока не понял, что это своего рода экзамен для Друга, привыкшего к уличной самостоятельности. Только после окончания прогулки Друг позволил Аркадию взять себя на руки и поднять на четвёртый этаж.

Друг осваивал жизнь заново, словно только появившийся на свет щенок. При малейшем шуме проезжавшей машины он падал и закрывал глаза. Будь у пса возможность, он зарылся бы в землю, словно крот. Каждый день Друг всё лучше и лучше ползал на брюхе, удивляя прохожих своим увечьем и стойкостью...

Вскоре наступили странные перестроечные времена. О беззаботной жизни в проектной институте Аркадию пришлось забыть. Работа в строительном кооперативе занимала много времени. Только по воскресеньям удавалось уделять время собакам.

А Друг тем временем начал ковылять. Если на горизонте появлялись чужие собаки, он считал своим долгом облаять их, защищая своего приятеля – Джима. Где-то к осени пёс научился бегать на четырёх. Одна из задних лап срослась под непонятым углом к туловищу, поэтому он передвигался непонятыми зигзагами. Это вовсе не мешало Другу в его постоянной погоне за птицами и кошками: в крови у него сохранились охотничьи навыки. Когда Аркадий возвращался домой, Друг успевал первым поприветствовать хозяина громким лаем. После этого возвращался к Джиму и лизал того в морду, чтобы не обижался.

Друг был счастлив: у него были хозяин и дом...

Эта идиллия длилась почти год, пока на горизонте не появились двое молодых ребят в кожаных пиджаках, предложивших Аркадию свою защиту от других рэкетиров. Аркадий вежливо отказался. Он никогда ничего не боялся. Занимался в своё время самбо, участвовал в чемпионате Ленинграда.

Произошла короткая стычка, в которой Аркадий победил.

– Ты, мужик, ошибся, – заявил коренастый парень, сплюнув кровь, сочившуюся из разбитой губы. – Братва тебя в покое не оставит.

Прошло несколько дней, и Аркадий стал забывать о шантаже... И совершенно напрасно. На этот раз не было предварительных угроз. Его подстергли у выхода из дома. От удара по голове Аркадий сразу свалился на пол. Второго удара не последовало. Сопровождавший его Друг набросился на нападающего, стремясь дотянуться до горла. Аркадий видел рассвирепевшую собаку, в ключья разорвавшую рукав куртки молодчика. В это время раздался выстрел. Вой милицейской сирены спас Аркадия от смерти. Рэкетеры отступили к своей машине и сразу же отъехали. Друг взвизгивал в нескольких метрах от Аркадия. Жизнь уходила из него с кровью, вытекающей из маленькой дырочки на груди, с каждым толчком останавливающегося сердца. Друг схватил руку Аркадия зубами и слегка сжал её. Затем закрыл глаза и больше не открывал их... Труп собаки Аркадий закопал рядом со стройкой, на пустыре, и долго стоял рядом со свежим холмиком, мысленно благодаря самоотверженного пса.

Но Аркадия не оставили в покое. Через некоторое время позвонили, и вежливый голос осведомился, когда он заплатит требуемую сумму...

Примерно через неделю Аркадий увидел во дворе рядом с Джимом чёрную собаку, похожую на Друга, сбежал вниз, но к тому времени, когда он оказался во дворе, Джим остался один. Сенбернар странно себя вёл, повизгивал, словно был чем-то озадачен. Затем схватил подстилку Друга, которую он всё время вытаскивал на улицу, и бросился домой...

Аркадию всё время казалось, что Друг находится рядом с ним. Ночью отчётливо слышалось тяжёлое дыхание возле кровати. Нисколько не боясь, он отпустил руку и чувствовал клыки Друга на своей ладони. Однажды, взглянув в зеркало, расположенное на противоположной стене, Аркадий вдруг увидел Друга, сидевшего у его ног...

...Поздно ночью Аркадий проснулся оттого, что лежавший на пороге Джим вдруг поднялся и оглушительно залаял. В абсолютной тишине со страшным звоном разлетелись стёкла в спальне, и холодный осенний ветер стал перебирать гардины. Аркадий потянул жену в гостиную, где хотел помочь ей перелезть через балкон и по пожарной лестнице спуститься вниз. Пробки были предусмотрено выкручены. Аркадий знал, что сенбернар представлял собой сокрушительную силу, но одинокий выстрел прервал лай Джима.

– Ну что, инженер, – раздался сиплый голос. – Доигрался? Говорили тебе, раскошеливайся!

Зажёгся свет. Их было трое – уверенных в своей безнаказанности молодчиков. Аркадий заслонил собой жену.

– Жену не трогайте, сволочи. Она здесь ни при чём.

– Точно, – один из парней с гнилыми зубами засмеялся. – Ей мы ничего не сделаем. Где деньги?

Он замахнулся, но вдруг остановился: на пороге квартиры стоял Друг...

Те же перебитые задние лапы, тот же испытующий взгляд. Раздались выстрелы. Пули проходили сквозь пса, не нанося ему ни малейшего вреда. Нападавшие ретировались с невероятной скоростью, и пёс ринулся вслед за ними. Аркадий с женой прижались друг к другу, не веря происходящему. Откуда-то издалека раздался вой...

Они быстро оделись. Собрали самое необходимое в два чемодана, вытащили из тайника все имеющиеся деньги. Больше они домой не возвращались. Отсиживались у знакомых. Когда настало время отъезда, Аркадий съездил на пустырь, где в своё время похоронил Друга. Могила была раскопана, на её месте зияла глубокая яма. Неужели Друг остался в живых?

Аркадий с женой уехали к родственникам в Израиль. Жили как все репатрианты, перебиваясь с одной работы на другую. Из-за того, что не было денег купить машину, Аркадий часто ездил на автобусе. Однажды он увидел пса, похожего на Друга. Пёс охотно подбежал на его зов. В автобус не разрешали зайти с собакой, да и пёс вёл себя странно, рычал и старался оттеснить его подальше от остановки. И Аркадий никуда не поехал.

Автобус сдвинулся с места, а через мгновение раздался оглушительный взрыв. Это сработал взрывной механизм, приведенный в действие террористом-смертником. Из окон выплеснулись красно-чёрные языки огненных чудовищ, пожирающих человеческую плоть. Воздух наполнился смрадным запахом гари. Вой сирен машин «скорой помощи», крики очевидцев, раненных прохожих – всё смешалось в сюрреалистический калейдоскоп кадров из фильма ужаса.

Аркадий находился в каком-то столбняке: из автобуса вытаскивали обугленные трупы женщин и детей, раздробленные части тел... Когда он очнулся, собака облизывала мокрым шершавым языком его лицо. Она не убежала, не испугалась ни криков, ни шума.

Многие видели седого мужчину в окровавленной одежде и чёрную собаку. Аркадия останавливали, спрашивали, но он ничего не понимал, только кивал головой, будто со всем соглашаясь. Полицейская машина отвезла его домой. Пёс тоже запрыгнул во внутрь. Полицейские сжалились и не прогнали его...

...Он вёл себя словно старый знакомый. Ночью лежал возле кровати и играючи хватал руку Аркадия зубами. Чёрный пёс благосклонно принимал ласку, улыбался, широко разевая пасть, позволяя дотронуться до своей груди, на которой отчётливо нащупывался шрам от пули...

КОЗАКОВА Маргарита

Я родилась, росла, воспитывалась и училась в славном ватжском городе Самара (Куйбышев). Окончила филфак (как хорошая еврейская девочка - для мамы), но по специальности почти не работала, потому что с детства мечтала о музыке и театре. Переехав в 1991 в Израиль, начала искать себя именно в этой области, работала в частных театрах, организовала свою маленькую труппу. И кто бы мог подумать, что через много лет мне вдруг пригодятся мои филологические знания и журналистские навыки (мама была права, спасибо маме). Вот уже больше трех лет я работаю заместителем редактора моей любимой «Кавказской газеты». И пишу. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что писала я всегда. Писала юморески, фельетоны, сценарии, стихи и тексты песен. Всё это довольно успешно исполнялось со сцены, но я даже и не думала свои опысы публиковать.

Однако под давлением коллег по работе я всё же поместила в «Мирвори» №2 свои стихи и переводы и так вошла во вкус, что в этом выпуске решила опубликовать одно небольшое прозаическое произведение. Стоило оно того или нет, решат как всегда читатели.

ЗАПАХ СЧАСТЬЯ

(Отрывок из книги «Запах жизни», которая ещё пишется...)

У любого человека, в особенности у женщины, есть любимые запахи. Запахи, о чём-то напоминающие, запахи нервирующие и раздражающие. У главной героини моих рассказов, милой девчушки Лёльки, всё происходит и так, и не так, как у обычных людей. Запах для неё – средство осознания действительности. Все её жизненные ассоциации и мироощущение вообще связано с запахами. Именно поэтому в её понимании существуют «запах счастья», «запах одиночества», «запах любви», «запах ненависти», «запах нежности» и даже «запах антисемитизма». Она знает, как пахнет аппетит, боль, богатство и страдание. Причём её ассоциации не всегда совпадают с ассоциациями окружающих. Но это и неважно, потому что у каждого из нас своё собственное восприятие жизни или «запах жизни», как сказала бы Лёлька.

Маленькая девочка, живущая в мире запахов, через них каким-то невероятным образом так постигает глубинный смысл вещей, как не всегда способен его постичь взрослый, умудрённый опытом человек. Это дар. Она пронесёт его через всю жизнь, передаст дочери и внучке.

Легко ли с этим даром жить? Нет. Спросите у меня, я знаю.

Лёлька проснулась от удивительного запаха. Чем же это так пахнет? Девочка открыла глаза, вернее, сначала один огромный серый глаз. А другой, такой же огромный и такой же серый, не хотел просыпаться и открылся на секунду позже. Но даже и одним глазом Лёлька смогла разглядеть, что ходики с котёнком показывали половину шестого.

– Неужели бабуля в такую рань начала печь пироги?

Нет, пахло не пирогами. И не блинчиками. И не жареной картошкой. Запах был вообще несъедобным, но таким прекрасным!

Лёлька чувствовала, что ещё не совсем проснулась, но просыпаться совсем ей и не хотелось. Девочке нравилось приятное состояние полудрёмы, когда сложно разобрать: то, что проносится в твоей голове, – уже мысли или ещё сны.

«Чем же так приятно па-ахнет?» – медленно думала Лёлька.

Следующая мысль вызвала на её хорошеньких пухленьких губках ленивую улыбку. Она вспомнила, как дедуля, когда хотел сделать вид, что сердится, подносил к её носу свой огромный кулак и говорил нарочитым басом: «А ну, понюхай, чем пахнет?!» Когда девочка была совсем маленькой, она, понимая, что дедушка шутит, начинала хохотать и убегала. Но годика в четыре, она научилась включаться в игру и на полном серьёзе, без малейшего признака улыбки начинала обнюхивать кулак:

– Так: клей, котлеты и одеколон, но не который в спальне, а который в ванной!

И тогда начинал хохотать дед. Причём, всякий раз забываясь и привычным жестом подсовывая внучке под нос кулак, он смеялся до слёз из-за её вредных ответов.

«Ох, как хорошо-о-о-о! – подумала Лёлька, глубоко вздохнула, потянулась и почувствовала, как чудный запах наполнил её всю – от белой кудряшки до розовой пятки. Он переполнял её, делал невесомой. – Да чем же пахнет?»

– Чем-то пахнет! Да понюхайте вы все! Чем же это пахнет?! – вспомнился Лельке тревожный голос бабушки. Та бегала по дому, по веранде, выскочила во двор и всё время повторяла:

– Послушайте! Пахнет! Я вам говорю!

Внезапно она остановилась и твёрдым спокойным голосом произнесла:

– Не пугайтесь, но мы горим!

Единственным необследованным местом оставался чердак. Туда дедушка и полез, а Лёлька, естественно, за ним, хотя её никто и не звал. На чердачном окне спокойно и беззаботно сидел её старший брат Витька. Он сидел, болтал ногами и делал вид, что не слышал ни бабушкиных криков, ни сопения и крихтения поднимающегося по крутой лестнице дедушки. Весь чердак был заполнен туманным облаком едкого дыма.

«Опять спички жёг, – подумала тогда Лёлька, – эх, и достанется ему сейчас! Витьку жалко. И чего он так любит эти спички поджигать? Ну, пошёл бы себе в сад и поджигал бы там! Вот глупый!»

– Ничего я не жёг! – донёсся до неё сквозь мысли тонкий Витькин голос. – Ничего я не жёг! Мамой клянусь! Я мамой клянусь!

На сей раз, Витьку не наказали. И не потому, что поверили и простили. Нет. Про него просто забыли: в тот момент, когда он произнёс свою сильнодействующую клятву, за дедушкиной спиной раздался истошный Лелькин вопль. С невероятной скоростью дед развернул своё массивное тело и бросился к внучке, а та плакала навзрыд и одновременно пыталась что-то сказать брату.

– Нет! Ты не...! Не сме...! Моя ма...! Нельзя! – это всё, что можно было разобрать среди рыданий.

Через несколько секунд рыдания перешли в судороги. Дедушка не в силах был спуститься по приставной лестнице с девочкой на руках.

– Воду! Неси холодную воду! – закричал он оторопевшему Витьке. – Бабушку! Зови бабушку!

С истерикой боролись долго. На девочку дули, брызгали водой, клали ей на грудь мокрое полотенце. Постепенно Лёлька успокоилась. И тогда заплакал Витька. Он плакал не так громко, он плакал тихонько, прижимая к губам маленькую ручку сестрёнки.

Витька никогда больше не клялся мамой, он вообще никем больше не клялся и как-то сразу в один день почему-то перестал врать. Он был ненамного старше Лёльки, всего на четыре года, но помнил её с первого дня появления в доме. Витька видел младших сестёр и братьев своих друзей и понимал, что его сестра – девочка необыкновенная. Дело в том, что она никогда не плакала. Она просыпалась с улыбкой, засыпала с улыбкой, кушала и купалась охотно. В доме всегда звенели колокольчики её смеха. То, что случилось с сестрой сегодня, произошло впервые за все пять лет её жизни.

И вот они уже сидят за столом на веранде – бледный, как мел, Витька и красная, как помидор, Лёлька. Они пьют чай с вишнёвым вареньем, а бабушка на другом конце стола капает карвалол в две рюмочки – себе и дедушке.

– Ты чего ревела-то, – шёпотом спросил Витька, – напугала до смерти!

– Вить, не клянись больше мамой, ладно?

– Ладно, а что?

– Помнишь, как соседский Мишка под машину попал?

И Лёлька рассказала брату страшную тайну. Она никого не хотела расстраивать и поэтому раньше её не рассказывала.

Их друг Мишка жил в соседней квартире. Он был хорошим парнем, только с родителями ему не повезло. Каждый день, когда те начинали ругаться, Мишка потихоньку ускользал из дому и стучался к соседям – Витьке и Лёлке. А однажды Лёлька услышала, как Мишкин отец в разгар очередного скандала крикнул: «Да я детьми клянусь!», а его мама, тётя Нюра, завопила:

– Не смей клясться детьми, потаскун! Если с ними что-нибудь случится, я тебя задушю собственными руками.

Лёлька не очень понимала, что такое «потаскун», но фразу эту почему-то запомнила. А через пару дней Мишка ехал на велосипеде через дорогу и попал под грузовик.

Лёлька глубоко вздохнула, чтобы отогнать от себя грустную картинку, и тут же улыбнулась: «А запах-то всё-таки есть! И славный какой! Да чем же пахнет?»

Дверь тихонько скрипнула, и в комнату на цыпочках вошла бабушка. Лёлька смотрела на неё сквозь сомкнутые ресницы и гадала: бабушка знает, что она уже не спит, или нет?

– Куда же спрятать, шёпотом, как будто сама с собой, говорила бабушка.
– Подарок всё-таки! Вещь хрустящая! А Мурзик скинуть может или поцарапать.

«Ну, бабуля! Ох, и хитрюга! Это она меня так будит, – тихонько хихикнула Лёлька. – Зачем уговаривать, просить: «Деточка, вставай, ну, вставай же, кому говорю!» Так гораздо лучше. Мне любопытно будет, и я сама подскочу. А что это она там говорила про подарок? Кому подарок?»

И тут Лёльку осенило! Она поняла, чем так великолепно, так сказочно пахнет! Это же Запах счастья! Она вдохнула полной грудью, и счастливый воздух поднял её вверх, немного покачал и вернул на кровать, но уже ногами вниз. Лёлька залилась своими звонкими колокольчиками, подпрыгнула пару раз на кровати и повисла на шее у подросшей бабушки.

– Ой-ёй-ёй, коровушка моя родная, – закричала бабушка, – ну и именинница у нас! Чуть бабушку не уронила!

– С Днём рожденья! С Днём рожденья! – раздалось за дверью, и в комнату ввалился Витька, за ним забежали мама и папа. А дедушка не забежал. Он стоял в дверном проёме и делал вид, что сердится на неуместный утренний шум.

– Бабуля, скажи, – спросила Лёлька за завтраком, распилывая вилкой неподатливую яичницу, – а что такое «потаскун»?

От неожиданности бабушка произнесла что-то похожее на «кряк» и опустилась на стул. Именно от неожиданности, а не от удивления. Бабушка, проработавшая в школе 35 лет, как никто другой знала, что детскую логику и детские ассоциации не может постичь никакой, даже самый светлый взрослый ум. Поэтому она не удивилась неожиданному вопросу, а, моментально прокрутив в уме десяток возможных комбинаций, начала доходчиво выкручиваться:

– Понимаешь ли, деточка, «поТОскун» – это такой человек, который часто ТОскует. Потоскует, потоскует и ...

– Впадает в депрессию. Я по телевизору видела, – выпалила Лёлька и неожиданно вскочила. – Бабулечка, красотулечка, я побежала, «АБВГДейка» же начинается!

Лёлька звонко чмокнула бабушку в щёку, глубоко, сладко вздохнула и... полетела.

Господи! До чего же хорошо, когда за окошком блистательное летнее утро, всю квартиру заполняют яркие солнечные лучи и щебет самых звонких на свете птиц. Когда самая замечательная на свете бабушка с утра колдует на кухне, потому что тебе сегодня семь лет, и вечером будут гости. Когда по телевизору начинается самая интересная на свете «АБВГДейка». Когда вся твоя кроватка завалена подарками, а то ли ещё будет. Когда, раскрыв один из подарочных пакетов, ты извлекаешь из него самый настоящий, самый лучший, самый замечательный и самый первый в твоей жизни портфель. Когда у тебя есть так много «мечт» и «непеределанных» дел и нет даже

капли сомнения, что всё обязательно сбудется, получится, осуществится. Да и может ли быть иначе?

И ты уже не ходишь – ты паришь, не касаясь ногами земли. А вокруг тебя огромный-преогромный, понятный, беспроблемный и очень добрый мир, наполненный радостью, любовью и Запахом счастья!

Потом, когда-нибудь, через много-много лет Лёлька не раз вспомнит этот Запах и состояние безудержного счастья, в котором можно пребывать только в детстве. Вспомнит, грустно улыбнётся и вздохнёт. Почему? Да потому что вокруг почти не останется людей, привыкших называть её Лёлькой. Все эти близкие, родные и такие дорогие люди постепенно уйдут, а им на смену придут тоже замечательные и дорогие, но другие... И звать её постепенно начнут Олей, Ольгой, Олюшкой, мамочкой, бабулей...

А этот волшебный запах – Запах Счастья останется только в её воспоминаниях, но никогда, понимаете, ни-ког-да она больше не сможет его ощутить. Ни она, ни другой даже самый-пресамый мудрый-премудрый взрослый. Ну, что уж тут поделаешь?

**СИМАН ТОВ
Шауль
(Шамиль Агаев)**

Родился 17 мая в 1971 году в городе Баку. С 1989 года начинает печататься в бакинской прессе. В 1990 году выпускает самиздатовский журнал «Прок», а в 1992 году, официально, «Меломан».

В январе 2000 года репатрировался в Израиль. Печатался в «Кавказской газете», в которой с сентября 2007 является членом редакционной коллегии, и альманахе «Мирвори».

В январе 2004 года основал сайт Druzya.com.

В мае 2007 принят в Союз писателей горских евреев Израиля, в июне 2008 года избран секретарём этой организации.

С июля 2007 года член правления комитета по культуре и искусству Международной ассоциации Израиль-Азербайджан «АзИз».

В октябре 2007 года вышел CD «Райский сад» с песнями на текстах Шауля СиманТов.

Живёт в городе Тират Кармель. Женат, имеет сына и дочь.

ПОВЕСТЬ

про питерского преподавателя Петрова Поликарпа Павловича

(постоянно пополняемая переделками)

Питерский преподаватель Петров Поликарп Павлович, проживающий по проспекту Петра Первого, преподавал пение пятиклассникам. Подопечные побаивались Поликарпа Павловича, поскольку преподаватель постоянно превышал полномочия педагога, потчуя провинившихся пинками, подзатыльниками, пощёчинами. Пагубная привычка принесла положенные плоды: после парочки полученных подзатыльников пятиклассник Павлик Пупкин принялся, постоянно подмигивая, подёргиваться. Петров, пытаясь помочь подростку, предложил произвести вторичный подзатыльник.

После произошедшего Пафнутий Прохорович, папа Павлика, подал педсовету протест против подобных педагогических приёмов. Педсовет попросил Петрова постараться преподавать предмет поласковее. Петров, поразмыслив, пообещал перестроиться.

По пятницам после полудня Поликарп Павлович, посвистывая песни Пахмутовой, прогуливался по проспекту Петра Первого. Потягивая папиросу, педагог приветствовал приятелей, постоянно просиживающих портки по пивнушкам. По пути Петров периодически подавал попрошайкам, просившим подаяние.

После пятничной полуденной прогулки Поликарп Павлович приходил попробовать постоянно пережаренные пирожки, приготовленные приятельницей Перовой Прасковьей Пантелевной, подрабатывающей перешиванием пододеяльников. После поедания пирожков Петров предлагал Перовой прогуляться. Потом Поликарп Павлович приглашал Прасковью Пантелевну посетить представления приезжих певцов. Потом провожал, поскольку Перова побаивалась преступников, переодетых попрошайками. Путь пары проходил по пустынному проспекту Петра Первого.

По прошествии пятидесяти пятниц после первого прожёванного пирожка Прасковья Пантелеевна, пристально посмотрев, попросила Петрова:

– Поликарп Павлович, постарайтесь, пожалуйста, припомнить приснившееся позавчера.

Петров, приняв позу памятника Пожарскому, промолвил:

– Постараюсь припомнить... Позавчера... Помню! Позавчера приснилось поле, проросшее пшеницей. Посреди поля паслись пятьсот пятьдесят пять полосатых пингвинов, покрытых перламутровыми пигментными пятнами. Первые пятьдесят пять полосатых пингвинов пытались перегрызть платиновый провод, проходивший по периметру поля.

Полсотни пингвинов пили пиво, пятеро – портвейн. Пятнадцать плакали, поскольку пришлось похоронить престарелого праделушку, преставившегося перед праздником православной Пасхи. Прочие присутствовавшие пингвины, подражая Пугачёвой, пели песню про паромщика, перевозившего пары по переправе. Последние пять полосатых пингвинов помогали первым пятидесяти пяти перегрызть платиновый провод...

Петров помятым платком промакнул проступивший пот.

– Прелестно! – проговорила Перова. – Подобное предвещает потрясающие перемены.

Понятливый Поликарп Павлович, проглотив последний пирожок, предложил Прасковье Пантелеевне пожениться. Побледневшая Перова попыталась протестовать. Петров, поняв притворство Прасковьи Пантелеевны, повторил предложение понастойчивее. Покрасневшая Перова, поправив платице, приняла предложение Поликарпа Павловича. Признательный Петров, поцеловав плечико Прасковьи Пантелеевны, пошёл проведать племянников, прикупив по пути пряники. Племянники, поев пряников, предложили Петрову передохнуть. Поликарп Павлович пренебрёг предложением, поскольку планировал после полуночи посмотреть «Покаяние» Параджанова.

Прошло пару пятниц. Поликарп Павлович, поставив пластинку Паганини, принялся просматривать позавчерашнюю почту, принесённую подвыпившим почтальоном. Петрову попалось письмо, присланное приятелем Перельманом Пантелеем Пейсаховичем, проживавшим под Псковом. Пантелей Пейсахович писал:

«Поликаша, привет! Получил приглашение посетить праздник, посвященный помолвке. Примите поздравления! Постараюсь приехать поездом. Приплыть паромом проблема. Погода постоянно пасмурная, противная. Передавайте привет Перовой Прасковье Пантелеевне! Подпись. Преданный приятель Перельман Пантелей Пейсахович».

– Подлец! – подумал Петров, – «Постараюсь приехать...» – передразнил Поликарп Пантелея, перечитав письмо. – Пусть приедет – потом посмотрим!

Перевернув пластинку Паганини, Петров продолжил перебирать почту. Потом, побрившись, Поликарп Павлович, пошёл покупать подарок Прасковье Пантелеевне – пылесос польского производства.

Прасковья Пантелеевна прошла по парикмахерским, подбирая подходящую причёску, попутно примерила подвенечное платье, пошитое портными,

приехавшими подзаработать по приглашению председателя предприятия «Пошив» Пичхадзе Пармена Петриковича.

Потом, получив получку, пошла, покупать пижаму – подарок Поликарпу Павловичу.

Перед первомайскими праздниками произошла помолвка. Пришедшие пораньше подружки Перовой пекли пироги. Пришедшие попозже приятели Петрова принесли пиво.

Поликарп Павлович, подвыпив, принялся пересказывать присутствующим по памяти «Поколение Пи» Пилевина. Присутствующие подивились прекрасной памяти Петрова! Приехавший поездом приятель Поликарпа Павловича Перельман Пантелей Пейсахович, позавидовав популярности Петрова, прочёл поэму Пушкина «Полтава». Петров, подойдя, хлопнул Перельмана по плечу:

– Превосходно Пантелей Пейсахович, просто превосходно! Пушкин, пожалуй, покруче Пилевина! Пушкин переживёт Пилевина, поскольку Пилевин подле Пушкина – примитив! Пилевин пушинка перед Пушкиным!

Приятели Поликарпа Павловича пили портвейн, пели песни, плясали под передаваемую по приёмнику польку, подмигивая приятельницам Прасковьи Пантелеевны.

Подружки Перовой подыгрывали, подмигивая приятелям Петрова, поскольку, подобно Прасковье, пытались подобрать подходящую партию.

Перебрав портвейна, приятели Поликарпа Павловича подрались. Поводом послужила подружка Перовой перекрашенная Павлина Пименовна Пулькина. Прасковья Пантелеевна, пристыдив приглашённых, прогнала приятелей Петрова прочь.

Поутру Петров Поликарп Павлович пошёл покупать пиво, поскольку пиво помогает похмеляться. Перова Прасковья Пантелеевна, подбирая по паркету пустые пачки папирос, пивные пробки, пуговицы, потихоньку плакала.

По приёмнику передавали первомайское приветствие президента Путина.

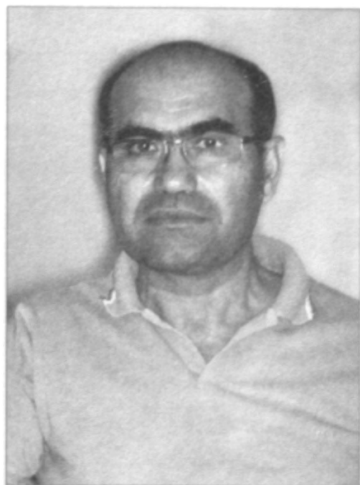
Похмеляющийся Поликарп Павлович, пододвинув пуфик, присел подле пианино «Petrov». Потягивая пиво, Поликарп Павлович попытался плевком потушить папиросу. Попытка провалилась. Побагровевший Петров пнул пепельницу пяткой. Пепельница, перевернувшись, покатила по паркетному полу. Перова, подняв пепельницу, помогла Петрову потушить папиросу.

Покачиваясь, Поликарп Павлович попытался поставить пластинку Паваротти. Попытка провалилась. Петров плюнул, пошатнулся, повторно перевернул пепельницу, потом пуфик, пианино, патефон, приёмник, пылесос польского производства, пачки прошлогодней периодики...

– Погром! – прокричала перепуганная Прасковья Пантелеевна.

(продолжение пишется...)

ХАНУКАЕВ Борис

*Поэт, прозаик, педагог, член
союза писателей Израиля.*

*Родился в 1952 году в Дербенте,
в 1991 репатрировался в Израиль.
Выпускник Красноярского государ-
ственного института культуры и
Хайфского университета.*

*Работал редактором город-
ского радио в Дербенте, редакто-
ром республиканского вещания на
горско-еврейском языке. Препо-
давал музыку, эстетику, горско-
еврейский язык.*

*В настоящее время является
руководителем отдела по работе
с выходцами с Кавказа в Мини-
стерстве абсорбции, а в свободное
время на общественных началах
преполагает иврит пожилым репа-
триантам.*

*Автор многочисленных пу-
бликаций в периодической печа-
ти, а также автор четырёх книг:
«Надежда» (1989), «Сам» (1990),
«Предсказание» (1998), «И море, и
земля, и небо» (2007).*

*Пишет на русском, горско-
еврейском языках и иврите.*

КОТОРЫЙ

Победитель

Приятно рассказывать о человеке. Который в свои четырнадцать лет дружил с нами, семнадцатилетними. Он признавался нами, потому что был во всех делах удачливей. Каждый, кто садился за карты или домино, мечтал взять его в напарники. Мы видели в нем гения игры. И не только настольной. Любой. Какой бы ни проводился матч, он выходил победителем.

Нелады у него были с русским языком. Говорил он с акцентом и почти каждое предложение начинал со слова «который». Понятно, что мы его так и прозвали.

А руки у него были золотые! Смастерил себе Который из разных деталей моторный велосипед и «летал» на нем, любо смотреть. Не жилил, давал и другим прокатиться.

Как-то у нас дома холодильник перестал работать. Отец обещал привести мастера, но закрутился на работе и забыл. Мать начала нудить. А я не любил, когда она ворчала. Взял да Которому сказал. Ну, он и отреагировал:

– Который холодильник не совсем старый, починить могу.

И починил. В общем, Левша. Гений. Все умеет. Везде успех. Всегда победа. И чувствую: что-то должно произойти. Не может ведь человек блистать и при этом безоблачно жить. Фу! Откуда взялось это штампованное «безоблачно»?

Да. Не могла смириться судьба с его постоянным великолепием и благополучием. Нашему приятелю не хватало страданий. Ибо без них невозможно расти. Так нас учили. Тяжкий труд. Переживания. Преодоление препятствий. Вот краткий перечень дисциплин, которые обязан изучить человек в школе жизни. И чем раньше, тем лучше. Иначе получишь аттестат зрелости действительно в зрелом возрасте.

Да. Как я и предполагал, объявилось лихо: Который странно влюбился. Не в девчонку с улицы,

не в одноклассницу, а ... Впервые в нашей школе появилась училка-блондинка. Пятигорский институт иностранных языков научил ее английскому, а с языком души у нее были нелады. Невзлюбила Которого, стала мучить его, донимая непонятным временем «презент континиус». А ему тяжело – нет слуха на языки. Растерялся наш победитель, не знает, куда девать себя от стыда. Решил я его хоть как-то поддержать:

– Слышь, парниш, не получается у тебя с Валентиной, давай помогу.

Не согласился:

– Который поможет, только она.

Пробормотал, опустив голову, и отвернулся. Тогда я и понял: дело не только в английском.

Казнь

Антуан де Сент-Экзюпери считал, что все беды человечества от журналистов.

Исикава Такубоку обвинял говорливые волны. Автор «Отца Горио» видел зло в треснутых стенах душевных квартир. А если бы вы жили в Дербенте*, не сомневаюсь, воскликнули бы вместе со мной:

– Да будет проклят мерзавец Харагуш**!

Этот городской хулиган, вирус сплетен и слухов, заячья губа, узнав об интимном чувстве Которого, вlepил ему перед кучей пацанов:

– Твою «англичанку» мы все хором трах-тарарах-тарарах.

Конечно, Который был талантлив и в кулачном бою. Конечно, расквасил морду негодяю. Но этот подонок, барахтаясь в луже, сказал противнику, что дни его сочтены. Вы бы испугались? Нет? И Который не испугался. Он всегда мог постоять за себя. Но разве устоишь перед шайкой извергов с металлическими трубами и цепями в руках? Именно такую свору привел Харагуш. Они загнали Которого в городской парк и принялись ломать ему суставы колен. Казнь была остановлена группой мужчин, посмевших вмешаться.

Врачи разрешили посещать Которого только после того, как он пришел в себя. Больной слушал наши утешения с легкой улыбкой. Шире он улыбался, когда появлялась Валентина. Та сначала говорила с учеником о жизни вообще, а затем принималась объяснять грамматику английского. Вслед за ней и одноклассники стали носить книги и конспекты. Который готовил домашние уроки на удивление быстро и четко. Кстати, там, в больнице, он создал уникальную методику запоминания. Медленно произносил «точка», пробегая в памяти последнее предложение. Поделился опытом со мной, но я разок попробовал и оставил. А Который упорно работал над собой.

Наконец, воля к жизни выкатила его из больницы на инвалидной коляске. И к ней Который приделал мотор! На своей суперколяске он каждый день выезжал резаться в карты и домино. А потом отошел от компании. На баяне вдруг заиграл. Прямо на улице. И так обалденно! Будто кто-то его научил. Любую песню подбирал. Потом затих – художественную литературу начал читать. Однажды подал мне книгу

Евгения Богата «Удар молнии» о поэте Эдуарде Гольдернессе.

– Посмотри, Валентина принесла. Который знал болезни тяжелее моих, большим поэтом стал. И я на ноги встану. Увидишь.

И только он это произнес, у меня блеснула мысль. Пошел я к своему дяде по материнской линии и рассказал о юноше. Дядя задумался, смотря куда-то мимо меня, потом отыскал мои глаза:

– Понял-понял. Скоро к нему собираюсь. А вообще, зачем ждать? Телеграмму отправлю. Пусть парню место приготовит.

Мы вдвоем пошли на почту. Девушка, принимавшая телеграммы, вытаращила глаза:

– Ой! Действительно похож! Вы настоящий брат профессора Илизарова?!

– Чистая правда! – ответил дядя. – Настоящий, двоюродный. А наши отцы одно-родные, – добавил он и обрадовался своей шутке.

Возвращение

Вопреки ожиданиям дяди, Который не сразу оказался пациентом клиники в Кургане. Когда мой приятель попал туда, я уже был солдатом срочной службы в Риге. Который писал мне. В одном из писем он сообщил, что Валентина вернулась в родную Рязань и вышла замуж. А закончил он письмо такими словами: «И все же буду с ней на связи до конца жизни». Если бы это написал кто-то другой, я бы ухмыльнулся, но Которому можно было верить.

Мы переписывались, пока я постигал службу в сержантской школе. Через полгода, когда нас распределили по гарнизонам, я написал приятелю свой новый адрес, но ответа так и не получил. Заново писать не стал – появились личные интересы. Какие? Да. Отвлеку немного рассказом о себе.

Я полюбил Латвию и одну из ее дочерей. Правда, из «неродных» – она была еврейкой. Служить пассивно было так приятно, что срок моего пребывания в армии незаметно истек. А потом я пробыл в Прибалтике еще десять лет. При этом из солдатского состава перешел в команду «прапоров», а из состава холостяков – сами понимаете.

Жена моя оказалась близкой родственницей гроссмейстера Михаила Таля. В детстве Мира получала у дяди уроки шахматной стратегии и тактики. Уроки были усвоены настолько, что жена принялась использовать их в семейной жизни, давая мне задания. Сначала они касались мелких покупок. В «дебюте» я не учуял опасности, но позже заметил, что партнерша выстраивает многоходовую комбинацию по приобретению строительного материала. Темой задуманной ловушки была пристройка к финскому дому, арендованному мной у гарнизона. Я сделал ответный ход, применив популярную у шахматистов фразу:

– Начнешь думать о материале, потеряешь главную нить.

Да. Подоспел день, когда мой договор с армией приказал долго жить. И наш семейный «гамбит» уверенно повел меня и Миру к «миттельшпилю», иными словами – к разнообразию вариантов. И вот один из них: с нашей партнершей мечтали по-

знакомиться мои родители. В письме они подчеркнули, что «отец рядом со своим домом возвел еще один». «Завлекают, – понял я и тут же подумал, – а что? Доброту надо ценить».

Мобилизовав и легкие, и тяжелые фигуры мышления, я убедил племянницу чемпиона мира покинуть слякоть божественной Латвии и перенестись к прикаспийской сырости гордого Дагестана. В конце концов, Мире понравилось, что вершинность рижской готики мы поменяли на узорчатость дербентского рококо.

Я показал жене Маген Давид на внешней стене знаменитого дома Ханукаевых***, плоские крыши Магала****, лестнично полосующие небо, и чудосочные многоэтажки-близняшки, рожденные скоростным творчеством двадцатого века.

Строя семью, мы тоже создали близняшек: двух мальчиков, похожих на маму. Я называл их морскими евреями. Да-да. Так им и объявил, когда они спросили: «Папа – ты горский еврей, мама – равнинная еврейка, а кто же мы?»

Прошло несколько дней с тех пор, как я и исконные рижане вошли в число жителей Дербента. Пора было определять детей в школу. Конечно, в ту, где когда-то сам учился. Запись вела секретарша, знавшая меня еще пацаном. С ней из-за двери переговаривался директор – приятный баритон. Неожиданно для нас директор вышел из кабинета. Это был красивый стройный человек с седой прядью над высоким лбом. Он принялся рассматривать отпечатанные секретаршей листы, а я глянул на него и глазам своим не поверил: «Ба! Который!!!»

Вечером того же дня мы вдвоем двинули на рыбалку. Теплое море качало нас в лодке, как лет тридцать назад матери нежили в люльке. Ее название останется в памяти, даже если другие слова не удержатся в истлевающем языке джуури. Да, невозможно забыть горскую люльку – «гүфере».

Рыбачили мы в лодке, отошедшей от берега метров на триста. Сеть с уловом моего напарника раздулась, как пузо Санчо Пансо, а в моей сетке плавали несколько «бедных родственников». Нечему удивляться, так было всегда. А вот то, что произошло с Которым за минувшие годы, вас удивит непременно.

Борения

После Кургана он вернулся в Дербент. Сдал экзамены за десятилетку. Куда поехал? Конечно, в Пятигорск, чтобы поступить в ин.яз. Не прошел. Отец начал успокаивать: ничего, в следующем году попробуешь еще. Юноша не согласился. Раз не удалось поступить, значит, в армию, как все. Отец-то работал в военкомате. И Который попросил не чинить препятствий, ведь с ногами у него теперь все нормально. Работник военкомата раскрыл рот от изумления:

– Десятки лет я в этом учреждении, а такой просьбы никогда не слышал!

Отправили Которого в танковую часть. Здесь он добился новой цели – попал в спортроту. Как-то командиру подразделения дали приказ провести турнир среди спортсменов, умеющих импровизировать на турнике. Такая вот идея пришла в голову комбригу. Он сам любил этот снаряд и хотел полюбоваться своими молодцами.

Который дошел до финала. Только и здесь фортуна не позволила долго бли-

стать. Нет, вовсе не фортуна, а человеческого рода сын, болевший тяжелой формой зависти. Ему удалось на ремни-захваты нанести тоненькие порезы, и потому в середине выступления Который вылетел из ремней и со всего размаху ударился о землю.

Опять перелом, долгое лечение, возвращение в строй, участие в спринтерском турнире Вооруженных Сил и призовое место.

Кроме спорта Который не оставлял без внимания английский язык. Переписывался на нем с Валентиной, а после армии поступил туда, куда стремился. Получил красный диплом и ... распределение в родную школу.

Прошло несколько лет. Директор нашей школы Нияз Азимович тяжело заболел и попал в больницу. Пришел Который к больному, а тот взял его за руку и, не отпуская ее, сказал:

– Слушай, сынок, дела мои плохи, мне уже не выйти отсюда живым, а школу «кому-нибудь» передавать не хочу. Я написал письмо учительскому коллективу и с заведующим горно договорился. Ты в этой школе вырос, в нее вернулся, учитель талантливый, и директором будешь хорошим.

Не отказал Который человеку в последней его просьбе и взял на себя руководство школой, хотя претила ему административная работа...

Все это я узнал по ходу рыбной ловли. А потом мы выбрались на берег с намерением поужинать в моем новом доме. Сев на перевернутую лодку, Который заглянул мне в глаза и сказал:

– Помнишь, я как-то показывал тебе книгу Евгения Богата о поэте Эдуарде Гольдернессе. Послушай его стихотворение. Оно для меня стало настоящим девизом.

Я прислушался к сочному голосу Которого (несколькими годами позже он вписал это стихотворение в мой семейный альбом):

Чтоб жить, встречая сердцем все преграды,
Но и платить ударом за удар,
Всех радостей, какими жизнь богата,
В своей груди я пробудил пожар.

Испепеляя всё, навстречу бедам
Стремится их поток, могуч и быстр.
Удар! И снова в путь... Лишь искры следом...
Прими мой стих – одну из этих искр.

Я ничего не требую в награду
За этот дар, о нет, забудь меня,
Лишь только б вечно черпала отраду
Твоя душа от этого огня.

Лишь только б вечно он горел в тебе.
Тогда я улыбнусь своей судьбе.

- Bravo, Соломон, bravo! – неожиданно раздался мужской голос.
- Я обернулся в сторону говорившего. Заячья губа! Харагуш?!
- Хидо, ты что здесь делаешь? – довольно приветливо спросил Который.
- Поговорить надо, – ответил тот, чье имя я слышал впервые.

Заметив мою растерянность, Который объяснил:

- Хидо – работает в детдоме. Иногда я ему помогаю в хозяйственных делах.
- Да-а? – вырвалось у меня.
- Я пришел по другому делу, – произнес Харагуш. – Сару забрали в больницу.
- Как? Уже?! – воскликнул Который.
- Уже! Уже! У тебя родилась дочь, а у меня племянница!

Тут я совсем оторопел. Сара? Сестра Харагуша? Жена Которого?! Сара-то, конечно, была совсем не такая, как ее брат. Наоборот, тихая, приветливая...

– Эй! – крикнул Который мне прямо в ухо. – Проснись! Поздравляй меня с дочерью! Валентина родилась! Так что сегодня гуляем не в твоём доме, а в моём!

Да. Такой расклад. Чего только в жизни не бывает?!

И вот поглощаем мы шашлыки, мастерски приготовленные рукой Которого, а в сердце моем – тревога. Не слишком ли хорошо дела у него пошли? Учителем английского языка стал, директором школы, счастливым отцом! Не спряталась ли где-то рядом беда?!

Да. Вновь я накаркал. Прошла всего лишь неделя, и Которого ранили баламуты, призывавшие к истреблению дербентских армян. Который возвращался с Магала: ходил проведать больную жену Нияза Азимовича. Зулейха Османовна называла преемника своего мужа «царь Соломон – светлая голова»! А порой говорила, что он ей роднее сыновей-подкаблучников, уехавших жить в Россию с русскими женами.

– Звонят раз в год, – говорила мать о своих детях, – и только когда им что-то нужно.

Вышел Который из дома уважаемых людей, и заметила его группа молодежи. Один из парней бросил реплику, что, мол, евреи поддерживают армян. И случайная мысль, словно факел, обожгла горячие головы юношей-максималистов. Мгновенно нашелся и кинжал и тот, кто пустил его в действие...

В больнице, заметив легкую улыбку на губах моего друга, я почувствовал, что сценарий его жизни повторяется. Выстраивается четкая линия: блеск – травма – блеск – травма...

Спустя год Который защитил диссертацию и стал кандидатом наук. А моя Мира, чувствовавшая, что «игра» должна блеснуть новизной, сумела подготовить «рокировку», и мы с Кавказа переместились в Израиль.

Израиль - не Америка

А Который поселился в Америке. За те восемь лет, что мы в Израиле, он четыре раза побывал у нас. Привозил Валентину, смуглянку-красавицу. Оба моих пацана были без ума от того, как она умеет играть в самые разные игры. А мы, взрослые, рыбачили на Средиземном море, вспоминая Каспий и коловращения судьбы.

Как-то Который упомянул, что в США евреев больше, чем в Израиле. Конечно, в той статистике никакого укора не было, но меня, израильтянина, она задела. Я возмутился:

– Это происходит из-за таких, как ты. Вы едете туда, оттого что там легче живется.

– А что? – парировал Который. – Здесь я подметал бы улицы, а там преподаю в колледже. То государство мудрее, использует умы. А это, как выяснилось, ищет руки.

– Да бросьте вы, – вставила Сара. – Израиль – молодое государство, научится ещё ценить и умы, и руки.

– А ты что скажешь, мирная Мира? – спросил Который, посмеиваясь.

В тон ему моя жена заявила:

– Скажу коротко, господин Якубов: «Миру – мир!»

Да уж! Миру – мир! В том эпизоде слова моей жены были релевантными, но в 2001-м году тоска безысходности охватила нас: в День защиты детей огонь несовершенства мира ударил по нашим душам. В тель-авивском «Дельфинарии» больше двух десятков детей, пришедших потанцевать под ритмы диско, замерло без движения. Навсегда!

Да. Нам хотелось поехать в Америку, передохнуть. А моим близнецам, помимо всего, конечно, не терпелось увидеть Валентину. Но... 11 сентября... Терракт века преврал наши сборы.

Мы звонили Якубовым многократно. Никто не брал трубку. Мы оставляли сообщения на автоответчике и трепетно ждали звонка. Он прозвучал, но прошел целый день и даже больше. Говорила Сара. Которого нашли под развалинами одного из домов. Жив. Но пока в себя не пришел...

Да. Разве не чувствовал я, что с ним опять что-то произойдет? На нем печать особой судьбы. Если бы он жил в Израиле, его обязательно ранили бы арабы. Именно ранили, а не убили! Он – Феникс в образе человека. Он – избранный представитель нации, чья жизнь напоминает путь, пройденный его народом.

Боже! Сколько испытаний выпало на долю Соломона Якубова!

Стоп-стоп-стоп. Это я загнул! На пафос меня потянуло! Немедленно исправляюсь.

Как только «Эль-Аль» открыл свои авиалинии, я полетел к другу и увидел в больнице его лёгкую улыбку!

**Дербент – город в Дагестане, крупный центр концентрации горских евреев до репатриации в Израиль в 90-х годах 20-го столетия.*

*** Харагуш (джжури – язык горских евреев) – заяц.*

**** Ханукаевы – один из богатых и знаменитых родов в горско-еврейской общине, имели свои промыслы и другие частные владения, некоторые представители рода были лично знакомы с царем Николаем.*

***** Магал – район в Дербенте, где проживало мусульманское население, большей частью азербайджанцы.*

ХЕЙЛИ Мирьям

Коротко о себе:

Родилась в Баку во второй половине 20-го столетия (не будем уточнять когда).

Закончила мех-мат АзГУ. (А говорят, что физики, то бишь математики, не лирики).

В 90-м году репатрировалась в Израиль. Живу в Тель-Авиве, работаю в муниципалитете города. Замужем, имею троих детей.

Во время очередных каникул, сидя перед телевизором, написала для своих подруг несколько юмористических монологов в стиле «Смехопанорамы». К моему удивлению, они приняли их с восторгом. И тут я вспомнила, что не случайно в школе учительница литературы постоянно зачитывала мои сочинения на уроках.

Лишь беда - начало. По совету подруг я начала писать более серьезные вещи. На сегодняшний день у меня уже довольно много публикаций в израильских газетах «Секрет» и «Кавказская газета», в американской газете «Новый рубеж», в альманахах «Мирвори». А в 2007 году в свет вышла моя первая книга «Душа народа».

БАБУШКА ХАВА, ЛЮБОВЬ И... ПЕСАХ

Серые пушистые облака, затянувшие с утра небо над городом, словно после долгих раздумий, зарядили мелким дождем. Дождик, сменивший двухдневный хамсин, не столько принес прохладу, сколько раскрасил вымытые к празднику окна и автомобили ажурной грязно-серой росписью.

Две веселые девушки с шумом влетели в подъезд одной из тель-авивских четырехэтажек и, поднявшись на второй этаж, позвонили в первую дверь.

– Савта, – затараторили внучки с порога, – мамы прислали к тебе помогать готовиться к Песаху, но мы долго не можем. Через три часа нам надо уходить.

– Три часа, так три часа, – Хава чмокнула обеих внучек. – Вы ведь прямо со школы? Тогда сначала я вас покормлю. У меня такой вкусный галье с ошем. Быстренько мойте руки и за стол. Времени и так немного.

Через минуту две кухни, непрерывно болтая между собой на иврите, уселись за стол.

– Что это? Паштида? – спросила младшая из девочек рассматривая изумрудный треугольник из тушеной зелени, покрытый сверху золотистым яйцом.

– А-яй-яй, – покачала головой Хава, – чем вас только мамы кормят! Такую простую вещь не знаете.

– Знаем-знаем, – старшая девочка придвинула к себе тарелку. – Мама, когда в очередной раз садится на диету, всегда тушеный шпинат готовит.

– Вот и хорошо. – Старушка села напротив девочек. – Да, пока не забыла, Сара, напомни папе, что он обещал поехать на фабрику, где гогол пекрут, и купить мне две коробки.

– Хорошо, савта, – Сара закивала головой в мелких кудряшках. – А почему на фабрике покупаешь? Можно же в обычном супермаркете купить. Или там дешевле?

– Да нет, – старушка нерешительно помялась, – просто, понимаете, я как-то привыкла гогол приобретать в том месте, где его пекут, или в синагоге, как мы в последнее время покупали. Мне все время кажется, что в супере гогол «хамис», ну некошерный для праздника. Ведь они там все эти продукты вместе продают.

– А что такое гогол? – спросила младшая, наливая в стакан минералку.

– Гогол – это маца на кавказском, – объяснила ей Сара.

– На кавказском, – передразнила ее бабушка. – На джуури! Кто бы мог подумать, что мы приедем в еврейскую страну на землю предков, и наши дети забудут еврейский язык!

– Бабуля, еврейский язык – это иврит, – мягко сказала Сара.

– Иврит – святой, книжный язык. А домашним языком для нас всегда был наш джуури. Чтобы были здоровы все наши дети, – она покачала головой, – я чувствую, что когда все мои ровесники лягут в землю, наш язык умрет вместе с нами.

Скрестив руки на груди, она погрузилась в свои мысли, продолжая в такт им слегка раскачиваться из стороны в сторону. Потом вдруг очнулась:

– А вы знаете, я ведь, когда мне было, как и вам, пятнадцать, шестнадцать лет, сама работала на выпечке гогола.

– Ты? – засмеялась младшая, – не может быть!

– Ваш дедушка, между прочим, именно там впервые меня увидел.

– Бабуля, расскажи! – сестрички прильнули к бабушке. Их похожие черные глазки искрились любопытством.

– А убирать за вас кто будет? Пушкин?

– Нет, – Биалик, – закричала младшая, – растягивая розовые губки в искрящуюся улыбку в пол-лица.

– А давай мы сначала вымоем посуду из серванта, а потом, пока мы с Шоши будем разбирать ящики с лекарствами и бумагами, ты расскажешь нам, как вы с дедой познакомились, – предложила Сара.

Пока девочки возились с ящиками, бабушка приготовила чай и села с ними в салоне.

– Бабуля, начинай, – попросила старшая.

– Ну, слушайте. В 20-х годах, сразу после гражданской войны мои родители из Еврейской слободки перебрались в Баку. Они поселились в одном из старых бакинских дворишков недалеко от «Губа майданы» и Кубинки. Там родилась я и мои братья.

Как только после войны появилась возможность свободно покупать муку, бакинские евреи снова стали к Нисону печь гогол. Поскольку варили в те времена на керосинках, евреям приходилось устанавливать самодельные временные печи во дворах. Несколько семей, скооперивавшись, выпекали к празднику гогол, а затем разбирали печи до следующего года.

В соседнем дворе дядя Азиз поставил в одном из углов общего двора выложенную красным кирпичом огромную печь и к Нисону начал выпекать гогол. Сначала для семей близких родственников, затем стал принимать заказы. Вско-

ре он, собрав бригаду, обеспечивал гоголом к празднику большую часть общины города.

Весь год печка, прикрытая деревянной заслонкой, стояла без дела, украшая небольшой дворик, состоявший из одноэтажных стареньких серых домиков, выстроенных буквой «пэ». Сразу после праздника Пурим, начиналась подготовка к Нисону. Всю утварь, используемую для Нисону, относили к лудильщику, деревянные доски и скалки, несмотря на то, что ими пользовались только для раскатывания лепешек для гогола, тщательно скоблили и шлифовали стеклом. Суин, брат Рахели – жены Азиза, принимал заказы, аккуратно записывая желающих в тетрадку. Азиз организовывал бригаду, закупал муку, подготавливал дрова для печки. Когда все было готово, назначался торжественный день начала выпечки.

С вечера все шли в баню. Рахель следила за тем, чтобы «нечистые» (нида) женщины не принимали участие в работе. После утренней молитвы в синагоге, прочитав благословения над тазом с мукой и пожелав всем хорошего и кошерного праздника, мужчины засучивали рукава, и начиналось само действие.

Время выпечки гогола строго определено, поэтому каждый член бригады должен был четко и быстро выполнять свою часть работы. Суин замешивал тесто, его помощник делил тесто на порции, формируя одинаковые шарики. Восемь-десять женщин раскатывали тонкие круглые лепешки, двое юношей носили готовые лепешки из комнаты во двор, где стояла печь, один парень выкладывал их на противни и стальными зубчатыми, как шестеренки, колесиками чертил вдоль лепешек прямые параллельные линии с дырочками. А дядя Азиз занимался самым важным – брал лепешки на деревянную лопатку и аккуратно раскладывал их внутри печи прямо на раскаленные кирпичи. Он был мастер своего дела и не сжег ни одного кружочка гогола. За двенадцать часов работы бригада выпекала гогола из 6–8 пудов муки.

– Савта, а где про любовь? – не выдержала малая.

– А, Шушана, чтобы ты выросла! Имей терпение! Как твои израильтяне говорят? Савланут. Не перебивай меня.

Впервые туда на работу меня привела Тamar – одна из дочерей Азиза. Родители разрешили мне работать. Правда были проблемы со школой, но я училась хорошо, и все обошлось. После этого я три года подряд работала на гоголе. Заработанные деньги я отдавала маме до копейки. Она выделяла из них немного на отрез ткани на новое платье, а остальные откладывала. Да-да! Мы все деньги родителям отдавали! И мои дети так делали. Не то, что ваше поколение. Вон, Шушан, твой брат в пиццерии работал, деньги заработал – велосипед за тысячу шекелей купил. Через неделю велосипед украли. Он опять денег заработал – фотоаппарат за полторы тысячи купил! Ну не дурак, не про его предков будет сказано?! Нет, чтобы маме деньги отдать, она бы их отложила: копеечка к копеечке и к его будущей свадьбе (чтобы Бог удостоил меня дожить до этого дня!). Чтобы для будущей невесты приличные подарки купить и свадьбу справить не хуже других.

Где я остановилась? Как еще не начинала?! А о чем я целый час говорю? Ладно, слушайте дальше. Женская работа заключалась в раскатывании лепешек. Восемь-десять женщин сидели вдоль стены на душек-ча в единственной комнате в доме дяди Азиза. Перед ними на подстилке лежали установленные на кирпичиках деревянные доски, так, что они служили для женщин, сидящих на полу, своеобразным рабочим столом. Женщины работали необычными маленькими утолщенными скалками. Я не хвастаюсь, но я раскатывала самые тонкие и самые круглые лепешки.

В последний год одним из помощников Азиз взял вашего дедушку. За неделю совместной работы мы не перекинулись с ним ни одним словом. Я только опускала вниз глаза, когда чувствовала его обжигающий взгляд, благо работа моя заставляла смотреть весь день вниз. Женщины вели какие-то разговоры за работой, но мы в общем разговоре не участвовали, потому что были самыми молодыми и стеснялись говорить.

Надо сказать, что кроме наших евреев заказы Азизу делали и грузинские, и ашкеназские евреи. Их рабби постоянно крутились возле работающих, проверяя, соблюдаются ли все правила выпечки. Наш рабби тоже часто заходил, но он осуществлял проверку деликатно, а эти прямо душу выматывали.

Часто и заказчики присутствовали при изготовлении их заказа. Ашкеназские евреи часто просили кроме обычного заказа сделать для них два-три килограмма мацы – так они называли гогол – с сахаром и с яйцом. Мне всегда хотелось попробовать такого гогола.

В тот день ваш дедушка зашел зачем-то в комнату и услышал, как я рассказывала Тамар о своем желании. Она, смеясь, посоветовала взять гогол и насыпать на него сахарный песок. Через минуту мы об этом забыли.

В конце рабочего дня ваш дедушка подошел ко мне и, почти не глядя мне в лицо, сунул мне в руки завернутый в салфетку кружочек гогола.

– Что это? – спросила я, и щеки мои почему-то запылали.

– Это, – он неопределенно пожал плечами и, бросив на меня взгляд, тут же отвел его в сторону, – ты просила сладкую мацу.

Я опустила глаза и прошептала: «Спасибо». Когда я их подняла, его уже не было.

Я разломала кружочек мацы и отдала половину Тамар, а вторую отнесла домой. Мама, попробовав кусочек, заявила, что такой гогол в праздник – хамис, что это почти печенье. А в Нисону люди должны страдать в память о тех страданиях, которые евреи испытали в рабстве. Именно потому мы едим вместо хлеба пресный, сухой гогол. А если есть пироги и сладости, то торжественный строгий праздник теряет смысл.

Посмотрела бы она, как на земле предков на Нисону специальные пироги и булочки продают! А в прошлом году я и макароны «кошер лэ-песах» видела! Тыфу на них, если это Нисону!

– Бабуля! А что дальше с дедушкой-то было? – пухлые губки Шошаны выражали разочарование. – Он тебе в любви признался?

– Дедушка? – Хава пожала плечами. – Когда закончился праздник, он прислал в наш дом сватов. А через полгода мы поженились. И, слава Богу, уже пятьдесят пять лет вместе живем. Про любовь еще ни разу не говорили. А ваш двоюродный брат пока женился, всех замучил. Па-а-а – у них оказывается ли-бовь! И что? Через год разбежались, потому что не смогли поделить семейные обязанности. А чего их делить? Просто каждый делает, что может, не стараясь перекладывать на другого. И уж точно: за тем, кого уважаешь и кому желаешь добра, не ходят с калькулятором, подсчитывая, кто сколько сделал. А вы говорите ли-бовь? Глупости все это. Любить надо родителей, детей, Создателя, сотворившего нас идеальными и терпящего такими, как мы есть.

Вдруг из Саринного рюкзака раздался голос Сарит Хадад. Она вскочила, взяла мобильный и стала быстро говорить на иврите.

– Все, бабуля, нам пора. Придем завтра после школы, продолжим.

– А ты за это время вспомни нам настоящую историю про любовь, – Шоши нагнулась к бабушке и звонко поцеловала.

– Спасибо дети, да благословит вас Господь!

Она включила свет в подъезде, и пока девочки спускались, продолжала стоять у открытой двери со скороговоркой, приговаривая благословения на джуури:

– Чтобы вы нашли свою счастливую судьбу, чтобы создали свой очаг, чтобы каждая из вас в своем доме каждый год справляла торжественный и кошерный Нисону. И чтобы удостоил вас Господь детьми и внуками, которые приходили бы к вам помогать перед праздником не потому, что вы нуждаетесь в их помощи, а потому, что необходимо передавать обычаи и традиции от одного поколения другому. Да подарит Господь этой благословенной земле мир, спокойствие и процветание. Омэн!

ПОЭЗИЯ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ

БАКШИЭЛЬ Арон

Арон Бакшиэль (Анатолий Бакшиев) родился в 1959 году в городе Моздоке. По окончании средней школы поступил в Московский институт инженеров транспорта, который окончил в 1982 году. С 1989 года проживает с семьей в Израиле.

С 8 лет Даниэль пишет не только стихи, но и прозу. В 2004 году он выпустил в свет первый том своих сочинений «Стих покидает лист», в который вошли стихи, написанные в период с 1989 по 2004 год. В настоящее время подборки его стихов публикуются в различных изданиях.

В мае 2007 года он был принят в Союз писателей, выходцев с Кавказа.

Монолог отца

13 февраля 1977 года

1
Похороны во вторник.
Толпы, как новобранцы.
Я прохожу сквозь строй

К месту удела в Торе,
Вычеркнутый из наций.
Ангелы – иностранцы
Правят извне игрой.

2
Большая, чем желанье,
Пляшет у пасти ложка.
Жертвенен пыл огня.

Прошлое – на закланье.
Чёрная рыщет кошка.
Выпорхнул пульс в окошко,
Выплеснут из меня.

3
Волость меняет волость.
Мерно планет и солнца
Катятся валуны.

Падаю, словно волос,
В лютую ночь колодца.
Только б не уколоться
Об острие луны.

4
Город оскалил зубы.
Рысью, под волчий кашель
Тушу мою несут.

Кровью налиты губы.
Г-споди, дай подальше
Мне улететь от фальши.
Выплесни весь сосуд.

5
Сладко воркуют песни.
Звёздное половодье,
Вытаращив глаза,

Капает на воскресный
Мир из души и плоти.
Глохнет мотор в капоте.
Горлом блюёт гроза.

6
Грозная танцовщица,
Вихрем кружись средь оргий
Кровосмешенья тел!

Жри, заводная жрица,
Тощую жизнь до корки.
Зря я с небес, как с горки,
В тело своё слетел.

7
Время пришло раздеться.
Напоминает ванну
Обетованная твердь.

И не привито сердце
К шумному каравану
Странствий. В саване встану,
Лишь отбушует смерть.

2008 г.

Утро ослепло от инея.
Перстень, престол обручения.
Моя параллельная линия
Хочет пересечения.

Трупом, посмевающим осмелиться
Плавно сойти с траекторий,
Перебираюсь я мельницей
Троп восхождения к Торе.

Блеет красавица нежная.
Вечность разлита до капли.
В ножны вторгаюсь небрежно я
Кровью на брови сабли.

12.12.1982 г.

Этюд

Из паутины расцветали косы.
Свисали сны, не опускаясь наземь.
Был ясен возглас глаз, их океан раскосый.
Артист, растроган, оборачивался князем.

Ликуют молнии. Мерцанье – это трепет
Пред небом. Слепок с подлинного царства:
Возлюбленная выдыхает лепет,
Уста, воркуя, облетают яства.

Пустует тело, словно полость вазы.
Налиты кровью розы для вампира.
И не хватает нот танцующему вальсы
Ножей на животе распоротого мира.

20.05.2004 г.

Сестре

Наполняет ладони мои пустота.
Зреет грозный у мира стон сироты.
Истекает мерцаньем изнеженная звезда,
И ложатся узоры на девственные листы.

Как невеста, земля одевается в трупы тризн.
Память вскормлена оргией людоедств.
Вырываю из горла твою предыдущую жизнь,
Обернувшуюся обелиском убитых детства.

2005 г.

Выдыхается имя из тайника.
Тишина отливается в камень.
Веет шёпотом музыка языка.
Ворожея танцует руками.

Воеет всплеск резонанса по нашим сердцам,
Завершая слияние раем.
Мы подобно сямским с тобой близнецам,
Разделённые, умираем.

Колдовской шансон

У тебя есть друг, у меня есть враг.
Начинает ночь колдовской шансон.
Льётся лёд речей, как ручей в овраг.
На ковёр лесов оседает сон.

Отворю тайник. Буду щедр и крут.
Подарю земле ожерелье ламп.
В горле голос гол. До свиданья, Рут!
Голубица грёз – паутина лап.

Разгулялась кисть на полях страниц.
Сластью спелых нот с уст печаль зажглась.
И куда упасть, если сердце ниц
Пало в тень ресниц голосить из глаз?

У тебя есть друг, у меня есть враг.
Начинает ночь колдовской шансон.
Льётся лёд речей, как ручей в овраг.
На ковёр лесов оседает сон.

2005 г.

Монолог кубинца

Давно забыты пролетарские заботы.
Ищу свободу я на острове Свободы,
Судьбой разжалован: ни званья и ни лоску.
Мелькают годы, как прохожие в полоску.

Ликбез людей: безликость как безлюдье.
Рукоплесканье порождает рукоблудье.
Концерт червонцев обрывается в кармане.
Меня ли поменяли вы на «мани».

Тереза трогала, но отвергала торги.
Из стебля талии исторгнуты восторги.
Я в туалете у тюремного забора
Читаю Кастро как лекарство от запора.

Я шёл один по непроторенным дорожкам.
Вождам не кланялся, но поклонялся ножкам.
Пора на свет: мы засиделись в чреве,
И честь чиста, как яблоко без черви.

2005 г.

ДАВЫДОВ Роман

*Родился 10.12.1972 года в городе
Нальчик, Кабардино-Балкария.*

*В 1989 году окончил школу и
поступил в Кабардино-Балкарский
Государственный сельхозинсти-
тут. В декабре 1990 года репатри-
ировался в Израиль. В 1992 по 1995
служил в армии обороны Израиля.
Затем работал водителем больше-
грузных машин. В 2000 году он же-
нился. Родились двое детей – сын и
дочь.*

*Роман много лет писал стихи
и небольшие прозаические зарисов-
ки, любил поэзию и музыку, любил
жизнь. Он обожал свою семью и ис-
кренне верил в Б-га.*

*28 января 2008 года трагически
погиб.*

*Осознание того, что моего красивого, умно-
го, сильного и такого молодого брата больше
нет на свете, пришло ко мне не сразу. Каза-
лось, это чья-то злая шутка или дурной сон.
Нужно только проснуться, и всё станет на
свои места... Но время, неумолимо пульсируя
в виске, ежесекундно долбило: «Е-го нет. Е-го
боль-ше нет».*

*Со временем не поспоришь. Но и смириться
с тем, что больше ничего для дорогого челове-
ка сделать нельзя, тоже невозможно. И я ре-
шила собрать сохранившиеся рукописи брата
и донести до читателя его стихи и прозу. Ро-
мочка начал писать ещё в юности, но никогда
свои произведения не публиковал. Значит, это
сделаю я.*

Ирина Насимова

Мой герой

Герой мой! Он несовершенен.
В отличии от пошлых душ
Со всеми в мире откровенен,
Но непонятен всем и чужд.

Герой мой влюбчив. Он в смятенье.
С судьбой играет он «в авось».
Он ищет в женщине спасенье.
С самим собой живёт он врозь.

И знаю я, что в море есть
Одна волна – она моя.
Одна звезда – она моя.
Кусочек неба – для меня.

У каждого пути свой странник,
И у мечты любой есть исполненья час.
На крик о помощи – придёт посланник,
И в лузу фуксом шар – хотя бы раз.

Дай мне слово

Дай мне слово, что когда
Вспыхнут звёзды над землёй,
Ты меня обнимешь снова
И опять возьмешь с собой.

В мир дорог земных и трудных,
В мир несбывшихся чудес.
Грёз больших, пятиминутных
Приоткроешь занавес...

Ночь, танцуй над головою.
Ночь, играй минорный блюз.
Мне порой тепло с тобою,
А порой – тебя боюсь.

Завтра

И случится, что я завтра умру,
Не оставив за собой ни следа.
Пройдут годы, пока я пойму:
Не любила ты меня никогда.

Ночной филин гулко плачет в лесу.
Он споёт мне песнь свою до конца.
Полон грусти, я к нему подойду,
И покажет свою прелесть слеза.

Но быть может, ты однажды придёшь,
И быть может, ты застанешь меня
У друзей. Лишь щекою прильнёшь
И поймёшь, что не могу без тебя.

Молитва

Какого цвета бывает мечта,
Когда вокруг разыгралась вьюга?
Во мраке ты бродишь совсем одна.
Или нашла себе верного друга?
Зажги свечу и поставь её с краю,
Молитву снова и снова прочти...

Джаз

Я так давно хотел сыграть
Любимый джаз друзьям своим.
Когда нам нечего сказать,
Дарю я эти ноты им.

Звонящий звук трубой порвёт
Степенный воздух пустоты,
И колдовство семерки нот
Вновь тормозит мои мечты.

Хочу любить и танцевать,
И слышать счастье за столом,
И снова тайны открывать,
Не думать ни о чём плохом.

О, если б я знал рисованья искусство,
То я бы картину тебе написал
Про то, как в душе моей пусто и грустно,
Про то, что поэтом я так и не стал.

Про то, что когда-то, цветущей весной,
Бродил по холмам, будто что-то искал.
И шёл по тропе, но опять не с тобою,
Лишь с грустью глаза я твои вспоминал.

Ты меня люби

Не зови домой,
Не проси об этом.
Море под луной
Блещет
звездным светом.
Паруса вдали
Ждут причала где-то.
Ты меня люби,
Я прошу об этом.

Бытие

Заря. Встаёт солнце.
Мир заливается светом.
Жизнь просыпается.
Цветы и травы поднимают
Свои стебли к солнцу.
Просыпаются звери.
И люди открывают глаза.
Жара ещё не настала.
Но холод исчез.
Движение жизни.
Весна - новая жизнь.
Волны морей несутся,
Никуда не торопясь.
Нога по колено в песке.
Он ещё не так горяч.

Луна меняется.
Она всегда разная.
Царица звёздных ночей.
Капризы луны меняют ночь.
Красота и изящество
Светят в тепле поющей ночи.
И вот уже злое солнце
Меняет прелести луны.
Его зной предвещает засуху.
Жизнь ждёт ночи.
А они коротки.

Сезон беды.
Звери и люди ищут воду.
Моря и океаны звереют.
От зноя выбрасывают
Медуз и волны.
Песчаные восточные ветра
Не оставляют никому шанса.
Все ждут облегчения.

Праздник произошёл!
Солнце перестало
так злиться на суету жизни.
Луна-красавица
Приглашает успокоиться.
Подумать. Пожить.
Народ в суете.
Ну нейдет ему.

Урожай собран.
Праздничный стол,
Мёд, гранаты, рыба.
Плоды трудов.
Семья, радость.
Жизнь успокоилась.
Мы есть! Мы выжили!
Звери и люди живут!
Любят жизнь и радуются.
Зачем злиться? Нет повода.
Прощают себя и других.
Улыбаются жизни, и
Успокоившему солнцу,
И Тому, Кто это всё закрутил.

Постись и поймёшь.
Осознай себя и жизнь.
Люби Творца.

Певица надежд

Ты – певица надежд,
Ты – художник любви,
Ты находишь слова
Те, что мне не даны.
Ты любима, верна,
Ты красива, умна,
Ты моя, что ни делай,
Во всём свете одна.

Ты – мой камень драгоценный.
Ты – мой белый талисман.
Я люблю тебя, наверное...

33 года

10.1.06. Мне 33 года и один месяц! Ура! Или не Ура? Это возраст!

О чём думают люди в этом возрасте? Лично я думаю о финансовой стойкости. Нет у меня уверенности в завтрашнем дне. Пишу эти строки, и давит в груди. Наверное, я грешу перед жизнью и Б-гом, Вселенной и собой. Но уверенности – нет.

Возможно, я должен довериться жизни, расслабиться. Верить и работать, отдаваться своей работе полностью. Я благодарен Всевышнему за то, что у меня есть кусок хлеба.

Но странное чувство возникает у меня при мысли об этих вещах. Нет спокойствия. Какой-то комок в горле. Мешает дышать и думать...

Мне хотелось бы быть свободным. Может быть, свободным финансово? Не знаю, как это правильно назвать. Да точно «Финансово Свободным и Независимым». От условностей и передрыг. От количества времени, вложенного в работу. Что бы я делал в свободное время? Наверное, много интересного. Или ничего?

Я уповаю на Творца. Мои маленькие желания и стремления сбываются. Всё, что в моих силах и руках, я делаю и верую, что заслуживаю у жизни и Творца Вселенной то, к чему стремлюсь.

Я знаю: точно так и будет.

Финал

Для тех, кто дочитает до конца,
Откроются мои признанья,
Что опус в стиле резкого словца
Разрушил разум мой до основанья.
А там зияет глубина
Пустот души и подсознанья.

В манере грубой старого пловца,
Уставшим локтем
Борт бассейна обнимая,
Стою на плитке, мокрый и босой,
Игру воды и света наблюдаю.
О нет! Туда я больше не ныряю.

ДАВЫДОВА Розалия

В далёком и прекрасном городе Грозный, полном ароматов цветущих роз и зелени, в один из солнечных майских дней появилась на свет маленькая девочка. Росла она смыслёной и любопытной (впрочем, как и множество таких же, как она, маленьких мальчиков и девочек). С малых лет любила она фантазировать, сочинять сказки и разные весёлые истории... Любила петь и танцевать, рисовать и читать разные книги... Фантазии уносили её в чужие страны, делая её героиней таинственных и опасных приключений. Именно благодаря фантазиям в 14 лет она впервые попробовала писать стихи... Первые, ещё совсем детские, с хромающей рифмой стихи она хранит по сей день. Кончилось детство, пролетела юность. В 1993 году, уже будучи взрослой девушкой, она приехала в Израиль. Новая страна, новый, ещё совсем чужой, язык, новые впечатления – всё это стало пищей для творчества. Так и идут они все эти годы вместе – она, оставшаяся в душе всё той же любопытной фантазёркой, и её творчество... её стихи... зеркало её души.

Я спокойна как камень,
Как глыба гранита.
Из железа бездушного
Сердце отлито.
Мои мысли пусты.
Мои губы безмолвны,
Как бегущие по морю
Грозные волны.
Я – плывущая по небу
Чёрная туча.
Я готова напасть,
Я сильна, я могуца!
Берегитесь меня,
Я опасна, жестока,
Беспощадна, безжалостна
И ... одинока.

Я смотрю в окно и грущу.
Почему-то тоскливо очень.
Может быть, я слезу пушу,
Ну, а может быть, это осень.

Вижу неба синий кусок,
Облаков белогривых стаю.
Вроде всё у меня хорошо,
Но грущу. Почему? Не знаю.

Я уезжаю навсегда
В седую даль.
А мне в ответ твои глаза:
«Как жаль....»
Тебя хочу я взять с собой
И хочешь ты.
Но мне глазами говоришь:
«Мечты....»
Я уезжаю, ну а ты....
Отстался тут.
Твои глаза.....
Они ведь тоже часто лгут?!

Полночь. Дождь за окном,
Шум машин, свет огней.
Сколько было таких
Одиноких ночей?
Сколько будет ещё?
Только Бог даст ответ.
Вслед за ночью всегда
Наступает рассвет.
За прозрачным стеклом
Страстный танец дождя.
Капель звон, словно стон,
Зов из небытия.
Черноокая ночь,
Одинокая ночь,
Пожелай мне любви,
Счастья мне напророчь!
Капель танец затих
И окон гаснет свет.
Незаметно пришёл
Долгожданный рассвет...

Знаю, к сердцу мужчины путь
Недалёк: через полный желудок.
Не сойти с пути, не свернуть,
Не до песен тут, не до шуток!
Подавай, ему, пироги,
Да закуски, да мяса много...
Надорвёшься вот так в пути
И забудешь, куда дорога!

А вот и я!!!
А вы, смотрю, не ждали....
Странно. Непонятно.
Где красная ковровая дорожка?
Где цветы?
Где вспышки камер, лавры и медали?
Забята? Неприятно!
А я в вечернем платье, в босоножках...
Э-эх. мечты. мечты...

Кошка чёрная, кошка белая,
Песня грустная и несмелая....
Песня тихая и печальная,
Не задравная. Поминальная....
О любви слова безутешные,
Плачут-молятся люди грешные.
Нелюбимые, нежеланные,
Позабывтые, долгожданные...
Светом бывшие, тьмою ставшие,
Одинокие, духом павшие.
Как любовь ушла? Как покинула?
В суете сует тихо сгинула...
Только песнь о ней не даёт забыть.
Как же дальше им, нелюбимым, жить?

Сказка на ночь

Солнышко глаза свои открыло,
Потянулось сладко, засветило...
И вернулось в тёплую кровать,
Очень, видно, захотело спать!
Тут же тучи дождевые налетели.
Солнышко заснуло - осмелели.
И давай дождём всех поливать.
Намочили солнышку кровать.
Ветер злой внезапно прилетел,
И на тучи страшно засвистел.
Солнышко от шума пробудилось,
Непорядку очень удивилось.
Лучики расправило умело,
На проделки тучек посмотрело,
Ветру помахало вслед рукой,
И, вполне довольное собой,
Засветилось, просто засияло,
Облака в помощники позвало.
Стали вместе по небу гулять,
В разговорах время коротать.
Слово за слово, тут стук раздался в дверь.
А за дверью, верь ты иль не верь,
В звёздной мантии красавица-Луна.
– Время спать, - промолвила она.

Солнышко простилось с облаками,
Белогривыми и верными друзьями,
На прощанье вечеру махнуло,
Покраснело и тихонечко уснуло.
Значит спать уже и нам пора,
Чтобы встретить солнышко с утра!

Мужчине возраст не помеха,
Пусть седина уже пробилась.
Пусть были сделаны ошибки,
И пусть чего-то не сложилось...

Он был и есть во всём Мужчина
Во всех житейских передрягах.
За честь свою всегда готов он
Любые одолеть преграды.

Опора он. Всегда надёжен.
Всегда плечо готов подставить.
Он не предаст, он держит слово,
В беде не бросит, не оставит.

Он верный, справедливый друг,
Он преданный отец и сын.
И не стыдится он того,
Что он хороший семьянин.

Подспорье он своей жене.
Заботится, не обижает.
И пусть в подарках не силён,
Цветов купить не забывает!

Ошибки признаёт свои,
Прощенья попросить он может,
Ведь он мужчина, и к себе
Он требовательней и строже.

Не знаю, что ещё могу
Добавить в общую картину.
Не важно, сколько лет ему,
А важно то, что он – Мужчина.

Как вернуть мне любовь вновь,
Если вдруг умерла любовь?
Если утром проснувшись, я
Поняла, что совсем ничья.

Я живу, мы живём, ты живёшь,
Только жизнь эта – в сердце нож.
Вроде в доме одном живём,
Только разве вот это – дом?

Так, гостиница на пути,
Отдохнуть чтобы мог зайти...
Здесь еда, здесь тепло, уют,
И пока ещё вроде ждут...

Долго будут ли ждать? Кого?
И зачем? Почему, для чего?
Ведь предавшему веры нет.
Веры нет. Вот и весь ответ.

Два чужих человека живут,
Что-то делают, чего-то ждут.
Но разбился бокал давно,
Звука нет, как в немом кино.

Пустота, пустота, пустота....
Потускнела моя красота.
Тело стройное, где же ты??
Испарились мои мечты...

Только дети и я...Ничья...
Незнакомая....Не твоя....

КОЗАКОВА
Маргарита

Читатели уже имели возможность познакомиться с творчеством Козаковой Маргариты в разделе «Проза на русском языке».

Дрянное настроение

Тараканы на спинах
Танцуют брейк-данс.
Мир погряз в паутину,
Мир – бесовский экстаз.

Всё заплата небо,
Перекроен закат.
Быль похожа на небыль.
Стрелки чертят квадрат.

Звуки здесь неуместны -
Слушай бред пустоты:
В серых платьях невесты,
В вечном взлёте мосты.

И последняя пристань
С кружевами камней.
Дует тёмно-коричневый
Мне в лицо тосковой.

2008 г.

Я не хочу умирать,
Поэтому и не умру.
Стану я хрупким лебедем
В тихом осеннем пруду,
Или же буду деревом
С мягкой зелёной листвой,
Ласковым свежим ветром
В пыльный полуденный зной.
Чайкой раскину крылья
Над бирюзовой волной.
Стану бродячим котёнком
Чтоб поиграть с тобой.
Ты не грусти, не надо:
Короток бранный путь.
Мы живы, пока нас помнят...
Пожалуйста, не позабудь...

2007 г.

Аннушке

Эти стихи были написаны 20 лет тому назад к 35-летию моей сестры. За эти годы ничего не изменилось. До последнего дня своей жизни она оставалась такой же прекрасной, глубокой, неповторимой...

В век расщепления атома,
В век освоения космоса,
В мире, где яда проклятого
Скоплено сотни тонн,
Ты как осколочек прошлого,
Строгого и утончённого
Века, в котором, наверное,
Пушкин в тебя был влюблён.

Там на балах очарованно
По лёгкой походке и грации,
По тонким чертам и дымке
Самых прекрасных ресниц
Все без труда узнавали бы
В тебе Джульетту, Констанцию,
Лауру, Изольду, Офелию –
Ангела милых страниц.

В тонкой кисейной заморской
Шляпе с большими полями,
К тулье которой приколот
Ландышей скромный букет,
Ты – воплощение нежности,
Кротости, очарования.
Ты – осколочек прошлого,
Чистых и честных лет.

1987 г.

Маргарита

Роман «Мастер и Маргарита» я прочитала... даже и не помню сколько раз. И всегда, перелистывая любимые страницы, в Маргарите я видела себя. А в юности даже мечтала, что и мне когда-нибудь встретится всемогущий Воланд, который поможет осуществить самые заветные мечты.

Но однажды я с грустью осознала, что даже если бы мне и довелось оказаться на месте булгаковской Маргариты, я бы никогда не смогла совершить то, на что решилась она ради достижения своей великой цели. Никогда...

Клептоман залезает в карман.
Некрофил чей-то труп полюбил.
У кого-то боязнь темноты.
Ну, а я же - боюсь высоты.

Мне бы знать, как болезнь ту назвать,
Что мешает на стул залезать.
Ту болезнь, что не даст никогда
Крикнуть Воланду страстное «Да!».

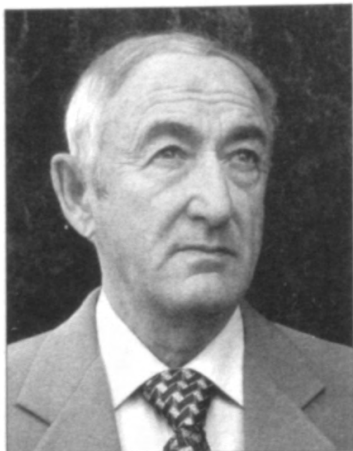
Маргарита я! Вот не везёт!
Мне не светит полночный полёт.
Ни на борове, ни на метле
Не летать в поднебесье мне.

Мне не светят ни бал и ни пир,
Мне волшебный не пить эликсир,
Не свершить долгожданную месть,
Не услышать придворную лесть.

Никогда не сверкнуть наготой
Мне на фоне луны золотой,
Потому что боюсь высоты...
Так банально крушатся мечты.

2006 г.

ЛИФШИЦ Арнольд

Ровесник войны. Родился 20 августа 1941 г. в г. Харькове, на Украине. Война, бомбёжка, эвакуация...

В 1946 году семья возвратилась в разрушенный войной Харьков. Окончил школу, Горный институт, серьёзно занимался спортом, получил звание Мастера спорта по настольному теннису.

Последние 10 лет, вплоть до репатриации, работал главным инженером проекта Гипротракторосельхозмаши.

С раннего детства любил стихи. Эту любовь привили родители. Много читал. Обладая прекрасной памятью, охотно читал стихи на школьных олимпиадах, агитпунктах, концертах. Свои стихи начал писать в 30 лет, писал для себя, для друзей, для дочери. Наиболее удачные произведения печатали в газетах и журналах. В 1995 году переехал в Израиль. Живёт в г. Пардес-Хана.

Работал в разных местах, но стихи всегда оставались его верными друзьями. За годы жизни их написано много... можно издать 2-3 книги. Но пока вышла только одна - «Я вам стихи свои прочту» в 2008 году в издательском доме «Мирвори».

А ещё он мечтает когда-нибудь услышать со сцены песню или балладу, где будут звучать его стихи, в исполнении Тамары Герцогители.

Пишите стихи

Ты хочешь знать о человеке?
Так почитай его стихи.
Ах, не писал стихов вовеки?
Тогда дела совсем плохи.

Он не романтик и не рыцарь,
Коль не пытался сочинить,
В своей душе не смог «порыться»
И на бумагу стих пролить.

Скупой, бесчувственный, несмелый
Мук творчества он не познал,
Без вдохновенья делал Дело,
Не тосковал и не страдал.

Пусть я поэт плохой, никчемный,
Огонь в душе давно утих,
Живу надеждою нетленной,
Что напишу хороший стих.

Счастье

Сердце,
Словно пойманная птица,
Тревожно трепещет в груди.
Как я мог
Так нелепо влюбиться?
Мне, наверное, все это снится?
Не буди!
Не буди!
Не буди!

Я как чуткая антенна:
Так старательно
Звук доброжелательный
Ловлю.

И когда-нибудь
Услышу обязательно
Те заветные слова:
«Я вас люблю».

...Бывает состояние души,
Что «до» и «после» сколько ни пиши,
Лишь в этот долгожданный, страстный миг
Родится праведный и честный стих.

Грустный исход

Из Страны Советов на Восток
Тянется кроваво-красный след.
Алия – Мучительный Исход,
Сотни тысяч сломленных судеб.

Братья уезжают от сестер,
Дочери бросают матерей.
Рубит сук занесенный топор –
Берегись заспавшийся Еврей...

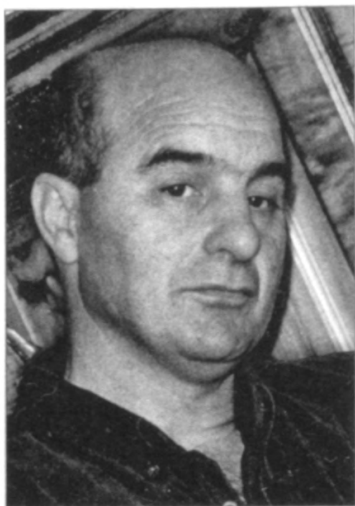
Всё, что честно нажито, бросай!
Уезжай в неведомую даль,
Там война, а говорят, что Рай:
Апельсины, финики, миндаль ...

Вон диаспоры на небе Млечный Путь.
Там, среди малых звездочек, и я.
Боже! Ты меня не позабудь,
Дай скитальцу места у огня.

Едут все в «Обетованный край»,
Но и там спасенья нет от бед:
На земле не уготован Рай,
И на небе счастья тоже нет.

Странствует по свету «Вечный жид»,
Так уже немало тысяч лет.
«Богом избран» и за это бит,
Грустный взгляд – Судьбы его Завет.

МИХАЙЛОВ Эмиль

Родился в 1955 году в Дербенте. В Израиле с 1979 года. Живёт в Нетании. В 1998 году окончил институт искусства Шломо Дрора.

Ранее Эмиль был известен знаатокам и любителям культуры горских евреев как художник. Его работы включены в альбом-каталог «Краски времени». Он участвовал в различных выставках, в том числе и в коллективных выставках художников – выходцев с Кавказа.

Работает и учится - в последнее время занялся изучением ювелирного искусства.

Эмиль - автор всех четырех альманахов. В первом номере альманаха «Мирвори» были опубликованы стихи Эмиля Михайлова, а во всех последующих к стихам добавились и его публицистические очерки о горских евреях.

Давно пора бы мне прозреть...
Не мальчик я уже вчерашний.
Но иногда на мир смотреть
Становится немного страшно.

Я мир хотел бы увидеть
Без зла, без страха. Лгать не буду,
Но очень больно сознавать
Что это – лишь мои причуды.

Жизнь – не идиллия, увы.
И черных в ней полос немало.
На улице – приход весны.
На сердце... Легче мне не стало...

Туман рассеялся в душе
И не боюсь теперь затмения
А сердце тянется к тебе
Без страха и без сожаленья.

Терновый путь к тебе ведет
Пусть, опоясанный слезами,
Но что же делать, коли мне
Ты предназначена богами.

Найти ведь каждый должен путь,
Начертанный нам сверху. Надо
Преодолеть печаль и грусть
И не бояться казней ада.

Иль наяву, иль в мире снов
Должны мы встретиться с тобою?
Не надо клятв, не нужно слов –
Все сказано самой судьбою.

Дороги ведут в безысходность
В этой скорбной глуши.
С тоскою приходит покорность
И пустота души.

Не хочется верить во что-то,
А хочется просто жить.
И то, во что верил когда-то,
Стереть и навек забыть.

За окном

За окнами ветер деревья качает,
Собака бездомная воеет, скулит.
В доме соседей гитара играет,
В небе все громче и громче гремит.

Люди спешат от ненастья укрыться,
Птицы попрятались в гнезда свои.
А у соседей народ веселится,
Я ж погружаюсь в мечты мои.

Ветер свирепый за окнами воеет,
На улице нет ни одной души.
А у соседей гости хохочут,
И звуки музыки вновь слышны.

Вот за окном уж рассвет наступает,
И солнце теснит холодную ночь.
В доме соседей еще все гуляют,
А тучи уходят медленно прочь.

На волю из гнёзд вылетают птицы,
По улице мчится народ деловой.
Устали соседи, видать, веселиться,
За их окном – тишина и покой.

НИСИМОВ **Валерий**

Валерий Нисимов родился в г. Дербент в 1976 году, там же окончил среднюю школу и СПТУ. В Израиле с 1994 года. По окончании службы в рядах ЦАХАЛа начал писать стихи, спустя год записал свой авторский альбом «Посвящение I», а спустя еще полгода начал работу в только что создавшемся горско-еврейском театре муз. комедии (г. Хадера), где и проработал 5 лет. Сегодня он пробует себя в КВНе, печатается в периодических изданиях и учится актерскому мастерству в театре-студии «Лик».

Вашему вниманию мы предлагаем как стихи Валерия, так и тексты песен.

Всё меняется –
Года, тысячелетья.
Вот и двадцатый век
В отставку подаёт.
Но улыбаются
Как прежде наши дети,
А тот, кто пел,
По прежнему поёт.

Лучи сияют
Как всегда над нами,
И птицы в небе
Весело парят,
Да, только вот
Седеют наши мамы,
И их тусклей
Становится наряд.

01.01.01

Ну, вот и всё:
Ушло тысячелетье...
Ну, вот и всё:
Уплыло навсегда...
Одна только
Природа человечья
Осталась той,
Какой была всегда...

Эпитафия себе

Среди поэтов я был невелик,
Средь композиторов и вовсе маловат.
Зажав гитары гриф, переходил на крик
Таков был нрав. Уж я не виноват...

Награда

Ночь темна.
Мы вместе.
Не до сна:
Прелестен
Облик ваш при свете ночника.
Почему
Не знаю
Вас люблю.
Вздыхаю:
Ах, как жаль, что ночь так коротка.

Припев:

Господи!
Зачем же так жестоко
Ты наградил меня страданием любви?
Господи!
Ты от земли далёко.
Молю тебя: мне душу не травми.

Вижу сны
Дурные:
Словно псы
Цепные
В душу мне вгрызаются, скулят.
Словно им,
Голодным,
Стал любим
Любовный
Вкус души моей. Они любви хотят.

Припев.

Я глаза
Закрою.
А слеза
Слезую
Как росинка упадёт на грудь.
Вас любя,
Целую
И, скорбя
На злую
Долю, Господа прошу не обмануть.

ПЕЙСАХОВА
Галина

Родилась в Махачкале. О себе и о своём творчестве пишет: «Мои стихи – отражение моих чувств, моих мыслей, моей души. В них моё личное восприятие того, что пережито, что происходит вокруг сейчас. Это не просто стихи, это – крик моей души. Возможно, я пишу не на профессиональном уровне, но стараюсь делать это просто и доступно.»

Многие мои стихи посвящены родителям. Может быть, в силу обычаев и традиций горских евреев, у меня особое отношение к ним, к памяти о них. И я рассказываю в своих стихах о самых святых, самых дорогих моему сердцу людях».

С 1993 года Галина живёт в Израиле, в г. Холон. Её стихи были опубликованы во всех выпусках альманаха «Возвращение в Сион».

Две родины

Пусть с душою гойскою айда
Вечно мы несли свой тяжкий крест,
Пряча на груди звезду Давида,
Нас теперь надежда манит с мест.

Два отечества, две родины, два края.
Тот, где родилась, уж за спиной.
Горы солнечного детства покидая,
Я лечу в край дальний и родной.

Я - не целая, я - половина.
Мечется душа, не знаю почему.
Не пойму, где дом, а где чужбина.
За мечтой, за призраком лечу.

Здесь навек простилась со страную,
Там народа моего исток.
И деревья плакали со мною,
И слезинки капали в песок.

О, Кавказ! Из сорока наречий
Мне дороже всех та сторона,
Где в мелодиях еврейской речи
Горскою еврейкой рождена.

Бросив всё, евреи, словно птицы,
Взмыли в голубую вышину,
Чтобы снова гнёзда вить и вжиться
В новую чудесную страну.

Наши предки с этою мечтою,
Не дождавшись, в мир иной ушли.
Едем мы с надеждою большою
На радушие Святой земли.

Заберу с собой мои лекарства,
Уповаю, всей душой на них:
Личные несметные богатства -
Трёх детей и внуков пятерых.

Грешная, двух чувств скрывать не стану.
Я верна возлюбленным своим:
Полдуши оставлю Дагестану.
Полдуши везу в Иерусалим!

Расставание

Маме посвящается

А может так случиться, что затмит
Судьба мой разум, вдруг обрету пороки...
А потому, хотя душа скорбит,
В память о тебе, спешу оставить строки!

Я – ручеёк, а ты – река большая.
Ты – дерево, я – твой росток живой.
Тоскую днём и ночью, вспоминая.
Тебя уж нет. А боль моя со мной.

Живу на свете я одной мечтаю...
О, как бы это чудо совершить?
Тебя с отцом забрать бы мне с собою
И на Святой земле захоронить.

Настало время с краем мне проститься.
Уеду я. Угодно так судьбе.
Над Каспием кружат тревожно птицы,
И плачут чайки в скорби по тебе.

Спешу к тебе. О камни спотыкаясь,
Среди чужих могил блуждаю я.
Снег с твоего лица смахнуть пытаюсь,
Чтоб заглянуть в любимые глаза.

Сопутствует холодной снежной вязи
Всех гор и облаков печальный лик.
Железный клин мне в сердце вдруг проник:
Душа усопшая с моей на связи.

О, если б я кудесницей была
И волшебством, как в сказке, овладела...
Тебя с отцом я вмиг перенесла
В ваш рай обетованный без предела.

Когда воспоминанья хлынут в душу
Морским прибоем, стынет в жилах кровь.
И слёзы ностальгические душат:
Уж никогда мне не вернуться вновь!

Я уезжаю. Мы близки, мы рядом.
С тобой прощаюсь, словно навсегда.
И с мраморной плиты печальным взглядом
Мне смотрят в след... библейские глаза.

Маме в день рождения

...Мой отец был тяжело ранен на фронте. Мама, узнав о том, что отец находится в госпитале в Севастополе, поехала к нему с грудным ребёнком на руках и сделала всё для его спасения. Я родилась после Победы. Но отец жил недолго. В сорок три года мама овдовела. Нас у неё осталось шестеро. Всех она вырастила, выучила, подняла на ноги. Мои родители мечтали увидеть Святую Землю и привили нам, детям, любовь к Израилю.

Это стихотворение было написано маме ещё при её жизни.

Я обязуюсь до скончания дней
Любить тебя все крепче и нежней.
Ах, мама, мама, если б я могла
За счёт своих твои продлить года!

Желаю я чудеснейшей из женщин
Здоровья, счастья, радостей земных,
Чтобы жила сто двадцать и не меньше
В кругу детей и правнуков своих!

Не перечислить подвигов святых,
Свершённых той молоденькой горянкой.
Я в двух словах лишь расскажу о них
И постараюсь быть предельно краткой.

Год сорок первый. Наши отступают.
О том, что муж твой ранен тяжело,
Известье горькое тебе вручают:
Из Севастополя письмо пришло.

Ты без раздумий собралась в дорогу
С младенцем беззащитным на руках.
Что пережито - лишь известно Б-гу:
Опасность, холод, голод, вечный страх.

Тебя вели любовь, надежда, жалость.
Преград не признавала на пути.
Ты не судьбе, а чувствам покорялась:
«О, только бы живым его найти!»

Ты пробивалась сквозь войны заслоны,
Любимый твой в беспамятстве лежал.
К нему, к нему стремились эшелоны,
Морозный ветер губы обжигал.

Ты победила смерть и все преграды.
Свой подвиг совершила ты, любя.
Три новых жизни – три твоих награды.
Благодарим мы, мамочка, тебя.

А в сорок три ты овдовела, мама.
В наш дом явились горе и печаль.
И много лет под чёрным покрывалом
Ты плакала и пела по ночам.

От той потери нету в мире средства.
Ничто не в силах боль унять твою.
Молитвы, слёзы, песни эти с детства
Навечно в память врезались мою.

Шло время, только боль не уходила.
Скрывая горечь горьких слез своих,
Ты ношу непосильную тащила.
Одна ты нас взрастила шестерых.

Нужду преодолела и ненастье,
Опорой главной в жизни нам была.
Дарила нам покой, тепло и счастье,
С достоинством и мужеством жила.

Я обязуюсь до скончания дней
Любить тебя всё крепче и нежней.
Ах, мама, мама! Если б я могла
За счет своих твои продлить года!...

Друг познаётся в беде

Друг - он не тот, кто за твоим столом
В любви клянётся, в верности до гроба.
Не доверяй! Гляди-ка лучше в оба,
Чтоб не пришлось раскаяться потом.

Друг тот, кто близ тебя во дни тревоги,
Тот, кто тебя не бросит средь дороги,
Кто временем проверен и судьбой,
Кто от беды тебя закрыл собой.

Гармония природы

Как не поддаться чарам музыки?
Объята трепетом душа.
Красы пленительные узы
Взор устремляют в небеса!

В том мире вечной красоты
Законы гор веками чтили.
Под звук кумуза и домбры
Там горцы петь не разучились.

Почтенный Каспий седовласый,
В чьих недрах кроются кораллы,
Над ним закат багрово-алый,
Он горизонтом опоясан.

Накроет пенистой волною
Все островки в округе той,
Воздушной, пенной белизною,
Как будто девственной фатой.

Свирель. Чарующие звуки
Витают в звёздной тишине.
Весь мир ложится мне на руки...
И рай в орлиной вышине!

Подобно горцам-аксакалам,
Во всём величии своём.
Стоят, одеты в бурки, скалы.
В молчанье многовековом!

И журавли по небу стаяй,
Похожие на корабли,
Вдали в лазурной дымке тают,
Едва поднявшись от земли.

Покинув каменные норы,
Сребристокрылые орлы
Взмывают в мраморные горы –
Лишь им подвластные миры!

И мощью, словно оглушая,
Прорвался бурный водопад.
С небесной высоты свергаясь,
К подножью сыплется как град.

И брызги капелек кристальных
Сквозь призму солнечных лучей
Искрятся, словно дождь хрустальный,
Сияньем в тысячу свечей!

В подножье тех Кавказских гор,
Как в лучезарном дивном сне,
Зелёный, сказочный ковёр
И море маков по весне.

Как не поддаться чарам музыки?
Объята трепетом душа.
Красы пленительные узы
Взор устремляют в небеса.

Кавказская притча

В одном ауле горного Кавказа...
Вы уж поверьте моему рассказу.
Однажды вышел Старец за порог,
И горько плакал, проклиная рок.
И там Джигит случайно проходил,
Красивый, молодой и полный сил.
Он был не местный, шёл издалека.
- Чем Вам помочь? - спросил он старика.
- Меня обидели... Ответить я не смог.
Вот отчего и плачу я, сынок...
- Мне укажи обидчика скорей!
Он должен быть наказан! Он – злодей!
Блюсти заставляю я его законы гор!
Перечить старшему? Ведь это же позор!
И извиниться должен тот наглец!
- Да помолчи! Обидчик – мой отец...
И палкой он слегка меня побил
За то, что деда я случайно оскорбил!

Король танца

*Посвящается народному артисту России и
Дагестана, художественному руководителю
ансамбля «Лезгинка» Иосифу Матаеву.*

«Виват, Король, виват! Виват, Король!
Судьбой тебе дана такая роль».
Стихами говорю тебе: «Виват!»
Сей гимн звучит за подлинный талант.

За этот дар, что свыше богом дан.
За то, что ты прославил Дагестан.
Вставал не раз замороженный зал
Полет орла, когда изображал.

За труд, заслуги, кропотливых лет
За чудный и чарующий балет.
За танец гор, что ореолом стал,
И, стоя, мир тебе рукоплескал!

Планету облетая, много стран,
Ты лаврами осыпал Дагестан.
Не раз «Виват, Король» споют тебе,
Как гимн успеха на Святой земле.

Ещё дебютов много впереди.
Удач желаю на твоём пути.
Твой танец силы, грации, огня
Стал эликсиром жизни для тебя.

С тобой всегда счастливый талисман:
Твои друзья и мудрый Дагестан.
«Виват, Король, виват! Виват, Король!
Судьбой тебе дана такая роль».

Предательство

Предательство – тягчайший из грехов!
Враг не предаст тебя, он не таков!
От века так: предатели – друзья,
Соратники, любимые, мужья...
И чтобы не вводить людей во грех,
Не завожу себе ни ЭТИХ и не ТЕХ!

Рождённый ползать

Кто духом слаб, в том совесть не чиста,
И ложью переполнены уста!
И часто липкий страх его объемлет.
Душа его чуть теплится и дремлет,
И потому идёт на компромисс.
Синицу жадно комкая в руках,
Рождённый ползать вечно смотрит вниз,
Не видя журавля, что в облаках!

Преодоление

Преодоление - стимул всех начал!
Не цель в конце пути. Пути преодоление.
Приносит радость нам и удовлетворение,
Мне голос внутренний кричит: «Не подкачай!»
И силы нам даёт и вдохновение!

Меняет Время цели бесконечно.
Преодоление ж неизменно ВЕЧНО!

Страсть

Когда, скрестив внимательные взгляды,
Как два острейших лазерных луча,
Мы подожжём пороховые склады,
И, вдруг, обрушим целые громады
Любви, неизрасходованной, клады,
Кровь забурлит - свежа и горяча!

Тогда мы, озарённые сияньем,
В обвале чувств, над бездной налету,
В разрядах электрических касаний,
На грани Жизни, Смерти и Страдания,
В предчувствии последних содроганий,
Не сознаём, что любим лишь Мечту!

Потом приходит горькое прозрение:
Чужие мы! То было – ослепление!...

РАХАНАЕВ *Дмитрий*

Родился 2.03.1977 в городе Нальчик. По окончании средней школы, в 1993 году репатрировался в Израиль по программе НААЛЕ.

С 1997 года по 1999 служил в армии, в пограничных войсках. Сейчас работает физиотерапевтом. Увлекается психологией и философией. Стихи пишет с детства.

Печатался в четырех поэтических сборниках поэтов «Русская лирика в Израиле» 2005-2006 и в альманахе «Мирвори» №№1-3.

В 2007 году в Издательском доме «Мирвори» вышла его первая книга «Непетые песни мой», в которую автор включил свои лучшие стихи разных лет.

Заместитель председателя Союза писателей, выходцев с Кавказа в Израиле.

Марлену

Я разуверился в друзьях,
Но в Б-га верю всей душою,
Да в чувства наши, что порою,
Сжигают сердце в пепел, в прах.

И в преданность уже не верю,
Она быстрее горных рек.
Противен стал мне человек,
Но не хочу его потерю.

То был период черных дней,
То испытанье было мне.
И я на вороном коне
Промчусь сквозь град шальных камней.

Над нами Б-г везде, всегда.
И рядом есть моя семья.
И ты, мой брат, есть у меня.
И нас не изменят года...

Настоящему другу **Шаулю Симан-Тов**

Недавно, о, совсем недавно,
Узнал я о предательстве друзей.
Но вот и зажила бывшая рана -
Г-дь утешил милостью своей!

Он дал мне друга, истинного друга,
Что наделён богатой добротой.
И вот уж позади злодейка - мука.
И счастлив я под дружеской рукой.

Не знаю даже, плакать иль смеяться?
С кем радостью делиться в эту ночь?
Благослови Г-дь того посланца,
Который в трудный миг решил помочь!

Дружба

Мне службу дружбы хочется узнать:
Что в ней содержится, что ждать мне от нее -
Она ли враг, она ли словно мать
Обережёт, иль прямо в душу пнёт.

Я ж с детских пор сей дружбе цену знал.
Она будила нежность в фибрах мне.
Но день пришел и под ребром кинжал
И я ловлю от дружбы град камней.

Но Слава Б-гу! Гибок духом я.
Предательству вовек не хватит сил
Сломить мой дух. И слушайте, друзья!
Камнями вашими я водку закусил!

Я с вами буду пить и вашу чернь
Размою чистой, огненной водой.
И лира, как душистая сирень,
Пробудит нежность в вас, как той порой

Во мне вы мою нежность пробуждали.
Тогда предательство спало в вас крепким сном.
Ведь вы не ведали, для вас нелегкой, дали.
И подлость не стучалась в мирный дом.

Так чем же служит дружба, кто ответит?
И сколько лет ей преданной нам быть?
Кому же верить на большой планете,
Чтобы с камнями водку не глушить?

Не хочется лишаться старой дружбы.
Хочу и новую возвысить, как звезду!
Поэтому, вновь окажи мне службу.
С кинжалом под ребром тебя я жду!

Галилея

1

Хочу туда, на эти выси,
Где в облака окутан мир.
Не думать ни о чем, не мыслить,
Вдохнуть божественный эфир.
Прохладой вылечить недуги,
Купаться в молоке небес,
Не видеть ни врага, ни друга,
Уйти за белый занавес.
Пусть дышат члены, разум стынет,
И очищается душа.
Я так устал и жажду ныне
На эти выси убежать.

2

Нет лучше времени, чем солнечное утро.
Тем боле здесь, в прекрасной Галилее.
Здесь зарево играет перламутром,
И облака вам служат колыбелью.
Дороги всё змеятся серпантинном.
И, кажется, что нету им конца.
И с ними убегаешь от рутины
В глубь в высоту, к Большой руке Творца.
И вот, вдыхая утро Галилеи,
Осознаешь, что каждый Б-жий день
Есть Дар Всевышнего, и он нас всех лелеет
Как райский сад под сладостную трель.

3

Спасибо Тебе, о, Вселяющий веру!
Спасибо за то, что на этой Земле
Как ни был бы жизни наш груз непомерен,
Ты помнишь о каждом растущем стебле.
Растишь нас, даешь нам продвинуться дальше,
И фибрам цвести как весенним цветам.
И тот, кто не верил в Дела Твои раньше,
Поверит невольно, увидев все сам.

СЕМЕНДУЕВА Зоя

Родилась в 1929 году в Дербенте. Училась в Махачкале. В 1950 г. поступила на работу в Дагкиноиздат на должность редактора.

Первые ее стихи увидели свет в 1960 году на страницах альманаха, выходившего на горско-еврейском языке. Она пишет о своем народе, о любви, дружбе, о войне и мире.

Первый сборник вышел в 1967 году, а всего до репатриации в Израиль Зоя Семендуева выпустила 10 сборников стихов. Произведения поэтессы публиковались в московских поэтических сборниках, в книгах «Народ – победитель», «Песня», «Мечта и любовь» и др.

В декабре 1992 года Зоя репатрировалась в Израиль. Здесь ее стихи публиковались в сборнике «Голеи – Избавление», а в 1998 году она выпустила новый сборник стихов, в который вошли произведения на горско-еврейском языке и переводы ее стихов на русский язык. В 2007 году в издательском доме «Мирвори» вышла очередная книга «Духдер дуб бебе». Член союза писателей Дагестана. С 1999 года член Союза писателей, выходцев с Кавказа в Израиле.

Мать солдата

Перевод с горско-еврейского Д. Раханаева

Посвящается прекрасной горско-еврейской женщине А.Рахиль из города Махачкала.

Поэму эту посвящаю я
Достойной матери, которая любя
Свое дитя, в войну мундир надела
И с сыном в бой ушла легко и смело.

1
В руках у сына увидав повестку,
Мать вздрогнула от боли в сердце резкой:
Поднявшись, враг с оружием идет.
Война-злодейка молодых крадет.

2
Встань, молодежь, за Родину свою!
Отчизна-мать у бездны на краю!
Скорей спешите, чтобы стать щитом
И уберечь родных и отчий дом.

3
Осталась в памяти, хоть минули года,
Кровопролитная и страшная война.
Весь мир она втянула в смертный бой,
И не вернутся многие домой.

4
Легко ли матери расстаться с сыном?
Его любила, холила, растила...
Хотелось ей дожить до тех минут,
Когда сынок поступит в институт.

5
Но день настал, и милый мамин сын
Не аттестат, повестку получил.
На фронт повестка та его звала.
Мать и себя в дорогу собрала.

6
Война ужасна... Вражеские силы
Большие города уж захватили.
И погибают бедные солдаты.
И вся страна стенает от утраты.

7

В окопах мать с бойцами наравне
Нашлась и ей работа на войне:
Под бомбами и пулемётным градом
Мать помогает раненым солдатам.

8

Прошло два года, нет конца войне.
А немец все становится сильнее.
И Гитлер отдает приказ такой:
– Пусть гибнут все: старик и молодой!

9

И гибнут люди, и растёт беда.
Вторгаются фашисты в города.
И в Сталинграде бой неравный был.
Был ранен там Зимро, Рахилин сын.

10

Тут приглашает маму командир.
И, поправляя от волнения мундир,
Ей говорит: «Ваш подвиг так велик -
За родину вступились, в нужный миг.

11

Но возвращаться вам пора домой.
Я верю, скоро прекратится бой.
И сын ваш, доблестный солдат страны,
Вступает вновь на страшный путь войны».

12

От слов от этих мать лишилась речи.
- Как сына мне вернуть, добиться встречи?
Когда ж она с комротой согласилась,
То обняла его и прослезилась.

13

Тяжелым было возвращенье мамы.
Теперь же невозможно быть упрямой.
- Но, если Б-г захочет, сын мой милый,
Ко мне вернешься целый, невредимый.

14

Был план у Гитлера: столицу всю подмять.
И этим себя славой увенчать.
Но наша армия им город не сдала
И способом своим их прочь гнала.

15

Не выдержав зимы московской холод,
Оставили враги чужой им город.
Без сил, в безумстве войско отступало,
И много по пути солдат их пало.

16

Зимро из госпиталя прямо в бой идет
И доблестно воюя, немца бьёт.
Еще не выздоровев до конца от ран,
Идет солдат вперед, как на таран.

17

И вот солдаты наши у Берлина.
Побеждена немецкая машина!
И в город наша армия вошла –
Героям слава! Кончилась война!

18

Вот радость для народа всей страны!
По свету новости уже разнесены:
Война отцов совсем прекращена,
И не сбылась фашистская мечта.

19

Четыре года уходила молодежь,
И многих душ домой уж не вернешь -
Те воевали до последних дней
За Родину, за мир своих людей.

20

И среди них Зимро из Дагестана.
Так и не смог вернуться к милой маме.
И мать, не встретив сына, умерла.
Но память светлая о ней жива...

СИМАНТОВ **Геннадий**

В 1963 году родился (не по своей воле) в г. Баку. Практически с младенчества рос послушным и умным ребёнком, много читал. Через несколько лет (перед окончанием средней школы) выяснилось, что читал не то, поэтому, как большинство соплеменников дружно влился в ряды славных работников советской торговли и службы быта.

Женился по её (или моей?) инициативе, но удачно. Родил дочь, что освободило меня от посадки дерева и строительства дома. Традиционным общёдом и обвесам занимался до 1991-го года, когда и понял, что без исторической Родины не могу (то, что «могу» понял позднее).

Родина была рада встрече со мной и на радостях одарила меня всем сопутствующим набором: машинкой, страховкой, поддельной, но всё равно дорогой водкой и чувством, что хоть меня и ждали, но не рады.

Неубедительно звучащую фамилию «Симандуев» сменил на дворянскую «Симантов», что, как выяснилось позже, стало моим самым большим достижением тут. В настоящее время вношу послышную ленту в процветание израильской торговли, страшно скучая по другим законам советской. Дочь служит в ВВС. Жена при мне (или я при ней?). Время до конца ещё есть...

Недавно

Слово «жид» знакомо. Как ни странно,
Но недавно я в себе открыл,
Что только на земле обетованной
Я его значенье уяснил.

Как и кто?

Он лысиной блистал и интеллектом.
Она лечила триппер в пятый раз...
Мне интересно: по каким аспектам,
И кто соединяет в жизни нас???

Пусть сегодня

Пусть ты силён сегодня, как Геракл,
Но грянет день (ну кто ж в том виноват?),
Когда о том, что ты уже покакал,
Тебе другие люди сообщат.

В СССР секса не было!

Прошлой жизни завершилась повесть.
Но скажите мне, хоть кто-нибудь:
ТАМ имелись ум, и честь, и совесть...
Где же были бёдра, ноги, грудь?

Судьба

У природы есть свои чудачества.
И пытаюсь я проникнуть в суть:
Как презерватив плохого качества
Смог судьбу мне круто повернуть?

Новый человек

Однажды, мрачным, серым днём холодным,
Он вдруг родился, как листок из почки.
Родился голым, мокрым и голодным.
И сразу в крик... А это лишь цветочки.

О великом и могучем

(переслушивая классика)

Как многогранна русская культура!
Её величье вслух не передать!
Вот, например, простое слово «дура»,
А можно ведь по-разному сказать.
К примеру, Вас забрызгала машина,
Когда домой брели Вы, не спеша.
Не крикнешь же: «Неправы Вы, мужчина!!!»
А выдашь всё, чем полнится душа.
Вот вам пример, вот опыт в чистом виде.
Он собран от берёзок вдалеке:
Гораздо меньше слов простых в иврите,
Чем матершинных в русском языке.

Во!

На днях я расчесал свой бубен.
Оттуда мысль, как сиганёт:
«Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче женщина живёт!»

Советы древних

Низами, Ниязи и Хайям
Издалёка советуют нам:
Коль болтать ты по жизни привык -
Станешь меньше на целый язык.

Беда

Жизни путь мой труден и недолог.
Как мне быть, скажите кто-нибудь.
«Завязать», - сказал мне венеролог.
А длины хватило лишь согнуть.

Вопрос

Вопрос один терзает вновь и вновь.
Тут видимо раздолье есть для споров:
Теряет что-то Вечная Любовь
От частой смены половых партнёров???

Из творчества Гюльчатой Суховой

История рождения моей Гюльчатой длинная, но я рад тому, что имею возможность взглянуть на мир (безнаказанно) с женской точки зрения. Тешу себя надеждой, что смог что-то понять в загадочной женской душе. Этим объясняется то, что часть моих стихиков написаны от имени женщины. А ориентация у меня самая скучная...

Слабак

Ты воспитанием не дюж.
Сквозит отсутствие породы.
Тебе обыкновенный душ
Принять трудней, чем многим роды.

Оглянулась

Было всё и красиво, и чинно.
Что-то нужное тронул в душе.
Я ж наивна была и невинна,
Оглянулась - женаты уже!
И за что же мне горе такое?
Как же носит земля подлецов?
Оглянулась - детей уже трое!
Хорошо хоть от разных отцов.

Облом

Порою пашешь, как на стройке,
И вроде большей нет беды.
А вечером подходишь к койке,
А там лежит такой, как ты...

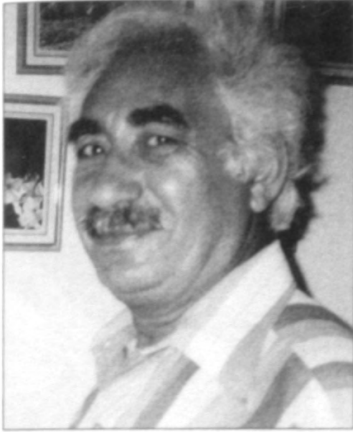
Ситуация

В плену желаний необузданных,
Он мне в окошко постучал.
Пробравшись по селу неузнанным,
Дрожал и тяжело дышал.
А я – девчонка неумелая.
Имея опыт небольшой,
Хоть иногда бываю смелая,
А тут накрылась с головой...
Здесь полумерами не справиться.
Я полной ясности хочу!
К тому же он мне очень нравится,
Ну, прямо как больной врачу.
Но есть препятствие огромное
Соединенью наших душ:
Во-первых, девушка я скромная.
А во-вторых, что скажет муж?

Связь времён

Из-за Елены пала Троя.
Разборки были – будь здоров!
Из-за меня недавно двое,
Набили морды. Всех делов...
Что мне Елена? Я же тоже!!!
Моя краса наружу прёт!
Но только две разбитых рожи,
Конечно, уровень не тот.

ЯГДАНОВ Юрий

Родился в 1936 году в городе Махачкала. Имеет высшее экономическое образование. 40 лет проработал на предприятиях Минсудпрама в городе Каспийске. Ветеран труда.

Стихи пишет с 16 лет. Его произведения публиковались в городских и республиканских газетах, в поэтических сборниках. 12 лет был председателем литературного объединения города Каспийска.

В Израиле с 1998 года. Живёт в Хайфе. Публиковал свои произведения в «Кавказской газете» и альманахах «Мирвори». В 2006 году в свет вышла первая книга стихов «Любовь и спутники». Член Союза писателей, выходцев с Кавказа в Израиле.

Великан

Мой народ,
как горная река,
Борется
с крутыми берегами.
Как Самсон,
Растущий Великан
Своей силой
Мир оберегает.

Улетают аисты

Улетают аисты
в поисках весны,
Улетают аисты
и уносят сны.
Холода закончатся
с запахом весны
Возвратятся аисты,
не вернуться сны.

Выдерживая
за день
сто атак,

Мы знали:
враг не должен
проползти.

«Вперёд!» -
Мы понимали:
Лечь под танк

И умереть,
Но Родину
Спасти.

Костры

Нет!
Не пугал нас страх,
И не слабели нервы,
Сгорая на кострах
Во имя древней Веры.

Хиросима

Глаза.
Одни глаза.
Десятки тысяч их.
Не плачут, не грозят –
Недоуменье в них.

Зрачки.
Одни зрачки.
Десятки тысяч их.
Ах, эти пяточки,
Как много ртути в них.

Благодарен жизни я:
Ты теперь моя семья,
Ведь за все мои страданья
Дал Всевышний мне тебя!

**ПУБЛИЦИСТИКА
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ**

АГАРУНОВ Михаил

Родился 4 декабря 1936 года в Баку. Высшее образование получил на химическом факультете Московского и Азербайджанского Государственных Университетов. С 1959 года работал в Институте Физики АН Азербайджана. Научная диссертация посвящена исследованию различных компонентов ракетного топлива.

В 1997 году утвержден в звании профессора Международной Экспертной Академии.

Последние 16 лет работает в области исследования истории развития культуры горских евреев, их языка и письменности. Является автором более 180 научных и публицистических работ, опубликованных в различных странах мира, в том числе монографии «Язык горских евреев». Участник многих международных научных конференций.

С 2004 года проживает в Израиле. Является членом Президиума Всемирного Конгресса горских евреев, Правления Международной Ассоциации «Азербайджан-Израиль», а также Союза горско-еврейских писателей Израиля.

В очерке Михаила Агарунова «Раздумья о Холокосте и вне него» речь идет, в основном, о том, что различное отношение к современному международному терроризму нельзя называть «двойным стандартом». Надо найти в себе смелость и сказать правду: современный террор связан, в основном, с попустительством, а иногда и с пособничеством со стороны великих держав. Попустительstwo и пособничество - вот основные факторы, приведшие мир через несколько десятков лет после окончания Второй мировой войны к началу Третьей мировой - терроризму в планетарном масштабе. «Так говорит История», - утверждает автор.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ И ВЕЧНЫЙ ПОЗОР

(Раздумья вокруг Холокоста¹ и вне него)

Я не являюсь ни писателем, ни публицистом. Я – ученый. И хотя мною написано несколько книг и множество научных и публицистических статей, я всегда неохотно берусь за перо. Знаю, что надо, что должен, но очень и очень трудно выразить свои раздумья, свои мысли на бумаге так, как это нужно, чтобы они точно и правильно дошли до читателя.

Но последнее обращение Президента Азербайджанской Республики к еврейской общине Азербайджана в апреле 2004 года в ее траурные дни² вызвали столько чувств, столько переживаний за нелегкие судьбы ее истории, что мне просто необходимо высказаться. Не знаю, правильно ли поймут эту мою духовную потребность.

¹ Holocaust (англ.) - всеожожение. Термином Холокост обозначают геноцид, осуществленный нацистским режимом против еврейского народа во второй мировой войне 1939-1945 гг. Методичное и жестокое уничтожение нацистами 6 миллионов евреев не имеет прецедентов и считается величайшим преступлением, известным мировой истории. Из каждых трех евреев два были убиты.

² Очерк написан в апреле 2004 года в Баку.

Я давно задумывался над тем, почему еврейские памятные даты так живучи, почему еврейский народ не забывает их не только в течение десятилетий, и даже не только в течение столетий, а в течение целых тысячелетий. Конечно, причин здесь несколько. Но заметен один весьма важный фактор: все они – эти памятные даты, какие бы ни были – праздничные или скорбные – все они связаны с событиями целого народа. Не с отдельными личностями, а всего еврейского народа.

Еврейский Песах – Исход из Египта – произошел более 3300 лет тому назад. И все эти 3300 лет этот светлый праздник для всего еврейства, праздник, посвященный освобождению от рабства, праздник свободы, отмечается во всех своих подробностях всеми евреями мира и, мы точно знаем, будет отмечаться всегда, покуда есть в мире евреи.

Траурная дата 9 Ава, так называемая «Тиша-бе-Ав», или, как говорят евреи Азербайджана, «Суруни», так же свято исполняется более 2,5 тысяч лет. Событие, когда была разгромлена еврейская святыня в Иерусалиме, уничтожена огромная часть еврейского народа, а оставшаяся в живых часть изгнана из родной земли, как тогда предполагали, в неведомое, отмечается в течение этих тысячелетий горьким еврейским плачем и соответствующими традиционными обрядами. Так уж случилось, что в этот тягостный, скорбный день происходили и другие не менее жестокие акции против евреев, что сделало день 9 Ава еще более скорбным, еще более обязательным для соблюдения траура и поминания погибших.

Этот перечень, хоть и небольшой, можно продолжить, чтобы подтвердить высказанную мысль – у евреев нет дат, посвященных отдельной личности или отдельной группе лиц; все еврейские праздничные и памятные даты связаны лишь с исторически значимыми, можно даже сказать, поворотными событиями в жизни целого народа. Думаю, потому они так живучи.

Правда, мне могут возразить. Есть же подобные даты и у других народов. Например, современный праздник Победы 9 Мая. Но после распада СССР не все созданные на его территории государства, приобретя самостоятельность, продолжают отмечать этот день, хотя во Второй мировой войне пострадали представители всех народов, населявших СССР. Почему? Не могу объяснить. Вот, например, отмечалась же на Руси когда-то победа над Наполеоном в 1812 году. Но этот праздничный день забыт. Есть высказывания, что когда-нибудь точно так же будут забыты события, связанные со Второй Мировой войной.

Но я не думаю, что будет забыт день Холокоста. Я уверен, что траурный день, посвященный жестокому, бессмысленному, никем и ничем необъяснимому тотальному уничтожению на оккупированной фашистской Германией территории Европы в годы Второй Мировой войны всех евреев, всех: мужчин, стариков, женщин, детей – всех поголовно – будет отмечаться вечно, пока живут евреи, и будут вечными несмыслаем пятно позора и проклятия тем, кто это совершил.

Так ли? Да, так. Ведь мы же не знаем подробностей того, как обращались 3300 лет тому назад местные правители и жители в Египте с евреями. Но мы в течение веков празднуем день Исхода из Египта, отмечая одновременно и то, что Бог покарал поработителей. А это значит, что вечно остается пятно позора на них и на той земле, где происходили эти бесчеловечные жестокости и откуда еврейский народ с Божьей помощью избавился от рабства. Точно так же пройдут тысячелетия, может те далекие наши потомки и не будут знать страшных подробностей зверств, которые не совершаются даже над животными, но совершались в массовом порядке по отношению к евреям во время Второй Мировой войны. И эти потомки, отмечая день Холокоста, сохраняют не только память по безвинно погибшим, но сохраняют также навечно пятно позора на совершивших страшный грех...

...Весной 1974 года мне пришлось посетить Польшу, где нас ознакомили с мемориалом в концентрационном лагере в Освенциме. Как и большинство советских граждан, в том числе и большинство советских евреев, я не знал полной правды о тотальном уничтожении еврейского населения оккупированной немцами Европы. Правда, мы хорошо были осведомлены о том, что из всех военнопленных в первую очередь уничтожались коммунисты и евреи. Помните – в художественных фильмах о войне выкрики на немецком перед рядами военнопленных: «Коммунистен унд юден!», с требованием выйти из рядов коммунистам и евреям. Они подлежали безоговорочному уничтожению. Это-то мы знали. Мы хорошо были осведомлены и о фашистских лагерях для военнопленных. Но почти никакой информации не было о концлагерях для мирных жителей, о гетто, о страшной, бесчеловечной практике уничтожения евреев как народа, как нации. И вот мы посетили концлагерь в Освенциме...

Я бывал в мемориальном комплексе «Яд-ва-Шем» в Иерусалиме. Я знаю, какое ужасное воздействие оказывают на посетителей этого мемориала выставленные там фотографии и документы, показываемые там документальные кинокадры. Волосы у выходящих из этого мемориала стоят дыбом. Глаза наполнены ужасом. Но на меня не оказал «Яд-ва-Шем» такого сильного впечатления: я видел Освенцим. Причем, я ведь видел не тот Освенцим военных лет. Я видел лишь музей Освенцима, где все сохранилось так, как и 30 лет назад. Но и этого было достаточно.

Я шагал по дорожкам, где с обеих сторон за проволочной сеткой находились горы человеческих волос, горы одежды и утвари. Мы заходили туда, где были печи и где были входы в газовые камеры. И сейчас, через 30 лет после посещения мемориала, когда пишу эти строки, перехватывает горло. Нет, не от ужаса от увиденного, а будто бы от ядовитого газа, ощущаешь боязнь жара пламени. Но это чувство – от музея. А каково было находиться там? Были ли людьми те, кто вытворял такое?

Я вспоминаю последующий эпизод, произошедший уже в Берлине. Рано утром в первые же часы приезда в Берлин у входа в ресторан при гостинице стояла наша гид – пожилая невысокого роста немка – и со скорбным лицом показы-

вала нашим туристам какие-то фотографии. Я подошел поближе, она протянула фотографии и мне. В глазах у нее стояли слезы. Она сказала: «Посмотрите, какой прекрасный был Берлин до войны, а вот – то, что с ним сделала ваша авиация и артиллерия к началу мая 45-го. Ведь война была практически закончена, разве надо было его так разрушать».

Бывает у человека чувство, когда задыхаешься от возмущения, от лицемерия и наглости. Я не знаю, как назвать это чувство, но в эту минуту оно охватило меня полностью. Я не мог излить его на собеседника: передо мной стояла пожилая женщина. Ведь мы только что прошли по дорогам этой страшной войны, только-только заново пережили трагизм фашистского нашествия. Что мог я ей ответить? Конечно, любому насилию нет оправдания. Конечно, любая жестокость недопустима. Но – любая (!), с любой стороны (!). Поймет ли? Ведь в ней находятся совсем иные гены, ведь в ней существует совсем иная логика. Я, с трудом уняв дрожь от возмущения, силой подавив спазм, сумел только ответить: «А почему у Вас нет фотографий разрушенного Сталинграда?». Она молча убрала открытки в сумку и больше к этой теме не возвращалась.

Эта проклятая логика живуча: «Мне дозволено все, но меня трогать никому нельзя». Правда, в их устах она звучала иначе: Гитлер виноват, а мы все – нет. Как объяснить ей, что вы все обращались с нами, как со скотом? Как ей напомнить, что гитлеровские войска до последних минут не сдавались, хотя его самого уже не было в живых? Какими словами выразить свою боль, рассказать ей, что муж моей родной тети погиб от фашистской пули в Праге 8 мая 45-го, уже после капитуляции Германии? Нет, она все равно бы этого не поняла.

Повторяю, тогда я очень слабо знал о планах всеобщего и полного уничтожения евреев и об осуществлении этих планов на практике. Через много лет, начав заниматься генеалогией, я получил сведения о масштабах Холокоста. Может быть, именно тогда я еще более сильно ощутил свою принадлежность к еврейству. Может быть именно потому, что от меня скрывали правду. Чувство сопротивления, чувство непримирения с насильно навязываемой идеологией сильно в человеке. С болью в сердце, с глубокой скорбью я начал собирать сведения о Холокосте и понял, что этот процесс бесконечен, ибо никто не в состоянии полностью объять эту информацию, никто не в состоянии воспринять ее из-за ее дикости и необъяснимости. Несколько компьютерных CD-дисков с фамилиями жертв, книги и научные исследования, материалы архивов и множество музеев, и все равно эта информация – бесконечна, т. к. это была акция бесчеловечная, какая-то внеземная, исходила из какого-то потустороннего мира, ее не понять и не познать.

Но понимать, вернее, стараться понимать надо. Так как подобные события, не в тех масштабах, но с той же вывороченной наизнанку логикой, то здесь, то там вновь появляются на Земле.

Понять надо. И вот почему.

Утверждают, антисемитизм в Германии – дело прошлое. Но вокруг еврейских синагог стоит сегодня мощная полицейская охрана. Но в самой синагоге раввин

мне заметил, что с ярко выраженной еврейской внешностью здесь находиться бессмысленно.

Недавно по российскому телевидению показали фильм о Кеннингсберге (ныне Калининград), о его истории. Пожилая немка, не сумев удержать горьких слез, с экрана рассказывала, как по приказу Сталина после окончания войны из Кеннингсберга выселяли всех немцев. Больно было смотреть эти кадры. Да, это – жестокость. Но какова цель этой информации? И почему она подается отдельно от показа того, что вытворяли над неугодными мирными жителями фашисты? Фашисты не выселяли. Нет. Они уничтожали, лишали жизни. И вдруг, этот эпизод по телевидению. Что ж, опять вывернутая наизнанку логика: «Нам дозволено все. Мы можем убивать, мы вправе выселять. Но нас трогать – ни... ни...»?

Есть ли оправдание, пусть даже искусственно выдуманное, Холокосту? Находятся же люди, пытающиеся отрицать его существование, утверждающие, что Холокоста не было. Причем эти люди оперируют теми же фактами: такое массовое уничтожение невозможно, так как оно было уж слишком массовым. То есть, утверждают они, на территории Бабьего Яра не может поместиться такое бесконечное количество человеческих тел (по подсчетам украинских историков, за время оккупации в Бабьем Яре было уничтожено около 150 тыс. человек). То есть, по их мнению, таким легким удушающим газом невозможно отравить за короткое время такое огромное количество людей. Оправдать фашистов? А какую же иную цель преследуют эти псевдоученые? Я не могу понять.

Неужели они понимают тех, кто совершал эти преступления?

Если даже они утверждают, что Холокоста в таких размерах не могло быть чисто физически, чисто механически, то, может быть, эти современные защитники германского фашизма объяснят не просто факты уничтожения народов, а объяснят зверства, совершавшиеся при этом. Все мы видели кадры, как сортировали людей при отправке в концлагеря. Мать – отдельно, ребенок – отдельно. Почему? Все равно же убьете! Так, нет. Этого мало. Пусть сперва испытают нечеловеческие муки – мать в страданиях за ребенка, ребенок – в страхе от беззащитности в отсутствии матери. А потом уже, годика этак через два, все равно убьют, изможденных, обессиленных, потерявших человеческий облик, и ту, и другого. Так, как же объяснят отрицатели Холокоста эту бесчеловечность, эту жестокость по отношению к подлежащим убиению людям? Нет, господа защитники антисемитов, нет, вам не удастся обелить фашистскую Германию. Ее позор – на века. Никакими псевдонаучными публикациями, никакими денежными компенсациями чудом оставшимся в живых, ничем не смыть позора Германии 30-х – 40-х годов XX века. Этот ее позор жив, пока на земле будут ежегодно отмечать день траура по безвинным ее жертвам.

К сожалению, жизнь не всегда учит людей. Опять находятся на земле люди, которые предполагают, что жестокость забудется со временем. Эта проклятая

идеология все еще живет, идеология, в которой убийство другого не только становится нормой, но еще и оправдывается тем, что этот другой не принадлежит к избранной расе.

Моя родина Азербайджан вот уже 15 лет подвергается такому унижению. И все обращения к миру оказываются гласом вопиющего в пустыне. К нам приезжают всякие представители и разные наблюдатели, смысл высказываний которых: «Вас – можно, но вы в ответ – ни... ни... Только мирным путем». Опять будем называть это двойным стандартом? Или же прямо назовем все это обыкновенным шовинизмом и напомним о несмысливаемости позора?

Азербайджанский народ ежегодно отмечает день ходжалинской трагедии. Эта дата будет вечно жить в памяти азербайджанского народа не только как траур по безвинно и жестоко уничтоженным мирным жителям – стариков, женщин и огромного количества детей, но и как вечный укор тем, кто пытается оправдать армянский фашизм, пытается подвести под него историческую или географическую подоплеку. Мой бывший сокурсник по Московскому университету, весьма интеллигентный человек, депутат Московской Городской Думы, пытался оправдать, да нет, не пытался, а был уверен в правоте действий армянских захватчиков земель Карабаха. Я давно его не видел. Интересно, как он смог бы сейчас объяснить ту жестокость, кадры о которой облетели весь мир.

Официальные представители стран и организаций, принимающих участие в урегулировании Карабахского конфликта, утверждают о необходимости лишь мирного урегулирования вопроса. Правда, посол России в Азербайджане Николай Тимофеевич Рябов добавил при этом: «Армения сперва должна покинуть оккупированные азербайджанские земли». Во всяком случае, так было сообщено в газете «Неделя». Но это – единичный случай. В основном все говорят о необходимости мирного урегулирования, начиная с существующего ныне противостояния сторон. Но те же самые страны, представителями которых они являются, вооружают до зубов Армению, причем иногда передают ей в дар дорогостоящую военную технику, проводят совместные с Арменией военные учения, говорят, что не дадут ее в обиду. Только не говорят, в обиду от кого? Кто же ей угрожает? Это уже похлеще, чем то, что происходило 60 лет назад. Ведь уничтожение евреев фашистами происходило при полном попустительстве со стороны европейских стран, а не при их содействии. Так что, здесь есть над чем призадуматься.

Неужели Азербайджан достоин того, чтобы так к нему относились? Я уже сказал, что это отношение – не двойной стандарт, это откровенное пренебрежение к проживающим в нем народам.

Азербайджан – моя Родина, и меня могут обвинить в предвзятости. Но я опираюсь не только на свои чувства, но и на свои знания, на свою осведомленность. Вряд ли какая-либо иная страна в Евразии может представить такие данные: согласно статистике 1989 года в Азербайджане проживали представители 141 народа, причем 22 из них имеют компактные места проживания, т. е.

имеют свой район, свое село, или даже свой город. Лишь в Азербайджане сохранилось единственное в мире место компактного проживания евреев – это Красная Слобода Губинского района, где вот уже несколько веков живут мои сородичи – горские евреи.

О толерантности народов Азербайджана в последние годы говорят часто, пытаются перенять этот опыт. Хотя толерантность – это не опыт, это – заложено в генах азербайджанского народа. И об этом было известно издревле, говорят об этом и сегодня. Приведу для подтверждения всего несколько высказываний из разных источников:

а) Краткая еврейская энциклопедия (Иерусалим): «... Религиозная терпимость ранних Ильханидов (13 век) привлекла в Азербайджан многих евреев...»

б) Известный сионист доктор Владимир Вейншал и его сын Яков Вейншал, близкие родственники Льва Ландау, работавшие в Баку и переехавшие в начале прошлого века в Палестину, отмечая в своих трудах высокую толерантность азербайджанского народа, так образно говорили о Баку в начале XX века: «Нам повезло: мы жили в Баку... Здесь был калейдоскоп народов и языков, и каждый имел свой флаг. И было естественно, что евреи, как и все, совершенно не считаясь с державностью русских, могли и должны были иметь также свой флаг».

в) Из обращения лидеров Евроазиатского еврейского конгресса (2003 год):

«Тысячелетняя история евреев Северного Кавказа и Азербайджана являет собой впечатляющий пример продолжительного добрососедства с местными мусульманами».

г) Главный Раввин России Берл Лазар во время открытия нового здания синагоги в Баку весной прошлого года отметил, что «открытие синагоги в столь напряженное время, когда все мы наблюдаем противостояние государств, народов и цивилизаций, указывает, что евреи Азербайджана уверены в своем будущем и в будущем своих потомков на многие столетия».

Я привел всего лишь несколько цитат, относящихся к документам разных поколений, хотя мог бы их и не приводить, т. к. о толерантности народов Азербайджана, о феномене мирного сосуществования на этой земле различных этносов, различных религий говорится и изучается во многих научных трактатах. Но, видимо, толерантность не всегда приводит к положительному эффекту. Пример налицо: эта гостеприимная земля в свое время приняла огромное количество армянских иммигрантов. Да и на нашем веку мы были свидетелями, когда бесконечное количество армянских специалистов, прибывших из Франции, Сирии, Ливана, не найдя себе работы в Армении, потоком в 60–х годах хлынула в Азербайджан. Такого количества, например, портных не было, наверное, ни в одном городе страны, сколько их оказалось в Баку. Правда, почти все они, разочаровавшись в социалистической системе производства (фининспекторы не давали им возможности портняжничать на дому), уехали назад, но представители других специальностей остались же. И продолжали же приезжать! Помню, в те годы были радостно-торжественные репортажи в газетах: «Еще один пароход с армянскими репатриантами прибыл из Ирана в Баку...» Толерантный народ встречал

их приветливо. Чем же обернулась для нас эта толерантность? Объявив Азербайджан своей «исконной» землей, бывшие гости стали постепенно захватывать эту территорию. Так что, толерантность иногда – палка о двух концах. Но это – как исключение.

Мой народ живет на территории Азербайджана, по мнению ученых, не менее 1,5 тысячи лет, хотя сами горские евреи считают, что их предки появились здесь более 2600 лет тому назад после изгнания евреев из Израиля и Иудеи в 8–6 веках до н. э. и расселения части их в Мидии. Я не знаю – это знают историки – есть ли на этой земле народы с более древними предками, но все эти столетия евреи Азербайджана, как и все евреи диаспоры, благодаря эту землю за гостеприимство, в своих молитвах на праздник Песах произносят слова: «Ле-шана а-баа бе-Йерушалаим», смысл которых означает: «В этом году празднуем здесь, в будущем году – в Иерусалиме». И всегда остаются патриотами своей Родины.

..Судьба сложилась так, что мне удалось побывать во многих странах мира. Но чаще всего я посещал Израиль. Я полюбил эту святую землю. Не могу считать себя очень уж религиозным, но иерусалимская Стена Плача³ сыграла огромную роль в моей судьбе. Потому, приезжая в Израиль, я первым делом посещаю Стену Плача, а перед выездом обязательно заезжаю в Иерусалим, чтобы поклониться ей. Да, земля эта – святая. В ней живут практически все мои близкие, многие уже и похоронены на этой земле. Повторяю, я полюбил эту землю, я люблю выйти в любую погоду на средиземноморские пляжи Тель-Авива, взобраться на самую вершину горы Кармель в Хайфе, посидеть в уютных ресторанчиках на берегу озера Кинерет в Тиберии, живописную дорогу по пустыне Негев, удивительную красоту Нетании, замечательный, неповторимый, непохожий ни на один другой израильский город чудесный Эйлат. Прислушайтесь, какая музыка звучит в этих словах: Кинерет! Нетания! Негев! Но и мне не все нравится в этой стране. Например, я нередко сталкивался в Израиле с таким высокомерным отношением к себе, что иногда терял самообладание. Не хочу писать – как именно, мне за такое поведение, вспоминая об этом, стыдно, хотя можно сослаться на то, что меня к этому вынудили.

Я родился в Азербайджане, я привык ходить с гордо поднятой головой, таковым меня воспитала Родина. И весьма резко реагирую на попытку унижить себя. К примеру, я никогда этого не испытывал в Америке, где свобода человека поставлена превыше всего. Но когда я вижу, через что пришлось пройти, через какие страшные трудности и несправедливости по отношению к себе прошло государство Израиль при своем становлении, и все равно остающееся лояльным ко всем национальностям, проживающим в нем, в том числе и в отношении ара-

³ Стена Плача – на иврите «Котель Ма'рави» – Западная Стена. По мнению историков – оставшаяся в целостности до сегодняшних дней Западная часть стены святыни евреев – Первого Храма (построен в X в. до н. э.), у которой молятся и обращаются в своих молитвах с определенной просьбой.

бов, я поражаюсь его терпению и терпимости. Я хорошо знаю, что некоторые израильские предприниматели предпочитают брать на работу арабов. И совсем не потому, что им можно меньше платить, а потому, что они хорошие специалисты, например, при строительстве. И никогда, нигде, ни разу не встречал антагонизма по отношению к арабам – гражданам своей страны. Я проходил лечение в иерусалимской больнице Шаарей-Цедек, где были арабы-врачи.

Так в чем же дело? Вместо того, чтобы помочь разрешить этот страшнейший конфликт, конфликт, начатый вооруженным нападением войск пяти арабских государств в первые же часы образования государства Израиль, конфликт, бесмысленно унесший тысячи ни в чем неповинных жизней, вместо этого – еще более раздувается пожар со стороны отдельных государств. Значит, кому-то это выгодно? А где же память о Холокосте, память о позорном пятне на раздувавшихся пожарах?

...Азербайджан, моя Родина, вот уже более 15 лет в состоянии навязанной ему войны. Но Азербайджан – единственная страна в СНГ, откуда практически не только не выезжают в последние годы евреи, но даже возвращаются выехавшие ранее.

Я уже отмечал о феномене современного существования еврейской общины в Азербайджане, о ее своеобразии. Как-то мне пришлось по просьбе посла Израиля в Азербайджане сопровождать известного израильского писателя и журналиста Йосси Мельмана в его поездке в Красную Слободу. Она произвела на него, как вообще и на любого гостя, очень сильное впечатление. Чисто еврейский поселок, живущий по еврейским канонам, своеобразным еврейским традициям. Этаким островком хорошо известного ему мира. Гость с удивлением спросил председателя религиозной общины горских евреев Кубы Бориса Симандуева, почему они не собираются выезжать в Израиль – на свою историческую родину, в Иерусалим. На что Борис Юсифович ответил: «Наш Иерусалим – здесь. Мы любим Израиль, мы часто навешаем там своих родственников, тех, кто по зову предков выехал ранее на Святую Землю. Но – возвращаемся. Здесь, – он показал на склон горы вдалеке, где размещается слободское кладбище, – здесь похоронены наши родители, наши предки. На этой земле мы живем две тысячи лет». Да, у этой общины есть будущее. Об этом говорят и известные деятели за рубежом.

Безусловно, большую роль в укреплении дружбы народов Азербайджана сыграла мудрая, удивительно взвешенная политика, проводимая в течение почти 35-ти лет в Азербайджане Гейдаром Алиевым. Мне не хотелось бы в этой статье говорить о его способности очень тонко ориентироваться в таких щепетильных вопросах, какими являются вопросы национальной политики. Это – отдельная и довольно серьезная тема. После ухода из жизни Гейдара Алиева ко мне в те скорбные для народа дни обратились из редакции горско-еврейской газеты в США «Новый рубеж» с просьбой высказать свое мнение о том, что значит для еврейской общины Азербайджана кончина его политического лидера. Однако осмыслить все произошедшее, да еще в такие тяжелые траурные дни, вот так, сразу, и изложить читателю – для этого нужно время. Ведь Гейдар Али-

ев, по образному, но очень точно подмеченному определению Президента Российской Федерации Владимира Путина – «это – политическая глыба». Но все же я должен отметить один факт, который характеризует созданную Гейдаром Алиевым атмосферу веротерпимости и этнической солидарности в стране.

В своей последней поездке по странам СНГ Гейдар Алиев обязательно встречался с представителями азербайджанской диаспоры. Чувствовалось, не хотелось в это верить, но чувствовалось, что он прощается со своим народом, давая напутствия. И когда на одной из таких встреч представитель азербайджанской диаспоры Санкт-Петербурга заявил, что «мы здесь ассимилировались, но соблюдаем свои обычаи», Гейдар Алиевич его остановил. «Подожди, подожди», – сказал он и разъяснил, что такое ассимиляция. «Человек должен любить свой народ, свою нацию, свою Родину, свою землю, свой язык, национальные обычаи своего народа, моральные, духовные и религиозные ценности своего народа. Ассимиляция – это когда вы постепенно перестаете быть представителем своей нации. Если человек живет в другой стране, он обязан жить по ее законам, знать язык этой страны, но ассимилироваться – это не делает чести никому».

Я иногда слышу от наиболее бойких представителей нашей молодежи, мол, раз уж мы переехали в Израиль, нечего обособливаться, нечего везде и всюду заявлять, что мы – горские евреи, надо как можно быстрее ассимилироваться. Да и в отдельных аналитических работах есть недовольства, мол, горские евреи продолжают жить отдельной общиной (речь шла об общине в Хадере), не желают ассимилироваться и пр. и пр. Но именно потому, что не произошла ассимиляция, мы сохранили себя в диаспоре как народ, как нация. И ярчайший представитель своего народа, ярчайший выразитель духа и сущности азербайджанского народа, Гейдар Алиев сохранял в республике это высокое его дарование – веротерпимость и межэтническое согласие. И потому здесь проживают в течение веков в мире и в согласии представители более 100 народов. Может кому-то это не нравится, но это – наше достояние. Это достояние народов Азербайджана без лишних доказательств дает понять, кто прав, а кто виноват в армяно-азербайджанском противостоянии. И пусть будет стыдно тем, кто прекрасно это знает, но продолжает способствовать продлению конфликта, не дает погаснуть огню. Есть ли совесть у этих людей? Ведь все равно в будущем о них вспомнят точно так же, как мы сегодня говорим о тех, кто «не замечал» гитлеровской массовой этнической чистки, апартеида и геноцида на глазах у почти безмолвствующего человечества...

Я уверен, что беспрецедентная акция захвата земель Азербайджана, сопровождавшаяся необъяснимо жестоким, бесчеловечным уничтожением мирных его жителей на глазах у безмолвствовавших или же лицемерно скорбно вздыхавших некоторых великих держав навечно покрыта пятном позора. И не смыть этого пятна ни исполнителям, ни потакавшим им, пока живет в памяти и пока будет ежегодно отмечаться дата ходжалинской трагедии. Так говорит История!

Я знаю, я уверен: все равно придет время, когда эти народы вновь будут жить в дружбе и в согласии. Об этом говорит многовековой опыт и человеческая му-

длость. Да и сейчас многие семьи сохраняют дружбу, которую имели до этих событий, хотя и стараются ее скрыть. Но кровавый рубец на теле этой дружбы, как след от плохого хирурга, останется навсегда.

...Память о Холокосте жива. Иногда слышишь призывы: «Забудьте! Это все – в прошлом». Нет. Нельзя забывать. Ради памяти о безвинных жертвах – нельзя забывать. Ради того, чтобы не повторялось в будущем – нельзя забывать. Это очень важно, чтобы народ помнил и отмечал свои памятные даты. Есть лозунг: «Передайте детям своим...». Каждый скорбный день Холокоста, каждый скорбный день Ходжалы должен отмечаться так, чтобы старшие рассказали своим младшим о тех событиях в истории своего народа. «Передайте детям своим», только тогда будет вечно жить память народная и только тогда сохранится вечно пятно позора на совершивших зло и на потакавших им. Об этом должны помнить те, кто и сегодня взял на себя право уничтожать народы с уверенностью, что его не только не тронут, но даже и не имеют права тронуть. Эти люди, эти государства должны знать: пятно позора – оно вечно, оно – несмываемо, покуда жива память об их жертвах. А память о них – вечна!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

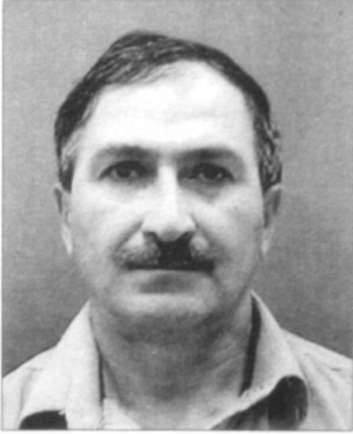
Я не знаю, являются ли современные египтяне потомками населения того Египта. Я не знаю, какой расы были те жители, какой они были веры, каким богам поклонялись египтяне тех далеких от нас лет. Я не знаю, кто они были. Это произошло более 3300 лет тому назад. Но точно знаю, что на них будет навечно сохранено пятно позора за истязания над евреями, покуда жива память об Иходе. А эта память вечна. Так показала История.

Я не знаю, кто были те ассирийцы и вавилоняне, разрушившие народную святыню, уничтожившие большую часть еврейского народа и изгнавшие практически полностью оставшихся в живых с родной земли. Я не знаю, кто они были. Это произошло более 2500 лет тому назад. Но я точно знаю, что на них будет вечно сохранено пятно позора, покуда живет память о Храме и о связанных с его разрушением жестоких событиях. А эта память вечна. Так показала История.

Я уверен, что на германском фашизме будет вечным пятно позора за истребление народов, покуда живет память о Холокосте. А эта память вечна. Так говорит История.

Пусть помнят об этом те, кто считает, что время все смывает, что сегодняшнее позорное пятно бесчеловечности будет со временем смыто. Нет! Так говорит История.

ДАВИДОВ Вячеслав

Родился в Москве в 1946 году. Мать - горская еврейка, уроженка г.Куба.

Окончил Московскую консерваторию по классу гобоя. Работал преподавателем в московских музыкальных школах, училищах и в течение 15 лет на Военно-дирижерском факультете при Московской консерватории, где защитил кандидатскую диссертацию.

Репатрировался в 1951 году. Стихи начал писать в 25 лет. В Израиле подтащил степень доктора искусствоведения и выпустил три книги стихов: «Союз двух муз» (1996), «Россия издалека» (1996) и «На своей земле» (2001). В 2007 году в издательском доме «Мирвори» вышла его новая книга «Очерки о культуре горских евреев в Израиле».

Регулярно публикуется в израильской периодической печати, альманахах и журналах. Активно занимается журналистской и краеведческой деятельностью.

Член Союза писателей Израиля с 1999 года.

С 2003 года является членом редколлегии и постоянным автором «Кавказской газеты».

НА РОДИНЕ ПРЕДКОВ (Г. КУБА)

Из цикла «Автобиографическая проза»

В своей книге «Очерки о культуре горских евреев в Израиле», изданной в 2007 г. в издательском доме «Мирвори» и посвящённой памяти моей матери Давыдовой Мани Шумуновны (1926–1991), я поместил стихотворение «На родине предков», которое открывается следующим четверостишием:

Я в Москве и учусь в шестом классе.
Мама тут сообщает мне вдруг:
– Ты ещё не бывал на Кавказе?
Есть возможность махнуть нам на юг.

Конечно, в одном небольшом стихотворении невозможно описать всё, что я увидел и переживал во время моего пребывания на родине матери в городе Куба (Красная Слобода). Поэтому я решил обратиться к прозе, позволяющей воссоздать подробности этой во многом знаменательной для меня поездки, цепко запечатлевшейся в моей памяти.

Это было первое в моей жизни путешествие на Кавказ, состоявшееся летом 1960 года, когда мне было неполных 14 лет, и я в Москве, где родился и рос, окончил 6-ой класс. Для мамы это также была первая поездка на родину после длительного 23-летнего перерыва.

Необычным для меня было уже то, что дорога из Москвы на Кавказ в поезде заняла почти двое суток! Мама решила сделать остановку на некоторое время в Дербенте, где жили наши родственники. Мы поселились в доме дяди Изьи – мужа Мазалут, старшей маминной сестры, погибшей при трагических обстоятельствах, и часто заходили к тётке Рае – младшей маминной сестре, потерявшей мужа.

Вместе с детьми дяди Изьи (Светой, Розой, Аликом, Беллой, Мараль, Юрой) и тётки Раи (Машей, Ялтой, Любой и Биней) мы каждый день ходили купаться на Каспийское море, которое сразу же покорило меня высокими пенящими-

ся волнами и бескрайними просторами. Особенно впечатляющей была первая встреча с морем – Настоящим Морем! Моей радости не было предела.

Я у мамы был один, и мне очень радостно было познакомиться с моими двоюродными братьями и сёстрами, с которыми проводил почти всё свободное время. Конечно, они показали мне знаменитую Дербентскую крепость, построенную персидским царём Хосровом Первым в VI веке н. э. с целью защиты персидских владений от нашествия хазарских племён.

Благодаря дяде Изье, игравшему на национальном барабане, мне удалось попасть на один из спектаклей Дербентского горско-еврейского театра. И хотя я мало что понял из-за незнания языка, посещение театра оставило во мне неизгладимое впечатление, благодаря национальным костюмам и музыке.

Пробыв в Дербенте неделю, мы с мамой тронулись в путь дальше на юг, взяв с собой детей дяди Изьи Свету и Алика, которые очень просили показать им Кубу. Доехав до станции Хачмас Азербайджанской железной дороги, мы пересели на автобус и по живописной, обсаженной высокими кипарисами дороге, ведущей в направлении Главного Кавказского хребта, довольно быстро, всего за полчаса, добрались до Кубы. В моём воображении она рисовалась утопающим в садах уютным зелёным городком, расположенным у подножья огромной горы Шахдаг. Но моему взору предстал обычный город с не очень чистыми, пыльными улицами, спланированными в строго геометрическом порядке. Сам Шахдаг, покрытый вечными снегами и облаками, виднелся вдалеке, а многочисленные фруктовые сады обступали Кубу со всех сторон.

Вот что написано о Кубе в красочном буклете, изданном в Баку в 1978 году: «Город садов – Куба раскинулся на северо-восточных склонах горы Шахдаг, на высоте 616 метров над уровнем моря, на правом берегу бурливого Гудиял-чая. Расположен на трассе шоссейной дороги Баку-Дербент. Площадь его 26 кв.км, население – более 110 тысяч человек, в самой Кубе – 26 тысяч человек. Приезжающие в Кубу гости прежде всего интересуются её названием. Как известно из древних источников, Куба там зафиксирована как Губбэ, что в переводе означает «купол». Историки отмечают, что когда-то здесь была высокая наблюдательная башня. Однако в последнее время высказывается предположение, что слово «Куба» взято от названия жившего здесь племени «Куба».

Основание города было заложено ещё в XIV веке. В XVIII веке Куба стала центром ханства и сыграла видную роль в истории Азербайджана. В Кубе жил прогрессивный поэт и учёный своего времени Аббаскули Ага Бакиханов (Гудси). Его гостями в разное время были многие деятели литературы и искусства, среди которых можно назвать известного французского писателя Александра Дюма – отца, русского писателя-декабриста А. А. Бесстужева-Марлинского и др.»

На автостанции в Кубе мы пересели в другой автобус, шедший в Красную Слободу, и через 15 минут оказались в центре этого посёлка, расположенного на противоположном плоском берегу Гудиял-чая и населённого исключительно горскими евреями.

Существует несколько версий, объясняющих, как и когда евреи появились на Кавказе. Не вдаваясь в подробности этого до сих пор ещё спорного вопро-

са, назову лишь самую распространённую версию, согласно которой, основная масса горских евреев пришла на Кавказ в VI–VII вв. н. э. из Персии, где они оказались после падения Израильского царства и разрушения Второго храма. Что касается возникновения и дальнейшей истории Красной Слободы, то об этом в книге Б. Б. Маноаха «Пленники Салмансара», вышедшей в Иерусалиме в 1984 году, написано следующее: «Город Куба является одним из центров еврейской диаспоры Восточного Кавказа. Важнейшим историческим элементом, проливающим свет на происхождение этой общины, является то, что эта община разделяется на 5 групп, по названию мест, откуда они прибыли: Гил-Готи, Кусары, Гиляки, Шавкани и Гарчай-Гаттаи. Представители каждой из этих групп называют разные даты возникновения общины. Так, например, Гарчай-Гаттаи утверждают, что евреи уже более 400 лет обосновались в Кубе. Представители же Гилякинской группы утверждают, что 200–250 лет, А Гилготинские заявляют, что их предки обосновались в Кубе во время правления Баки-хана, в конце XVIII в. и т.д... Достоверно известно, что кубинская община – все её группы – пополнялась также за счёт переселенцев из различных поселений нагорного Азербайджана, ближайших сёл Гюг-чай, Сююб Второй, Гилон, Мереди, Шамахи и ряда других. Еврейская часть Кубы – Слобода при Советской власти была переименована в Красную Слободу. В настоящее время эта община насчитывает немногим менее 10 тысяч душ.

В вопросе занятости населения Куба ограничена – всего один колхоз, консервный завод и комбинат художественных изделий (ковровые предприятия)». К этому следует добавить, что в Кубе сохранилось 5 старых синагог – по числу представленных в общине групп.

Невозможно описать словами то волнующее чувство, которое я испытал, впервые увидев дом своих предков, расположенный на улице Ленина 112, напротив клуба. От матери я уже знал свою родословную на протяжении трёх поколений. В середине XIX века в Слободе поселился мой прадед Давид, принадлежавший, по всей вероятности, к группе Гарчай-Гаттаи. Собственно, от него и произошла наша родовая фамилия Давидов (Давыдов). Из его детей мне известны только двое – мой дед Шумун и его брат Пинхас. Мой дед был женат на красавице Тамаре, которая родила ему более 10 детей (точное число мне неизвестно). Из них в живых осталось только шестеро: Захар, Мазалут, Сипро, Тамара (моя мама), Рая и самый младший – Гаврил. Позже мама, названная Тамарой в честь моей бабушки, поменяла имя на Маню.

Дед Шумун был одним из самых состоятельных людей в Слободе, ему и Пинхасу принадлежали магазины, водяная мельница, фруктовые сады и пр. Когда в начале 30-х годов прошлого века началась печально знаменитая коллективизация, дед, будучи умным и дальновидным человеком, договорившись с Пинхасом, не стал ждать, когда у него силой отнимут собственность, а отдал её добровольно. Таким образом он избежал участи многих «кулаков», осуждённых на вечную ссылку в Сибирь. Ему разрешили оставить дом со всем имуществом и даже дали работу сторожа его собственного сада.

Однако после коллективизации деду стало трудно прокормить большую се-

мью, и перед войной часть детей он отправил в Москву, где мою маму определили в подмосковный детский дом. Сохранилась фотография, сделанная в Москве в 1938 году, на которой запечатлен мой дед вместе с ещё юной мамой, Сипро и Гаврилом.

Из шести детей Шумуна удалось «выйти в люди» лишь старшему из них, дяде Захару, окончившему после войны педагогический институт и многие годы преподававшему математику в одной из московских средних школ. Перед поездкой в Кубу мы с мамой навестили его. Услышав, что мы собираемся в Красную Слободу, где он с женой и двумя дочерьми побывал за год до этого, дядя воскликнул: «Что вы делаете! Там же живут одни дикари!» Но его слова не заставили маму поменять принятое решение...

В кубинском доме нас ждал дед Шумун, которому было уже за 80. Бабушку Тамару я, к сожалению, в живых не застал.

Деда я знал ещё по Москве. Мы встречались у тётки Сипро, у которой он время от времени гостил. Мне запомнилось, что дед, будучи верующим иудеем, постоянно сидел над какой-нибудь толстой книгой (возможно, Талмудом).

Нетрудно представить, какой была радость нашей встречи! Дед Шумун очень любил своих внуков и крепко поцеловал меня, Свету и Алика. Увы, в период нашего пребывания в Красной Слободе я общался с ним мало, так как он плохо знал русский, а я совсем не знал горско-еврейский язык.

Деду принадлежала лишь левая половина двухэтажного дома, а правую занимала семья его брата Пинхаса, которого тоже, к сожалению, уже не было в живых. Но жива была его жена Бациин, которая каждое утро продавала семечки перед домом, где находился местный импровизированный рынок.

Внутреннюю планировку дома я нашёл весьма удобной и продуманной: на первом этаже располагалась просторная комната, которую занимал мой дед, кладовка и большое открытое помещение, служившее кухней, в которой выпекали кавказский хлеб – лаваш. А на втором этаже были две большие комнаты, в которых мы и разместились. К ним прилегал длинный деревянный «балкон», с которого открывался красивый вид на крыши домов слободы, на реку и её крутой противоположный берег, вдоль которого протянулась азербайджанская Куба.

К моему сожалению, дядя Гаврил, получив письменное согласие моей мамы, дяди Захара, тёти Сипро и тёти Раи, в 1988 году продал нашу часть дома, но ни с кем из них вырученной от продажи суммой не поделился. После этого я разорвал с ним всякие отношения.

Первую неделю нашего пребывания в Кубе мама посвятила посещению родственников и знакомых, которых она не видела более 20 лет. Их оказалось великое множество, а поскольку общение происходило в основном на непонятном мне языке, я во время этих визитов немного скучал. И вообще незнание языка лишало меня возможности общаться с местным населением, из-за этого я чувствовал себя очень неловко и почти немым. Неоднократно я просил маму научить меня говорить по-горски, но она отвечала, что в Москве мне этот язык не понадобится, что я его всё равно забуду, и что мне лучше учить английский, который может пригодиться в жизни. Так что кроме отдельных слов, которые я схватывал на лету, моё изучение горско-еврейского языка не пошло, о чём я до сих пор жалею...

Нередко мы с Аликом, спасаясь от невыносимой жары, бегали к реке Гудиял-чай купаться. Но река, текущая по камням и разделяющаяся на несколько протоков, была настолько мелка (по колёно!), что после роскошного дербентского моря казалась лужей.

Мне очень нравились прогулки, которые мы утром или вечером совершали по Красной Слободе и её окрестностям. В то время Красная Слобода, на грязных улицах которой висели обветшавшие транспаранты, призывавшие людей строить коммунизм, производила впечатление прозябающего, забытого Б-гом уголка. Когда мы гуляли, дети гурьбой высыпали на улицу и смотрели на нас как на какую-нибудь заморскую диковинку. Они показывали на нас пальцами и смеялись. Однажды вечером мы захотели посмотреть в местном клубе кино. Во время сеанса в душном зале стоял такой гвалт, что это отбило у нас желание приходить в кино

ещё раз. Может быть эти явления имел ввиду дядя Захар, когда говорил, что в Кубе живут одни дикари?

Однажды, гуляя, мы случайно забрели в колхозный сад и положили в сумку несколько упавших с деревьев яблок. Вскоре нам встретился сторож, который стал укорять нас и проверять сумки. Но, узнав от нерастерявшейся мамы, что яблоки взяты с земли, разрешил забрать их с собой.

Реже мы совершали прогулки в верхний азербайджанский город, куда вёл старый пешеходный мост над рекой. Был ещё и новый мост, по которому ходил транспорт. Наверх мы поднимались по красивой каменной лестнице, с верхней площадки которой открывался изумительный вид на Красную Слободу. Здесь однажды с мамой и братом Аликом мы сфотографировались на память.

В азербайджанской Кубе нас привлекал, прежде всего, большой шумный восточный базар (кстати, из местных плодов мне особенно понравился чернослив). Иногда мы заходили в шашлычную, заказывали бараньи шашлыки, а мама с удовольствием слушала льющуюся из динамиков азербайджанскую музыку.

Несколько раз мы с Аликом мылись в городской куполообразной бане XVIII века...

Во время моего первого посещения Кубы меня не покидало ощущение, будто я уже был здесь когда-то очень давно, а теперь повторялось всё, что со мной уже раньше происходило. Однажды мы купили на базаре большую курицу и понесли её к резнику. Глядя на эту очень неприятную процедуру, я не мог отделаться от мысли, будто всё это уже видел когда-то.

Хотя впоследствии я бывал в Кубе неоднократно, мой первый приезд в 1960 году оставил в моей памяти особенно сильный, яркий след, ибо это было моё первое соприкосновение с родиной предков и моими горско-еврейскими корнями. А что касается слов дяди Захара, что в Кубе живут дикари, то, возможно, они справедливы с точки зрения человека, живущего в условиях московской цивилизации. На самом деле, Красная Слобода жила и живет своей, непохожей на московскую, жизнью, со своими законами, обычаями и традициями. И эта жизнь тогда начала только приоткрываться мне. Только потом, спустя многие годы, прежде всего, благодаря книге Хананила Абрамова «Горские евреи Кубы», я узнал, что из Красной Слободы вышло множество выдающихся талантов во всех областях жизни (среди них был и мой дядя Захар), и что она теперь считается уникальным местом компактного проживания горских евреев во всем мире. Вот почему моё стихотворение «На родине предков» заканчивается следующим четверостишием, вдохновленным чудным видом на Красную Слободу с верхней площадки каменной лестницы:

И гора мне открылась оттуда,
Где покоились предки мои.
Близость кровную к жившим здесь людям
Ощутил я в душе в эти дни!

ИЛЬЯСОВ Павел

Родился в 1948 году в г. Грозный. Окончил химико-технологический техникум и Грозненский нефтяной институт. В студенческие годы был редактором стенгазеты, а затем членом редколлегии заводской многотиражки. Многие годы проработал в системе Нефтехимпрома в Грозном и в Баку, куда переехал в 1976 году.

В 1990 репатрировался в Израиль. Проживает в Назарии.

Уже в Израиле окончил курсы по истории еврейского народа, еврейской философии и иудаизма. Является лектором института гуманистического иудаизма. Постоянный автор «Кавказской газеты», альманахов «Мирвори».

КАРАИМЫ. КТО ОНИ?

КАРАИМЫ (בְּעָלֵי מִקְרָא, בְּנֵי מִקְרָא, קְרָאִים, карайм – буквально «читающие», бней микра, ба'алей микра, «люди Писания») – возникшая в начале 8 в. в Багдаде еврейская секта, доктрина которой основана на отрицании раввинистическо-талмудической традиции («Электронная еврейская энциклопедия»).

Караимское течение в иудаизме возникло в северной Вавилонии в VIII веке н. э. и связано с именем Анана бен Давида. Его последователи сначала именовались ананитами, а название «караимы» вошло в употребление в IX в. н. э.

Главная особенность секты состоит в строгом, буквальном соблюдении ее приверженцами предписаний Торы и в полном неприятии ряда элементов религиозной традиции, искаженных, по их мнению, последующими толкователями талмудической и раввинистической традиции.

Рассказывая о зарождении караимского течения, история гласит, что, когда в 760 г. н. э. умер багдадский эксиларх (на арамейском שַׂר אֲרִיזָא, рейш галута, на иврите רֹאשׁ הַגּוֹלָה, рош ха-гола, רֹאשׁ גּוֹלָת, рош галут, «Глава пребывающих в изгнании»), кандидатами на этот пост стали два брата, ближайшие родственники покойного эксиларха, – Анан и Гасан (Осия). Анан Бен Давид был старше брата. По старшинству и по богословским знаниям он превосходил Гасана, и именно он был законным претендентом на пост эксиларха. Тем не менее, главы вавилонских ешив (гаоны) и старейшины общины избрали на этот пост Гасана – Осию.

Анан Бен Давид был отвергнут потому, что он строго придерживался Танаха и пренебрегал так называемым «устным законом» (мидрашами, агадой и гешарой). Подобно саддукеям (последователям Цадика – первосвященника времен Давида и Соломона), он считал Тору единственным источником Синайского Закона, а Талмуд – продуктом творчества «хахамов». Именно поэтому гаоны и старейшины общины отказали Анану

Бен Давид в избрании. Но Анан Бен Давид от своих убеждений не отказался, и в 767 году был брошен в темницу и приговорен к смерти. А поскольку он не отказался и от притязаний на пост эксиларка, несмотря на то, что кандидатура Гасана уже была утверждена самим халифом Аль-Мансураи из династии Аббасидов (Аббас – дядя Мухаммеда), Анан был обвинен в неуважении к священной особе халифа, что приравнялось к государственной измене.

Однако казнь не состоялась. По милости Б-га, он был освобожден и даже получил право распространять свое учение, которое с позиций талмудического иудаизма считалось ересью, но отнюдь не противоречило Торе, ибо Тора запрещает любые добавления к Синайскому Закону и любые изъятия из него, а также поиски в Торе таинственного скрытого смысла.

Таким образом, движение караимов – это реакция на религиозный прогресс, на непрерывное развитие иудаизма. Позднее караимы создали свою собственную Галаху. Караимская практика гораздо строже раввинистической, например, в части библейских установлений, касающихся субботы и законов о ритуальной чистоте левитов. Они не накладывают тфилины, нет в их традиции лулава и этрога, они не празднуют Хануку, у них свой календарь, поэтому даты их праздников не совпадают с традиционными.

По мнению караимов, деятельность Анана – это последовательная борьба еврейского сопротивления ересям, навязанным раввинистами, которая по их мнению, начинается в эпоху Первого храма, когда Иеровам Бен Нэват, отрицательный библейский персонаж, навязал евреям Устную Тору – основу Талмуда.

Эпоха расцвета караимов наступила в X–XI веках, когда их учение получило распространение среди евреев Персии, Вавилонии, Палестины, Египта, Испании, Византии и других регионах. В этот период численность караимов достигает до четверти от всего еврейского народа. Последующее сокращение численности караимов связано с постепенным возвращением караимов в лоно раввинистского иудаизма. На протяжении всего средневековья раввинисты относились к караимам так же, как ныне харедим относятся к светским секулярным евреям – мерзким грешникам, но, безусловно, братьям.

В эпоху раннего средневековья караимские ученые вносят в общую еврейскую культуру никак не меньше, если не больше, чем раввинисты. Переход из караизма в раввинизм и наоборот в эту эпоху был свободным.

Браки между двумя представителями этих групп были обычным явлением, чего нельзя сказать о последующих столетиях. Караимы, живущие

в России, Крыму и Литве, всегда считали себя потомками хазар. Иудеи играли в Хазарии существенную, ключевую и ведущую роль. Заключение брака с еврейской девушкой считалось для представителей другой не еврейской этнической группы большим почетом. К концу VIII века смешанные хазаро-еврейские браки стали обыденным явлением. Но общественное положение детей, рожденных в таких браках, зависело от того, кто мать, а кто отец, поскольку принадлежность к еврейской общине определялось по матери.

Получалось, что сын хазарина и еврейки имел все права отца и все возможности матери, а сын еврея и хазарки был совсем чужой, он не имел права на наследование доли отца в родовом имуществе, не мог обучаться Талмуду. Этим беднягам не было места в жизни. Поэтому они ютились на окраине Хазарии – в Крыму. Есть версия, что именно их потомки составили крошечный этнос крымских караимов, антропологический тип которых совмещает тюркский и ближневосточный типы. Однако есть и еврей-караимы, которые считают себя неотъемлемой частью народа Израиля.

В восточной Европе все караимские общины происходят из Крыма. Есть караимы-тюрки, караимы-евреи, караимы-русские, караимы-греки, караимы-арабы, караимы-абиссинцы (халаши), до революции в России были караимы-казаки.

Как считают сами караимы, караимская религия – одно из наиболее демократичных и свободолобивых учений, облегчающих жизнь людей, развивающих свойства личности и высокоморальные критерии поведения.

В конце XIV века литовский князь Витаутас увел в плен часть населения крымского ханства, в частности почти три сотни караимских семей. Так появились караимы в Тракай и Паневежисе. Караимская община Галига возникла в эпоху польско-турецких войн, когда Галиция и Волынь были частью Османской империи. Из Галига караимы распространились в Краков, Вену, Данциг,

Гамбург, но самая крупная община тюркоязычных караимов восточной Европы оставалась в Крыму. В 1534 году в Чуфут-Кале – «Еврейской крепости», где к этому моменту основное население составляли караимы, создается первая на территории бывшего СССР типография, где вплоть до 1924 года печатались еврейские книги ивритским шрифтом.

Упадок караимских общин на Украине связан с уничтожением караимов вместе с евреями украинскими повстанцами Хмельницкого. После этого многие караимы возвратились в Крым.

Правовое положение караимов в России, начиная с 1795 года, сложилось благополучно. Екатерина освободила караимов, в отличие от евреев, от двойной подати, разрешила владеть недвижимостью и распорядилась «об оказании им других выгод и облегчений». Царское законодательство уравнило караимов в правах с коренным населением и даже дало им некоторые преимущества: это освобождение от рекрутских наборов и от денежной подати взамен натуральной воинской повинности. Возможно, поэтому российские караимы стремились отделиться от еврейского народа, чего нельзя сказать о караимах Ирака и Египта.

Существует весьма правдоподобная, но ещё недостаточно разработанная историческая версия о том, что родители матери Петра I происходили из Крыма, из караимской знати, чем определялось очень хорошее отношение императорской фамилии к караимам.

Самым выдающимся караимским ученым был раввин Авраам Фиркович (1786–1874), который до конца своих дней жил в Чуфут-Кале. Он собрал и систематизировал уникальную коллекцию еврейских рукописей, написанных на разных языках, но в основном на иврите. Фиркович собрал 16 тысяч полных текстов и фрагментов, период составления которых охватывает интервал с 10 по 18 века, а география их происхождения простирается от Литвы до Индии. Его коллекция состояла из различных видов еврейских документов и представляла объем, который умещался на 13 подводках. Все эти материалы были переданы в библиотеку им. Щедрина в Санкт-Петербурге.

Авраам Фиркович искал истоки караимства и конечно же он был уверен, что нужно искать в тех местах, где зарождалось Хазарское царство. Это Дагестан, где и поныне живет немало евреев.

По сообщению некоторых путешественников, евреи Кавказа только после присоединения этого края к России, под влиянием евреев-ашкенази, стали изучать Талмуд. Это и навело Фирковича на мысль, что евреи Кавказа когда-то были караимами. В 1840 году караимский раввин посетил Кавказ. В этот период шла война. Шамиль и его мюриды нападали на русских и на аулы, покорившиеся власти России. В ответ Российская империя силой и оружием старалась покорить свободных обитателей Кавказа. Фиркович передвигался только с попутчиками и с вооруженным конвоем. Ему стало известно, что Шамиль повелел насильственно обращать в ислам пойманных иудеев, а несогласных приказано было убивать, так же стало известно, что безжалостно уничтожались старинные еврейские книги и рукописи.

28 августа 1840 года Авраам Фиркович встретился с дербентским раввином Ильягу Мизрахи и купил у него очень древний свиток Торы. Свиток был написан в 985 году н. э. в г. Шемахе. Так же ему стало известно, что в синагоге еврейского селения Маджалис имеется древняя рукопись на коже, замурованная в стене из необожженного кирпича. Фиркович посетил аул и встретился с раввином Ханукой Бен Хаимом. Свиток был извлечен из стены. Он представлял собой свиток пергамента 57x15.5 см. Автором текста был Иошуа Бен Элия, который переписал в 1513 году колофон древней рукописи, сделанной Авраамом

Керченским. Из содержания свитков Фиркович сделал вывод, что евреи жили под покровительством иудейских хазар в тот период, когда киевский князь Владимир затеял так называемое «испытание вер». Об этом и говорит русская летопись «Повесть временных лет».

На двух древних свитках были приписки, в которых говорилось о связи евреев Кавказа с иудеями Крыма и якобы переселение из Крыма караимов, которые и явились ядром сегодняшних кавказских евреев.

Сведения о рукописях, найденных Фирковичем, публиковались в научных журналах Европы и наделали много шума среди историков, лингвистов и антропологов того времени. Но вскоре было доказано, что приписки – это нечто иное, как подделки, сделанные современными чернилами и рукой самого Фирковича.

Согласно выводам, сделанным Яковом Ицхаки, Авраамом Гаркави и другими учеными было опровергнуто мнение Фирковича о принадлежности евреев-горцев к караимам. Хотя, было несколько семей караимов поселившихся в Дагестане, но это не означало, что все общины Кавказа являются караимами.

Несколько слов о языке караимов. Караимский язык один из тюрских языков кыпчакской группы. Близок к половецкому, карачаево-балкарскому, кумыкскому и крымско-татарскому языкам, и гагаузскому языку – существуют предположения, что все эти языки берут начало от древнего языка хазар. Язык имеет три диалекта: 1. крымский; 2. тракайский (северный); 3. галигский (южный).

О маленьком, но очень интересном народе – караимах написано много, однако и по сей день по многим вопросам учёные так и не пришли к единому выводу. Караимы – кто они? Этот вопрос в 1941 году очень интересовал власти нацистской Германии. В 1941 г. Расовое бюро Министерства внутренних дел Германии подняло вопрос о расовой принадлежности восточноевропейских караимов. Соответствующие инстанции обратились к трем видным еврейским ученым и религиозным авторитетам З. Калмановичу (умер в 1943 г. в концлагере в Литве), М. Балабану (погиб в 1942 г. в Варшавском гетто) и И. Шиперу (погиб в 1943 в Майданеке) с запросом о происхождении караимов. Все трое независимо друг от друга, чтобы спасти крымско-литовских караимов, дали заключение о том, что они не принадлежат к еврейству ни в расовом, ни в религиозном отношении.

Караимы подарили миру немало выдающихся личностей. Известно, например, что видные военачальники маршал Родион Яковлевич Малиновский, бывший министр обороны, Герой Советского Союза, командующий Северо-Кавказским военным округом, генерал армии Владимир Яковлевич Колпакин так же имели караимские корни.

Известен ещё один интересный факт: после революции в Париже существовала довольно большая община эмигрантов – русских караимов. А возглавлял её бывший председатель Временного правительства Керенский.

В Израиле сегодня в городах Ашдод, Офаким, Рамле, Холон проживают чуть более 20 тысяч караимов. Все они признаны евреями.

МАТАЕВ Иосиф

Выпускник ГИТИСа, Народный артист России, Народный артист республики Дагестан, Лауреат Государственной премии им. Гамзата Цадасы.

Родился в Махачкале в 1940 году. Заниматься народными танцами начал в раннем детстве. С 1955 года танцевал на профессиональной сцене. Был солистом балета, а затем ассистентом балетмейстера Государственного академического ансамбля танца Дагестана «Лезгинка». С 1982 года – художественный руководитель и главный балетмейстер «Лезгинки». В 1994 году репатрировался в Израиль.

Автор книги «Лезгинка». Годы, прожитые вместе», вышедшей в свет к 40-летию ансамбля, и ряда публицистических статей.

МАЭСТРО ТАНХО

Если зажигательный темпераментный танец лезгинка неразрывно связан с Дагестаном, по праву считающимся родиной лезгинки, то Государственный академический ансамбль танца Дагестана «Лезгинка» ассоциируется у нас с именем его основателя, большого знатока народной хореографии Танхо Селимовича Израилова.

Это была незаурядная личность. Впрочем, незаурядной была и вся его жизнь. Дарный от Бога талант, плюс сильная воля и большие организаторские способности сделали свое дело. Стечение нескольких обстоятельств в одно большое русло, направляемое Ее Величеством Судьбой, и привело к рождению прославленного, завоевавшего всемирную известность ансамбля «Лезгинка». Но об этом позже, а сейчас небольшой экскурс в историю.

Танхо Израилов родился 22 декабря 1917 года в семье кожевника Селима из г. Куба. В начале ноября Селим со своей беременной женой Хаэтчим поехал за сырьем овечьих шкур к своему старому другу и кунаку Джабраилу в высокогорный дагестанский аул Цовкра. Но отправиться в обратный путь домой ему пришлось нескоро: выпал большой снег, и метель замела все дороги. Так и суждено было маленькому Танхо родиться в ауле Цовкра. Когда растаял снег, и погода прояснилась, родители Танхо с ребенком на руках вернулись домой в Кубу.

Когда мальчику исполнилось 12 лет, вся семья переехала жить в Баку, но детские впечатления о танцах на свадьбах, рождениях, на годекане, по-видимому, отложились в его памяти на всю жизнь. Мать Хаэтчим любила играть на гармонии народные танцевальные мелодии, и Танхо с радостью под них танцевал. Отец Селим не возражал, но особенно и не одобрял увлечение сына, считая, что ничего путного

из этого не получится. Но тяга к танцам у юного Танхо с каждым днем все нарастала.

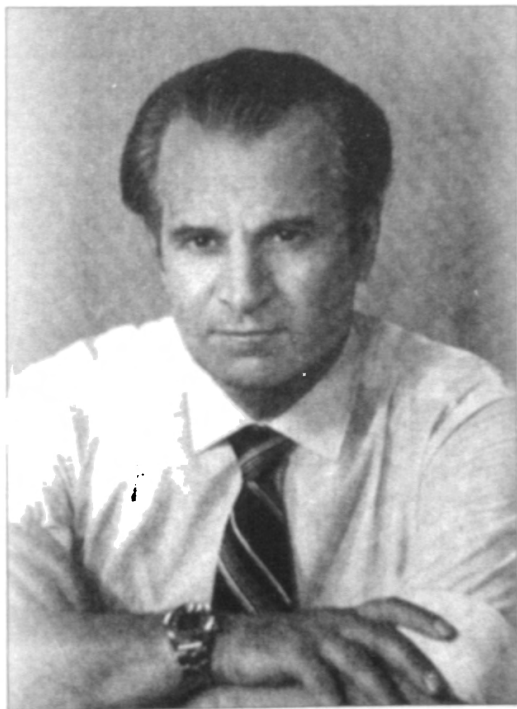
Когда Танхо подросток, он стал выступать в качестве танцора в татском народном театре Баку, которым руководил его старший брат Севгиль. Вместе с этим коллективом восемнадцатилетний Танхо Израйлов и попал на Всесоюзную Олимпиаду самодеятельного художественного творчества в Москве. Самобытного горца, юношу-танцора заметил Игорь Александрович Моисеев, являвшийся председателем жюри. Он сумел убедить родителей отпустить Танхо на работу в только-только созданный Моисеевым ансамбль танцев народов СССР.

В течение нескольких лет Танхо жил в семье Моисеева на правах приемного сына.

Постепенно его роль в ансамбле Моисеева возрастала. Он все чаще и чаще ассистировал ему в постановке танцев. Большая практика, тяга к знаниям и уроки, которые перенимал Танхо у великого мэтра хореографии Моисеева, позволили ему осуществить ряд хореографических постановок в ансамбле: «Гайтаги», дагестанская лезгинка «Три друга», осетинский танец «Симд». Кстати, дагестанская лезгинка «Три друга» стала лауреатом и получила золотую медаль на Всемирном фестивале в Праге, а исполнителями были братья Танхо, Махай и Илья Израйловы.

Мать И. А. Моисеева относилась к Танхо действительно как к сыну, она настояла на том, чтобы он окончил вечернюю школу, и благодаря ее помощи он был принят сразу на второй курс хореографического факультета ГИТИСа. Годы учебы в ГИТИСе еще больше подстегнули Танхо к самостоятельному творчеству. Пришло время, и он понял, что вырос из подмастерья в мастера. Проработав 18 лет ассистентом Игоря Моисеева, Танхо покинул родной коллектив.

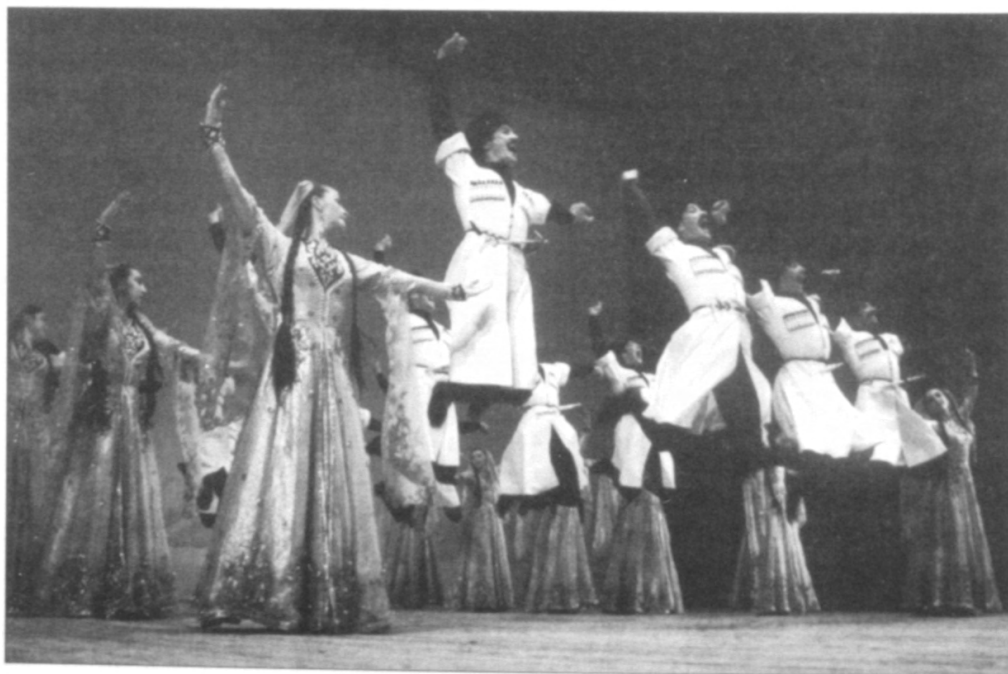
По завершению учебы в ГИТИСе, Танхо был приглашен в ансамбль народного танца Молдавии «Жок» на должность художественного руководителя и главного балетмейстера. Через некоторое время последовало приглашение возглавить Туркменский ансамбль народного танца. А на дворе уже пахло переменами, впереди была хрущевская оттепель. По всей стране назрела острая необходимость в создании профессиональ-

ных ансамблей народного танца. Необходимость в создании такого коллектива, конечно же, ощущалась и в Дагестане, где у него всенепременно появилась бы многотысячная благодарная зрительская аудитория. Тогдашнее руководство Дагестана усиленно занялось поиском человека, который смог бы взять на себя тяжелый труд по созданию ансамбля, человека, сочетающего в себе таланты хореографа, педагога и хорошего организатора.

Тот, кто ищет, он, как известно, находит, и в 1957 году судьба свела дагестанцев с Танхо Израйловым. Было это в Москве, куда после только что отшумевшего Всемирного фестиваля молодежи и студентов приехал на гастроль Государственный ансамбль танца Туркмении, которым руководил Танхо. В Москве в это время проходила очередная партийная конференция, и прибывший на нее тогдашний министр культуры Дагестана Зумруд Губаханова решила побывать на концерте коллектива из Туркмении. Чем больше она вслушивалась в музыку и всматривалась в движения танцоров, тем больше убеждалась в том, что во многих исполняемых номерах четко прослеживаются мотивы дагестанского фольклора. Посовещавшись с первым секретарем Дагестанского обкома партии А. Данияловым и председателем Совета министров республики М. С. Умахановым, она пришла к единому с ними мнению: Танхо Израйлов был именно тем человеком, который нужен для создания нового профессионального ансамбля танца Дагестана.

– Вы – дагестанец, – сказали они ему во время конфиденциальной встречи. – Вы хорошо знаете наш фольклор, влюблены в него. Это видно по тому, что Вы делаете. Так неужели Вам не хочется еще раз попробовать, начать с нуля и создать первый (Первый!) ансамбль народного танца Дагестана?!

Танхо Израилов принял это предложение и в сентябре 1958 года приехал в Дагестан, по сути, вернулся в родные края. К тому времени он был уже мастером, профессионалом с огромным практическим опытом, которые приобрел за два десятилетия творческой и педагогической деятельности. Да и житейской, чисто практической, мудрости ему было не занимать.

О становлении ансамбля «Лезгинка», о ее первых шагах, о праздниках и буднях этого легендарного коллектива, о его взлетах и падениях, я очень подробно пишу в своей книге «Лезгинка». Годы, прожитые вместе».

После премьеры, состоявшейся в Махачкале и прошедшей с ошеломляющим успехом, началось триумфальное шествие ансамбля по городам Советского Союза и зарубежным странам на всех континентах мира.

Успех окрылял и давал возможности для дальнейшего творческого развития коллектива. Но у медали есть две стороны. И иногда чужой успех, чужие достижения, завоеванные в результате многолетнего упорного труда, вызывают злобу, зависть, жгучую ненависть, не дающую спокойно жить. Исключением не стал и Танхо. Вокруг него плелись интриги, распускались грязные сплетни, что в итоге сильно подорвало его здоровье.

С уходом Танхо закончилась целая эпоха в истории хореографического искусства Дагестана, эта потеря была поистине невозполнимой. Именно так я и по сей день воспринимаю его смерть. Да, он был баловнем судьбы, этот кавказец – красивый и талантливый человек, жизнелюб и выдающийся знаток хореографии. Танхо умер молодым – по горским меркам, в золотом возрасте, когда ему было всего шестьдесят один...

Танхо Израилов ушел из жизни глубоко обиженным, громко хлопнув дверью. Но память о нём жива и сегодня. Танхо был выдающимся талантом, с этим не мог поспорить никто. Могу это засвидетельствовать и как его ученик, и как соратник, и как продолжатель его дела. Считаю, что мне просто крупно повезло в жизни, что я был рядом с ним, мог у него учиться. И поверьте, было чему.

Его любимое детище – «Лезгинка» и сегодня продолжает свое победное шествие по городам и странам. Пришло новое поколение танцоров и балетмейстеров, но и они помнят и преклоняются перед памятью своего первого учителя, открывшего им волшебный мир искусства танца. И верю я, что совсем недалек тот день, когда ансамбль «Лезгинка» по праву станет носить имя своего основателя и первого художественного руководителя Танхо Израилова.

МИХАЙЛОВ
Эмиль

Читатели уже имели возможность познакомиться с творчеством Михайлова Эмиля в разделе «Поэзия на русском языке».

ОТ ГОРЫ СИОНСКОЙ К ГОРАМ КАВКАЗСКИМ

Продолжение.

Начало в альманахе «Мирвори» № 3

Заклучив союз с Вавилонией и разгромив Ассирийскую державу, мидийский царь Киаксар присоединяет к своей сфере обширные территории, некогда находившиеся под суверенитетом Ассирии. Населяющие эти территории народы и племена становятся вассалами Мидии. Зависимой от Мидии становится и ее южная соседка Персия.

После смерти мидийского царя Киаксара и восхождением на престол его сына Астиага (584–550 гг. до н. э.) былая слава Мидии затихает, и окрепшая за это время Персия начинает угрожать не только Мидийской державе, но и могущественному Вавилону. Персидский полководец Кир (в еврейской истории Мелех Кореш) в 550 году до н. э. захватывает столицу Мидии – Экбатану (Хамадан) и становится царем Мидоперсидской державы. Таким образом, было заложено начало династии Ахеменидов. Не останавливаясь на достигнутом, царь Кир захватывает Малую Азию, Сирию и направляет свои войска в сторону Вавилона. Царь Вавилонии Набонд и его полководец Валтасар не могут остановить сокрушительное наступление персиян.

После захвата Вавилона, мидоперсидский царь, видя в евреях своих союзников, участвовавших в его военных походах (Пол Джонсон «Популярная история евреев», стр. 113, Москва, 2001 г.), решает в знак благодарности вернуть их на потерянную родину. Еврейское население Мидоперсии, а особенно подвластной ей Вавилонии с радостью воспринимают это известие.

В 536 году д. н. эры многотысячная колонна, насчитывающая более 42 360 иудеев и с ними еще 7337 рабов и рабынь (Книга «Эзра», гл. II) направляется в сторону Иерусалима. Возглавляет переселенцев иудейский князь Зарбавель

(Зар бе-Бавель, что означает в переводе с иврита «чужой в Вавилонии»), а также Иешуа – внук последнего иудейского первосвященника.

Царь Кир предоставляет переселенцам все сокровища, изъятые вавилонянами из Иерусалимского храма. Помогают переселенцам и евреи Мидоперсии, ибо, несмотря на восторженные отзывы и чувство благодарности царю Киру за проявленную чуткость к чаяниям еврейского народа, все же не все евреи изъявляют желание покинуть насиженные места, чтобы двинуться в пустынную Иудею. Сама атмосфера веротерпимости, царящая во владениях царя Кира, убеждает евреев осесть в этих местах. Во всех владениях Мидоперсии евреям предоставляются равные права с другими обитателями этих провинций. Кроме того, и Иудея становится протекторатом Мидоперсии.

Получив высочайшее одобрение, евреи Мидоперсии и Вавилона строят синагоги и школы, занимаются ремеслом и земледелием, а их дети служат наравне с другими в дружинах царя Кира. В Мидоперсии сосредотачиваются и живут бок о бок и пленники Израильского царства и пленники Иудеи. Многие из них поселяются и в южных областях Мидоперсии: в Паре, Аристане, Кармане, Орастане и в других регионах, включая Афганистан. Если в Вавилоне преобладают пленники из Иудеи, выселенными оттуда Навуходоносором, то в Мидоперсии проживает большинство бывших жителей Израильского царства, т. е. те, которые были заброшены сюда по воле грозного ассирийского царя Салманнаса (Х. Мизрахи «История евреев Персии», Иерусалим, 1966 г.).

Хотя и персы, и мидяне говорили на одном и том же языке – языке фарси, все же государственным и торговым языком в Мидоперсидской империи служил арамейский язык.

В 529 году до н. э. недалеко от берегов Каспийского моря, преследуя воинственных кочевников, которые совершали опустошительные набеги на приграничные поселения Мидоперсии, погибает царь Кир.

Следующим царем Мидоперсидской державы становится сын царя Кира – Камбиз. Сразу со вступлением на престол царь Камбиз начинает военный поход в Африку. Еврейская молодежь наравне с другими подданными Мидоперсидской империи призывается под флаг нового царя и направляется на завоевание Африки.

Такую же политику экспансии против ближних и дальних стран проводит и приемник Камбиза – Дарий I.

Но, несмотря на постоянные военные операции, проводимые династией Ахеменидов, внутри империи царят покой и благополучие. За все время правления Ахеменидов их отношение к евреям было положительным, и евреи никогда не были ущемлены в правах. Лишь только один раз, во время правления Ксеркса (в еврейской истории Мелех Ахашверош), над евреями назревала угроза геноцида. Мидоперсидские аристократы, видя в евреях конкурентов, ибо евреи начинали занимать ключевые посты в верховной иерархии страны, вынудили царя путем интриг и обмана принять против евреев карательные меры. Но благодаря разумным действиям еврейской верхушки царь отменяет намеченные репрессии. Помимо этого, сами аристократы, виновники клеветы против евреев, попадают к царю в немилость (книга «Эсфирь», гл.9).

За время правления Ахеменидов происходят еще два миграционных потока в Иудею. Первый поток еврейский иммигрантов возглавляет еврейский духовный лидер Эзра Бен Сария (458 г. до н. э.), вторым же потоком в Иудею руководит Нахамия (445 г. до н. э.) – еврейский политический лидер.

То хорошее отношение, которое проявляла к евреям власть Ахеменидов, привело к тому, что многие евреи, беспрепятственно продвигаясь по Мидо-персидской империи, проникали так же в граничащие с Мидоперсией государства и княжества.

Таким образом очень много евреев попадают в соседнюю с Мидоперсией Армению.

Армения, некогда протекторат Вавилонии, теперь же всецело находилась под властью мидоперсией (М. Бойс «Зороастрийцы», стр. 101, Санкт-Петербург, 1994 г.), и поэтому не могла никоим образом воспрепятствовать еврейскому поселенческому движению.

В IV веке до н. э. из-за непрекращающихся внутренних неурядиц и столкновений разных этнических групп, власть династии Ахеменидов сильно ослабевает. Пользуясь несостоятельностью верховной власти Ахеменидов, владыка греко-македонцев Александр Македонский в течении двух с половиной лет (332 г. до н. э.) завоевывает Мидоперсию, приводя тем самым к концу эпоху правления Ахеменидской династии.

Попадая под суверенитет греко-македонцев, евреи нисколько не ущемляются в правах. За ними сохраняются все привилегии, данные им Ахеменидами.

После смерти Александра Македонского империя, созданная им, разделяется между его генералами. Западная часть империи переходит к Птоломею, а восточная к Селевку. Селевк строит в Сирии новый город Антиохия и делает ее своей столицей.

Впоследствии северо-западная часть Мидии переходит в управление перса Антропата (М. Бойс «Зороастрийцы», стр. 97, Санкт-Петербург, 1994 г.) и его именем начинает называться вся эта территория (Антропатена – впоследствии южная территория Азербайджана).

Соседняя Армения под властью селевкидов делится на несколько княжеств. Евреи во время правления селевкидов чувствуют себя более ущемленными в правах, нежели во времена царствования Александра Македонского.

Апогей отношений между евреями и селевкидами (греко-сирийцами) происходит позже, во время восстания хасмонеев в Иудее (164 г. до н. э.). Восстание хасмонеев освобождает Иудею от насилия греко-сирийцев. В отместку за поражения греко-сирийцев в Иудее, селевкиды начинают всячески притеснять евреев в завоеванных ими странах (Х.Мизрахи «История евреев Персии», стр. 29, Иерусалим, 1966 г.).

Особую благосклонность впоследствии к евреям проявляют парфяне. Эти кочевые воинственные племена из Центральной Азии в 242 г. до н. э., вытеснив селевкидов, преемников Александра Македонского с большинства захваченных территорий, становятся властелинами Мидоперсии, Вавилона и Транскавказья.

В эту эпоху евреи пользуются не только равноправием с другим покоренным населением. В отличие от других они пользуются многим привилегиями. Евреям предоставляется право самостоятельно решать свои внутренние, общинные задачи. Для этой цели избирается даже правительство в диаспоре с председателем во главе (Рош Гола), заседающим в Вавилонии.

Под эгидой парфян евреями создается ряд государственных образований. Одним из таких государств – Еврейское государство со столицей Неардия. («Общая энциклопедия», Тель-Авив, 1978 г.) было создано двумя братьями: Ханилаи и Хасинаи.

Пользуясь неограниченными правами, евреи богатеют, и многие, оставляя занятие сельским хозяйством (Раймонд П. Шейдлин «Летопись еврейского народа», Москва, 1997 г.), переходят к новому занятию – торговле.

Более четырех веков евреи живут в Вавилонии, Мидии и Персии под покровительством парфян в атмосфере веротерпимости с их стороны. Евреи Мидии, окруженные персоязычными племенами и народами, постепенно под влиянием их языков создают свой язык, знакомый нам впоследствии как язык горских евреев – джуури (сочетание древнеперсидских, древнееврейских и арамейских языков).

В 226 году н. э., вследствие непрерывной войны за власть между противоборствующими группировками, империя парфян распадается, и на арену верховной власти выдвигается персидская династия Сасанидов, которая разбив парфян, захватывает власть в империи.

Время правления Сасанидов рассматривается как эпоха золотых веков. Положение евреев не меняется. Они живут так же обособленно, не смешиваясь с окружающими их племенами и народами, строго соблюдая свод еврейских правил и законов.

С приходом к власти Шапура I (241–272 гг.) государственным языком в империи становится персидский язык. При Шапуре II (309–379 гг.) начинается многолетняя война между Мидоперсией и Римом за обладание Арменией.

Война между Римом и Мидоперсией заканчивается делением Армении (387 г.) между этими двумя империями. В Армении до прихода Сасанидов властвовала ветвь династии Аршакидов.

Во время правления Иездигерта I (399–420 гг.) положение евреев оставалось по-прежнему нормальным, но в середине V века с приходом к власти Иездигерта II (451 г.) ситуация в сасанидской империи начинает ухудшаться. Евреям запрещают праздновать субботу, зажигать свечи, так как персы были огнепоклонниками, и огонь для них был свят. Иездигерт II проводит политику насильственной ассимиляции. Он требует от всех покоренных племен и народов своей империи принять государственную религию персов – огнепоклонничество (зороастризм). Не соглашаясь изменить вере своих отцов, евреи вынуждены оставить насиженные места. Они направляются в сторону Кавказа.

Подвластные Мидоперсии соседние страны Транскавказья, принявшие еще в IV веке христианство, такие как Картли (Грузия), кавказская Албания (государство между рекой Курой в нынешнем Азербайджане и городом Дербентом в Дагестане), а так же Армения поднимают знамя восстания против Сасани-

дов. Возглавляет восставших Вардан Мамикоян.

В мае 451 г. в столкновении с мидоперсами (иранцами) в Аварайской долине, вошедшем в историю как Аварайская битва, восстание терпит сокрушительное поражение («Всемирная история», Том 3, Москва, 1957 г.).

Одержав победу над восставшими, Иездигерт II, все же боясь новых столкновений в покоренных странах, отказывается от мысли введения зороастризма в вассальных государствах. Но это решение отнюдь не касалось евреев. Евреи продолжают преследоваться за веру. Во время правления преемника Иездигерта II Пероза (474–484 гг.), положение евреев еще более ухудшается. Детей отбирают у родителей и отдают жрецам огня, закрываются еврейские школы и училища, упраздняется еврейское судопроизводство. Издаются законы о немедленном переходе евреев в религию персиян. Ища убежища от преследований, евреи попадают в соседнюю Армению.

Еще в эпоху вавилонских завоеваний, задолго до принятия армянами христианства, евреи этой страны, попавшие в Армению, как пленники вавилонских завоевателей (Армения считалась в то время частью Вавилонской империи), начали подвергаться гонениям и нажиму со стороны армян. Последние требовали от евреев признания их религии – идолопоклонства («Сборник сведений о кавказский горцах», Книга I, Тифлис, 1912 г. Второе издание.).

Особенному нажиму подвергались аристократические слои еврейской общины, в том числе члены семьи Багратуни, которым надлежало впоследствии сыграть важную роль в истории Транскавказья.

Принятие династией Аршакидов в начале IV века от византийцев (восточный Рим) христианской религии еще больше осложнило положение евреев. Они снова начали преследоваться за веру. Особенно ярко эта тенденция проявилась в середине-конце V века, когда у власти в Иране стояли монархи Йездигерт II и Пероз. Как сказано выше, эти цари требовали от евреев принятия их веры – огнепоклонства.

Не желая изменить своей вере, евреи вынуждены были искать убежища в соседних странах.

Попав в Армению, где уже до этого существовала большая еврейская община, евреи оказались между двух огней. Иранцы требовали от них перехода в зороастризм, а армяне в христианство. И некоторые еврейские семьи, лишены средств к существованию и измученные вечными гонениями, вынуждены были переходить в христианство («Сборник сведений о кавказских горцах», Книга I, Тифлис, 1912 г. Второе издание).

Основная же масса евреев наперекор всем лишениям и невзгодам, не соглашалась изменить вере Авраама, Исаака и Иакова. Они переходили границу Армении и шли в соседнюю Антропатену (южный Азербайджан). В Антропатене, входящей в состав Ирана, при преемнике Пероза, царе Каваде, царствовала терпимость, и евреи надеялись найти здесь покой от вечных гонений и преследований.

Продолжение следует.

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ
НА АЗЕРБАЙД-
ЖАНСКОМ
ЯЗЫКЕ**

ЗАХАРЯЕВ

Рашбиль

20.07.1939 – 16.05.1978

Прожил очень короткую, но яркую жизнь. Окончил факультет журналистики Бакинского госуниверситета и стал первым среди уроженцев Красной Слободы г. Куба дипломированным журналистом, членом Союза журналистов СССР и Азербайджана. С 1966 года работал в одной из старейших районных газет Азербайджана «Шафаг». Его яркие, глубокие, аналитические, а порой и весьма критические статьи публиковались также в газете «Бакинский рабочий», «Совет клиди» и других.

Его уже 30 лет нет с нами, но семья свято хранит память о нём. В 2004 году детьми Рашбиля Захаряева была выпущена в свет книга «Воспоминания о журналисте», в которой родные, друзья и коллеги рассказывают о нём, как о прекрасном человеке, талантливом журналисте и поэте.

Рашбиль писал свои стихи на азербайджанском языке. Писал о родной Кубе, о прекрасной природе Кавказа и о стране своей мечты – Израиле, в которой ему так и не удалось побывать.

Дунјам

Һәјаты севсә дә эзәлдән инсан,
Мин дастан десә дә көзәлдән инсан,
Гамышдан шән түтәк дүзәлдән инсан,
Инсанлыг һимнини чалан дунјадыр.

Бәзән сакитләшән, бәзән курлајан,
Бәзән саһманлајан, бәзән корлајан,
Һансы бахышдаса пар-пар парлајан,
Һансы бахышдаса солан дунјадыр.

Инсанын јахшы-пис нијјәтини дә,
Һардаса хиласкар шәфгәтини дә,
Һардаса гәсбкар нифрәтини дә,
Дујуб хәјаллара далан дунјадыр!

О надир тамаша, баш мәнзәрәдир,
Мејли нә атәшә, нә сәнкәрәдир...
Һүснү өзү бојда бир пәнчәрәдир,
Бахыб кедән инсан, галан дунјадыр.

Инсан нә асылы, нә борчлу галмаз,
Фәгәт ким дејир, лүтфкар олмаз?
Көндәрдији пајы керијә алмаз,
Вердији төһфәни алан дунјадыр.

Сән олмајанда

Јоллара һәсрәтлә бахырам һәр ан,
Беләчә ил кечиб, өтүшүр заман.
Гәлбим аловланыр, алышыр јаман,
Сүзкүн бахышларың бил, олмајанда.

Беләчә күнләрә тач гојурам мән,
Сәнсиз олан күнү јас санырам мән.
Бил ки, ајрылығда шән олмарам мән,
Сән мәним өмрүмдә бил олмајанда.

Сәни мәндән ајры салсалар әјәр,
Башыма бу фәләк кәтирсә нәләр,
Өлүм һаглајарса өмрүмү әјәр,
Көзләрәм јолуну һәр вахт, һәмишә
Өлмәрәм, өлмәрәм сән олмајанда.

Ај Губа

Һүснүнә вургунам ушаг јашымдан,
Сәндә тапышмышам чан сирдашымнан.
Елә бил ајрылар руһум чанымдан,
Бир күн ајры дүшсәм сәндән ај Губа.

Улу бабаларын мәскәнисән сән,
Нәнәләр лајласы, нагылысан сән,
Мөһкәм галаларын учасысан сән,
Мәрд огуллар дијарысан ај Губа.

Мүдрик агсаггаллар учалыгындыр,
Агбирчәк нәнәләр өз вугарындыр.
Гыз-кәлинләр намус, гејрәт, арындыр,
Көрпәләрин сабаһымыз ај Губа.

Пајыз кәләндә башланыр тојлар,
Гоһум олур бир-биринә инсанлар.
Јахынлашыр, гоһумлашыр обалар,
Сән дә бој атырсан даим ај Губа.

Аг дашлардан имарәтләр учалыр,
Инсан оглу тәбиәтдән бач алыр.
Кими чаванлашыр, кими гочалыр,
Сән исә һәмишә чаван ај Губа.

Мән әсиријәм нәвазишләрин,
Сәнсә мәскәнисән көзәлликләрин.
Көнүлләрә бәзәкдир күл-чичәкләрин.
Чәһ-чәһ вурсун бүлбүлләрин ај Губа.

Әкәр кетсәм Исраилә

Әкәр кетсәм Исраилә,
Баш гојарам, диз чөкәрәм
торпагына, һәр дашына.
Гонуб бир гуш кими,
Сина дагын башына,
ана Вәтәни сүзәрәм.

Јерусәлим, Хајфаны,
кәзәрәм дәнә-дәнә,
Һејран оллам инсанларын
күлүшүнә, һүнәринә.

Кэздим шэн Губаны мэн гарыш-гарыш

Кэздим шэн Губаны мэн гарыш-гарыш,
Чыхдым Шаһ дагынын гар зирвэсинэ,
Гулаг асдым Хыналыгда, Јерфидэ,
Даг шэлалэлэринин чошгун сэсинэ.

Губа торпагында гызаранда дан,
Сэһэри Чичидэ, Гэчрэшдэ ачдым.
Су ичдим Гызбэнөвшэ булагындан,
Орда бир көзэли көрэндэ чашдым.

Кэздим шэн Губаны мэн гарыш-гарыш,
Һэр јердэ гаршыма чыхды дуз-чөрэк.
Мэни гонаг етди нечэ дост-таныш,
Севинчдэн көксүмэ сыгмады үрэк.

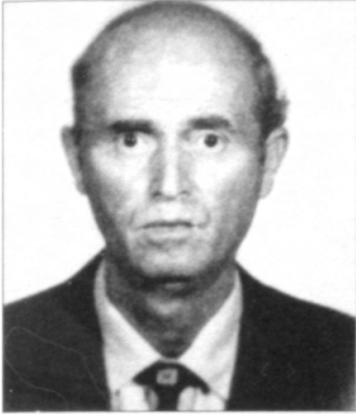
Гызылкүлүм

Гызылкүлүм ачыб гөнчэ,
Јарпаглары инчэ-инчэ,
Әтир јайыр һэр тэрэфэ,
Багчамызда меһ эсинчэ.

Вар багчада һэр рэнк чичэк,
Гызылкүлүм һамыдан көјчэк.
Күлүр багда сэһэр чагы,
Сөјләјир: - Кэл әтрими чэк.

Багда көрдүм һэр рэнкини,
Севдим күлүн гэшәнкини,
Әтриндэн алдым мэн күлүм,
Бу нэгмэмин аһәнкини.

ИСРАИЛОВ
Сабир Исраил
оглы

Родился в 1936 году в г. Шемаха. Окончил политехнический техникум, работал в автохозяйствах Шемахи и Баку. Его первые стихи были опубликованы в 1953 г. в районной газете «Ени Ширван». Затем его произведения регулярно публиковались в газетах «Ени Ширван», «Мубариз Кешинда» - «На боевом посту» (издание МВД Азербайджана), «Адабият ве Инджасанат» и в журнале «Гяярчин» - «Галубь». Много лет был членом литературного кружка, которым руководил поэт Фикир Садыг, Засл. работник культуры Азербайджана.

В 1995 году репатрировался с семьей в Израиль. Живет в г. Яне.

Шамахи

Ватан һаггында хатирэләрим!

Кечэ-күндүз доланарам башына.
Гурбан олум торпагына дашына.
Чан верэрэм бир дамла көз јашына.
Сән мәнимсән, вэтәнимсән Шамахи!
Сән тәнимдә үрәјимсән Шамахи!
Чичәк ачан чәмәнимсән Шамахи!

Тәмиз һаван үрәкләрә дәрмандыр.
Дағларында мәскән салан тәрландыр.
Шөрәтимдә вүгарымда Ширвандыр.
Сән мәнимсән, вэтәнимсән Шамахи!
Сән тәнимдә үрәјимсән Шамахи!
Чичәк ачан чәмәнимсән Шамахи!

1961 ил.

Шамахи ахшамлары

Баһар тахтына минди.
Тамашаја кәл инди...
Бәзәкли бир кәлинди
Шамахи ахшамлары!
Шамахи ахшамлары!

Булуд даға сүрүнүр.
Гарангушлар көрүнүр.
Јашыл түлә бүрүнүр.
Шамахи ахшамлары!
Шамахи ахшамлары!

Кечә јанар улдузлар.
Ширванда көзәл гызлар.
Гәлбим, сизинчин сызлар.
Шамахи ахшамлары!
Шамахи ахшамлары!

1973 ил.

Шамахи бир тамашадыр

Шамахида фэтир једим.
Фэтир дејил, этир једим.
Мэн дојмадым кэтир дедим.
Бар, бəһэрдли сағым-солум
Торпағына гурбан олум!

Сəһэр-сəһэр дадлы гајмаг,
Этирли бал, мəлһэм гујмаг.
Сач үстүндə јуха јајма,
Немэт долу сағым-солум.
Торпағына гурбан олум!

Гојун-гузу мəлэмəsi,
Гатыг, ајран, дəлэмəsi.
Һэм кəсмики, һэм сүзмəsi,
Алачагдыр, сағым-солум.
Торпағына гурбан олум!

Ичалатын говурмасы,
Хырманда дэн совурмасы.
Буғда, чəлтикгоурғасы,
Бэрəkəтдир, сағым-солум.
Торпағына гурбан олум!

Мотал шору, үзлү пендир,
Исти чөрək, исти тəндир.
Сучуг, һалва, гуру энчир,
Рузу долу, сағым-солум.
Торпағына гурбан олум!

Ширин эзил, балгабағы,
Көјəm, зоғал, бол сумағы.
Үзлү сүдү, неһрə јағы,
Үзүмлүкдүр сағым-солум.
Торпағына гурбан олум!

Көзэл кечир гышы, јајы,
Ич дојунча пүррэнк чајы.
Итирмәјәк һаггы-сајы,
Дост, танышдыр сағым-солум.
Торпағына гурбан олум!

Ағачлары баш-башадыр,
Чинарлары дүз гошадыр.
Шамаһы бир тамашадыр,
Көзәллиқдир сағым-солум.
Торпағына гурбан олум!

1980 ил.

Шаирләр Вәтәни

Вәтән мәним гибләкаһым вә андым.
Бу торпағын ширәсиндән јарандым.
Јатмыш идим, «Шур» сәсинә ојандым.
Нәғмәли Шамаһы, нәғмәли Дијар!

Ширванда башлајыр «Баһарын» јолу.
Јам-јашыл бәзәнир, һәм сағы, солу.
Бол рузу кәтирир, кисәси долу...
Рузулу Шамаһы, рузулу Дијар!

Дилә сафлыг, новаторлуг кәтирдин.
Бу торпагда мин-бир немәт битирдин.
Нечә алим, нечә шаир јетирдин.
Шаирләр Вәтәни, шеирли Дијар!

Пајтахты олмусан Азәрбајчанын.
Нәсими, Хагани шөһрәтин, шанын.
Пушкинин шериндә сәсләнир адын.
Шәһәрләр-шәһәри, эј улу Дијар!

2008 ил.

Баһар

Доғрудан көзэлдир баһар,
 Бу илки баһарын башга һүснү вар...
 Көј үзү көр нечә тәмиздир, тәмиз
 Көј үзү далғасыз сакит бир дәниз.
 Јамачлар јам-јашыл дона бүрүнүр,
 Баһарын мүждәси-гушлар көрүнүр.
 Ағачлар күл ачыр, күл гөнчәсини,
 Дујурам баһарын хош нәфәсини.
 Севирәм Вәтәнин баһарыны мән,
 Севирәм сәадат дијарыны мән.
 Дағлардан күл әтри сачылыр јенә
 Баһарын нәфәси долур гәлбимә.
 Севирәм баһары, сеvirәм достлар,
 Чүнки гәлбимиздә јүрд салмыш баһар!

1963 ил.

Мај кәлир

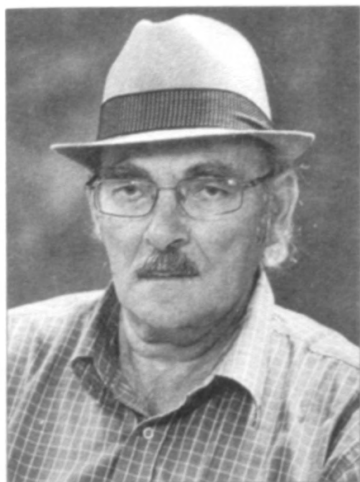
Һәр тәрәф кјл-чичәк, јашыл көј чәмән.
 Јенә хош әтрини сачыр јасәмән.
 Ал-әлван бәзәнмиш, севимли Вәтән...
 Чүнки баһар кәлир, чүнки мај кәлир
 Ајларын көзәли, көзәл ај кәлир!

Баһар! – Көзәл адын дүшүб дилләрә.
 Бүлбүл нәгмә гошур ачан күлләрә.
 Достлар гонаг кәлир бизим елләрә.
 Јенә баһар кәлир, јенә мај кәлир,
 Ајларын көзәли, көзәл ај кәлир!

Әзәлдән вургунам көзәл баһара,
 Јенә тој-бајрамдыр бахсан сән һара.
 Сабир: - Сөз гош сән дә бу сәнәткара.
 Ахы, баһар кәлир, ахы мај кәлир
 Ајларын көзәли, көзәл ај кәлир!

1960 ил.

ЯШАЕВ Даниэль

Родился в 1941г. в г. Куба (Азербайджан). В 1966 году окончил Азербайджанское Государственное художественное училище им. Азима Азим-заде. По профессии художник-оформитель.

Репатрировался в Израиль в 1980 году. Живёт в Тират а-Кармеле. Писать стихи начал только в Израиле.

В 2008 году вышла в свет его первая книга «Войкэ».

В настоящее время готовит к изданию еще одну книгу стихов и поэм на горско-еврейском и азербайджанском языках.

Көзэл эмәлләр

Һеч кими алмасын гара фикирләр,
 Һәлә күл ачмамыш әмәлләрим вар.
 Мәнә кар еләмәз мискин тәсирләр,
 Гәлбимдә јер тутмуш мәш әлләрим вар.
 Мәнә тәсир етмәз нә гар, нә јағыш,
 Үрәјимдә чошгун, кур селләрим вар.
 Мәним дә пәјума дүшәчәк алғыш,
 Һәлә чалынмамыш зәр телләрим вар.
 Инди вардыр мәним көзәл вәтәним,
 Күлләрә гәрг олмуш хош чөлләрим вар.
 Көнүлләри охшар бағым, чәмәним,
 Сејрә чыхан дилбәр көзәлләрим вар.
 Демәјин вәтәним исти бир дијар,
 Көзләри охшајан тәр сәрвләрим вар.
 Зәһмәтлә јаранмыш һәр бағча, һәр бағ,
 Гојнунда охујан бүлбүлләрим вар.
 Мәнә нәсиб олуб вәтәни көрмәк,
 Шәнинә шеирим, гәзәлләрим вар.
 Данил, ел олачаг вәтәнә дирәк,
 Мәни учалдачаг әр елләрим вар.

Гызым Тәһила

Анамын пак адын дашыјан гызым,
 Анама чәкмисән сарышын јазым.
 Сәнин дә көзләрин көјләр тәк мави,
 Һамынын көзүндә тәмиз, сәмави.
 Нәнән тәк адыны пак сахла һәр вахт,
 Көјдән армағандыр сизә гызыл тахт.
 Алчаглар өнүндә дүшмә тәшвишә,
 Ләкә вурмаг олмаз һеч вахт күнәшә.
 Еј ағыллы гызым, көзәлдир һәјат,
 Ағыллылар тапар һәр ишдә ничат.
 Бил гәдрини кәлән, һәр көзәл күнүн,
 Сәнә хор баханын һәјаты сөнсүн.
 Һәјат бағчасында солмаз чичәксән,
 Адын тәк евиндә учмаз дирәксән.
 Сән мәним јеканә гыз көјәрчиним,
 Севкимдәндир алдын адын шејримин.
 Адын чох көзәлдир, гызым Тәһила,
 Ики ад етмисән бала истила.

Бири «ешг олсун» дур, о бири «тәриф»,
 Танры өзү сәнә едибдир тәлиф.
 Вәтәни, халгыны севсән һәмишә
 Лајиг олачагсан һәр пәрәстишә.
 Анчаг сән бир ишдә чәкмә анама,
 Бизи тез тәрк едән тәмиз ајнама.
 һәр чүр насазлығы вур даша, гызым,
 һәјаты ахрадәк вур баша, гызым.

Дөнүк дөвран

*Көзәл журналист Рашбил бен Хагајын
 әзиз хатирәсинә*

Мәрд атанын, мәрд хәләфи,
 Сән олдун елләр шәрәфи.

Ким билмирди, чәтин иди,
 Тәһсил дәрди јаман бизә.
 Али мәктәб гапылары,
 Бағланмышды үзүмүзә.

О дөнмүшдү пулсузлара,
 Сәрт, гушгонмаз бир зирвәјә.
 Ганун-гајда салынмышды,
 Бир чыхылмаз чәрчивәјә.

Өз мүәллим шәрәфини,
 Ләкәләјән вичдансызлар.
 Пул дәрдинә дүшмүшдүләр,
 Сахтакарлар, амансызлар.

Бу һаллара синә кәрдин,
 Јерин тутду көнүл әһдин.
 Али мәктәб кәндарына,
 Ајаг басдын сән һүнәрлә.
 Журналистик дијарына,
 Лөвбәр салдын сән зәфәрлә.

О дијарын һәр күлүнү,
 Дәрдин мин бир һәсрәт илә.
 Чәләнк һөрүб гојдун баша,
 Дөндүн јурда сәрвәт илә.

Иш башына кэлэн кими,
Дамга вурдун һагсызлара.
О көзэл сөз сәнэтинлә,
Килид вурдун ағызлара.

Һәр јазанда диван тутдун,
Оғрулара, әјриләрә.
Нәсә ачиз галды ганун,
Ганунбилмәз «пәриләрә».

Һағлы идин сән еј Рашбил,
Һәр вуранда зәрбән ағыр.
Дөвран үзү дөнүк, чаһил,
Нә етмишләр һамы даныр.

Јыхды сәни заман әли,
Һәјатын күл ачан вахты.
Көзләр ахытды јаш сели,
Рәзилләрин күлдү бахты.

Тәјјарә мејданында

Вәтәнин тәјјарә мејданындајам,
Кәнчлик дијарына дүшүб сәфәрим.
Нәдәнсә билмирәм һәјачанлыјам,
Инчимәсин вәтән адлы дилбәрим.

Үрәјимдән дејил һеч дә бу сәфәр,
Севдији елиндән ајрылыр бу күн.
Санки бүрүмүшдүр ону гәм-кәдәр,
Ана гучағыны о тутур үстүн.

Дедим үрәјимә батма дәрд-гәмә,
Биз ки бу чәмәндән учуб кетмирик.
Билдим севкин сәнин бир дуру чешмә,
Бу мәскәндән тамам көчүб кетмирик.

Дејирәм еј үрәк ағлама белә,
О торпаг да бизә чох әзиз иди.
Көз јашын дөндәрмә ичимдә селә,
Ораја севкимиз чох тәмиз иди.

Билирэм бу торпаг сэнэ эзиздир,
Учдугумуз еллэр дежил бизэ яд.
Кэнчлик вэтэнимэ севким һэдсиздир,
Гојмурдулар чалаг орада ганад.

Еј үрэк севкинэ баш әјирэм мән,
Севирик вэтэни дүнјалар гэдәр.
Бир зейтун ағачы көлкәси һәрдән,
О яд чәмәнләрин мининэ дәјәр.

Ағ рәнкли бајрағым

Далғаланыр һәр ев үстдә бајрағым,
Санки ағ булудлар сүзүр һавада.
Одур дүшмәнләрә кәскин јарағым,
Вэтәндә эзиздир һәр бир өвлада.

Сәмалар тәк һәрдән мави рәнк алыр,
Булудлар ајрылыб көрүнән кими.
Санки гу гушлары ганадын чалыр,
Тәрпәндикчә севиндирир гәлбими.

Тәмизлик, көзәллик рәмзидир ағ рәнк,
Одур дағ башында ишылдајан гар.
Көј чәмәндә ганад чалан кәпәнәк,
Илләр көрмүш бәјаз сачлы пирвүгар.

Сүлһ гушу чәкилмиш вараға бәнзәр,
Ағ күлләр бәзәмиш јашыл бир чәмән.
Гаранлыг ичиндә чыраға бәнзәр,
Чыхмыш ағ күнләрә ихтијар вэтән.

Сүлһ гушлары кими һеј ганад чалыр,
Онда чилвәләниб сүлһүн нәфәси.
Ағ сачлы аналар хәјалә далыр,
Чар чәкир шаирин сүлһ дијән сәси.

Јахын шәргдә вар олачаг бајрағым,
Һәр гит әдә долашачаг бајрағым.
О рәмзидир сүлһүн, бүтүн дүнјада,
Дүнја варкән јашајачаг бајрағым.

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ
НА ГОРСКО-
ЕВРЕЙСКОМ
ЯЗЫКЕ**

АГАРУНОВ Антон

Антон (Азари) Гилтлович Агарунов родился 21 декабря 1934 года в Баку. По профессии инженер строитель гидротехнических сооружений. В 1990 году прибыл на постоянное местожительство в Израиль.

Первые свои стихи написал в 1995 году и уже в 2001 году вышла в свет его первая книга «Вэтан пәјилтмә» - «Родина моего детства», в 2002 году вышла вторая книга «Хори бәбә» - «Земля праотцов», в 2003 - «Әл дүл аморәниһо кофһо» - «Слова, исходящие из сердца», в 2004 - «70 сали мә» - «Мой 70-летие» и в 2006 - «Ә хотур мисвоһојтү» - «Благодаря твоим добрым делам».

Поэт пишет как на горско-еврейском, так и на азербайджанском языках. На стихи А. Агарунова написано более 50 песен. Он является автором текстов 4 компакт-дисков: «Ад кунун мубарәк» - «С Днем рождения» (2001), «Вэтан пәјилтмә» (2003), «Худојмә» - «Мой Б-г» (2004), «Ә хотур мисвоһојтү» (2006). Также он является автором многих переводов с азербайджанского на родной язык.

АШЫГ ГӘРИБ (Тәрчумә)

Ә виләјәт Тәбриз Мәммәд сәвдәкәр куфдирә
јә мәрд зүвүсдәнбу. Урә дү кук, јә духдәр бу.
Мәммәд сәхд ночог бирәбу, һорој зә зән хүшдәрә,
муку:

– Әдәм дирә, мә чәтин хуб имбошум, мәрә
әтү, дү вәсијјәти. Јәкүмүн, әри кукһојмә нәбу эз
һоширә кифләт, зән хоји, нә духдәрәш ә һошир
ә шүвәр мәди.

Мәммәд јә-дү руз нәсбирә һилом хүшдәрә
дәкиш сохдә мүрдәни.

Хәбәр әз ки дүм ишмурә, әз кәләји кук
Мәммәд Рәсул.

Јә-дү сал бу бәбәшү мүрдәбу. Рәсул јә шәв
ә-хов дирәни ки, у ә шәһәр Тифлиси ә гәд јә
боги. И бог күл-гүзүкүли, јә варанстә һәрүси,
әзини бог һалә ә һилом нә бири, ә гәд әни богиш
јә духдәр һисди, әз рачи офдоирә хуно әдәј то-
вуш дорә. Гошһојү гәләми, чумһојү сијә, винијү
һинд фундугирә хуноји. Духдәр, чу духдәр,
әгүл одомирә әз сәр әдәј бәрдә, холис јә мәләки.
Ә нәзникүјүш јә мәрд молохә хуно појисди.
И молох гул духдәрә күрдәни оморәни јовош-
јовош ә јон Рәсул, гул духдәрә ә гул Рәсул дорә
куфдирәни:

– И духдәр, духдәр ән Тифлиси. Хоча Сәнан
Шаһсәнәми. И духдәрә әтү әдәм гисмәт сохдә,
амбар никәшү ишму ән јәки имбошит.

Молох јә пәјләј шоробә пур сохдәни,
һәрдүшүрә дорәни, иһо шоробә хурдә, чарустә
винирәни молох нист. Рәсул хујкирә хуно эз хов
хәбәр бирә винирәни у әсәр говроһоји, омо әјонү
һич кәс нисди. Ә чун Рәсул тәрс-ләрз офдорә
сәр күрдәни вирих дә ә тараф хунә. Дәдәј Рәсул
Баныханум кук хүшдәрә әји һол дирә хәбәр
вәкүрдәни ә чу һолитү, сәр-руј түрә ки гәрмог
бәрди?

Рәсул дәдәјә човоб нәдорә сәр күрдәни кирис-
дә. Әз сәс Рәсул хәһәр, бирор, гуншиһо кура
бирәни, һәммә һолүрә пүрсирәни. Рәсул муку:

– Мә дәрд мәрә ә ишму һәчи нидам куфдирә,
у саз, мәрә дит әмә ә сазовоз кујум әришму.

Ә сәртү вачаром һәзизә дәдәј,
Дәдәј, ә Тифлис рафдани бисдорум.
Ешг ән јә көзәл офдори әсәрмә,
Дәдәј, ә Тифлис рафдәни бисдорум.

Вәкүрдәм ә дәсмә сәдәфлү сазә,
Худо нүвүсд әмә әзини гәзә.
Ә ховмә дирәм мә у ала көзә,
Дәдәј ә Тифлис рафдәни бисдорум.

Расулум војмәрә дог нивәтову,
Дәрдһојмә амбари јәкиш ниданү.
Дәрд әри кәширә дүлмә мәтәву,
Дәдәј, ә Тифлис рафдәни бисдорум.

Дәдәј Рәсул Баныханум куфди:

– Балајмә, тү әчә, Тифлис әчә, бијо тү имурә чум һәрси һишдә марә. Рәсул муку:

– Чон дәдәј, әри поисдә һолмә нисди, мә бијо бурам. Дәдәшү куфди:

– Имуһој ки, рафдәни, имурәш әхүшдәрәвоз имбәри. Рәсул рази бирәни, дәдәј, хәрәр, бирор ә хүшдәрәвоз ә гулум – гунширәвоз һололбо хосдәнүт ә рәһ офдорәнүт. Јәкәм рәһ рафдәбүрүт, һәјәбо јә кәлә туфон сәр күрдә, ирә хәһәр Рәсул Нәркүз нәс вәтәвүсдә дүл бәрдә сохдәни офдорә. Ирә дирә чүклә бирорләшү кирисдәни дүл Рәсул нәс вәтовүсдә вәкүрдәни сазә виниш чу куфдирә.

Әз Вәтәнмә сохди мәрә овора,
Түмәрә дәшәнди әји чул дәрә.
И думан, и чискин әр чу ни дијә,
Дүлмә әдәј сухдә, һәјдәр кирисдә.

Әз һәсмү әдәј рихдә вәрф ләпә-ләпә,
Хәһәр, бирир, дәдәј чумһошү дә әмә.
Иму инчо мүрдимкә түни тәхсиркор,
Данки дури хојумһо у духдәр әзмә.

Кини имурә инчо әри коф сохдә,
Јәкиш нисди имурә, кујим јә дәрдә.
Думон мүкүшү мәрә, әдәм тәрсирә,
Рәсул мумуну инчо вафалү доғһо!

Рәсул хундә варасдәмунд туфон-думон појисдәни, һәсмү очмиш бирәни. Јәкәм рәһ рафданүт. Әз дур дирәнүт ки, һүндүрә доғһо нә шәһәр вәдини. Рәсул вәкүрдәни сазә виниш чу куфдирә:

Һүндүрә доғһој эн Тифлис,
Вәдиними, вәдиними?
Рача хунәј эн Шохсәнәм,
Вәдиними, вәдиними?

Вәшмәрүм бәкһо-хонһорә,
Бил тәмиз, бу и парс дүлмә.
Говрәј Сәнән ә у гала,
Вәдиними, вәдиними?

Вәфалүјә јор эн Рәсул,
Тиконә вәдәшән әз дүл.
Хунәј ого, мәскән һист күл,
Вәдиними, вәдиними?

Рәсул коф хүшдәрә варасдәни сәр күрдәни рәһ хүшдәрә рафдә. Јәкәм рафдәнүт сог саламат расирәнүт ә шәһәр Тифлис. Кәшдә-кәшдә оморәнүт ә хунәј јә гары раст оморә. Гары вәдироморәни әз хунә ә буру, и гары хубә гары бирә чү дарз куфдирәнүткә ә нәгүлһо әзу көпәкә гариһо нәбу. Гары Рәсулә дирәмунд әз хүшдә вадарафдә, куфдирәни ишму нишит ә хунә мә бурам Сәнәм ханумә муштулуги дүм. Рәсул куфдирәни әз гары:

– Ә холәј гары, һалә тәһәди мәсох.

Гары куфдирәни:

Ә балајмә, чу тәһәди нә сохум, дуз јә сали ки, Шаһсәнәмә нә шәвү-шәви, нә рузу-руз, һалә әмә гәдәгә зәри ки, ә шәһәр Тифлис чү Гәриб омокә хәбәрә ә у расунум.

Ә худо шүкүр кәрдо ки, тү хүшдәнүт ә појтүрәвоз-оморәј. Мәш јә косибә зәнүм әмәш јә гиног-луги һә мирасүһоји.

Рәсул муку әз гары:

Ә холәј гары, әји нәзники јә туку һисдими. Гары муку:

– Әр чү нисди, ә Гәриб, виниш унијһәј ә унчоји (әдәсовоз бурбундәни). Рәсул куфдирәни:

– Ә холәј гары, тү мәрәки Гәриб һорәј зәри, әз имбу-руз мәш нум мәрә Гәриб нум норум.

Хәбәр әз ки дүм ишмурә, әз Шохсәнәм, Шохсәнәмиш һә у вахд ә хов дирәбу Гәрибә вә әз дүли- чу ни ошуг бирәбу ә Гәриб. Ә унә көрәки, ә шәһәр мијомоһо гәрибһорә һәмәрә мијост винирә Шохсәнәм. Әз у рузовоз Шох-сәнәм «Гәриб» куфдирә бирәбу сәрсон. Хәбәр әз ки дүм ишмурә, әз холәј гары, холәј гары оморәни дуз әјон Шохсәнәм куфдирәни:

– Сәр чумһој тү рушум бу, Гәриб омори, и хәбәр ә бәбәј Шохсәнәм ә Хоча Сәнән расирәни, Хоча бәбәј Шохсәнәм хәбәр фирсорәни Гәрибә бијорут ә сарај. Гәриб оморәмунд бәбәј Шохсәнәм хоча Гәрибә ә хубә рузовоз гәбул сохдә. Јәкәм ихтилот сохдә бәгдә куфдирәни:

– Гәриб, әриму јә-дү кәлмә ку. Гәриб сазә ә сәр синә ә дәбу, вонорә, јәбојкә гул-

лугчи эн Шоһсэнэм Агчагыз Гәрибә вини, чуму э Гәриб домунд, појисд э күнч дувор эри томошә сохдә Гәрибә. Гәрибиш урә винирәмунд дәрдү таза бисто, вәкүрд сазә, виниш чу куфди:

Әритү мә эз кәнд э кәнд офдорум,
Ә гәрибиһо эз дәс э пој офдорум.
Ә аташ тү сухдум, көмүр бисдорум,
Ә көзәл, виниш тү э чу һолум мә.

Нә сабури нә гуввот э сәр пој појум,
һәммә данүсдәни јозуг Гәрибүм.
Әтү мәһлүмими исаһәт һолмә?
Амбар никәшү јорә эз хон имбәрүм.

Гәриб һәчи хундәнки, Агчагыза воисдәнбу буров эри Шоһсэнэм хәбәр дү, Гәриб урә појунд әхир коф хүшдәрә һәчи куфди:

Гәриб муку мара эзмә амбар дур,
Амбар дә сәвкимә әсәр әни дүл.
Бијо әтү кујум дузи коф мәрә,
Әји гәрибиһо дәшәнд јор мәрә.

Гәриб хундә варасдәнки, бәбәј Шоһсэнэм Хоча эз Гәриб куфдирәни:
– Гәриб, имишәв тү әмә гиноги.

Гәриб рази бирәни. Әришму эз ки кујум, эз нөкәр эн Шоһсэнэм Агчагыз.

Агчагыз хүшдәрә зу расундәни э Шоһсэнэм, куфдирәни бәбәшмүрә э хунә јә гәриб гиног һисди, эз зурәвоз һәчи әдәј хундә бијо виниш. Шоһсэнэм јә нөкәрикәш вәкүрдәни э хүшдәрәвоз, оморәнүт э пишој пәнчәрә, Гәриб уһорә винирәмунд вәкүрд сазә виниш чү куфди:

Әз пәнчәрә хумор-хумор дәниш, јор,
Сә көзәлит, јәкишмүрә мә гурбу.
И чунмәрә э аташ ешг сухунд јор,
Сә көзәлит, јәкишмүрә мә гурбу.

Әз сә көзәл јәки эз мә гоһуми,
Јәкикә дәс нәрасирә говуни.
Әз ешг ишму сухдәниһо Гәриби
Сә көзәлит, јәкишмүрә мә гурбу.

Гәриб хундә варасда бәгдә дүл Шоһсэнэм јәкәм рәһәт бисдо, э духдәрһорәвоз э хунәј хүшдә рафд.

Шоһсэнэм, шәв һәммә хисирәнки, Агчагызә э пәсәј Гәриб фирсорәни, үш э гәд бог, әзир јә дор кузәт сохдә Гәрибиш нә хисирәбу э фикир-хәјол добу

и вахд. Агчагыз пәнчэрэрэ куфдэни, Гэрибэ һорэј зэрэни. Гэриб пәнчэрэрэ вокундэни Агчагыза винирэни хэбэр вэкүрдэни эри чү оморикэ. Агчагыз куфдирэники Шохсэнэм түрэ эдэј э бог күзэт сохдэ.

Гэриб нум Шохсэнэмэ шинирэмунд, хүшдэрэ эз пәнчэрэ шэндэни э Агчагызовоз э бог оморэни.

Рачи Шохсэнэм ја мэнгэ хуно э бог үшүг вэнкэсдэбу, эзир ја кэлэ дор, э сэр билог эдэбу Гэрибэ күзэт сохдэ. Гэриб виники, јорү э сэр билог поисди эдэј мујһој хүшдэрэ бофдэ.

Јэ «Шохсэнэм» куфдирэ јэкирэ гэл көрдүт, эјэки синэсов бисдорут, тэ сэбэһ шэвэ инчо кировундут. Дү-јэки Коф дорут.

Сэбэһ бирэмунд Гэриб эјон дэдэј хүшдэ омо. Муку:

– Чон дэдэј, бура Шохсэнэмэ эримэ хозмуни сох.

Дэдэј Гэриб вэхүшд эјон бэбэј Шохсэнэм омо, э һөрмэтэвоз лэһэ вокунд. Бэбэј Шохсэнэм Хоча муку:

– Чү һэјби, мэ рази. Омо кук тү чул кисэ сүрх рэһ пули бијо дү. Дэдэј Гэриб э фики-хэјоловоз э хунэ оморэни эз Гэриб куфдирэни:

– Балајма, Хоча эдэј чүл кисэ сүрх рэһ пули хосдэ эри духдэрэ дорэ.

Гэриб эз дэдэј хүшдэ куфдирэни ја кор нисд мэ чүл кисэ сүрхэ гэзонч мисохум.

Ишмурэ эз ки хэбэр дүм, эз кук лэлэј Шохсэнэм Шохвалэд. У шинрэни ки, Шохсэнэмэ Гэриб куфдирэниһо кук эдэј хосдэ, духдэрэш дүли э Гэриб эри рафдэ.

Шаһвалэд зу э хунэј лэлэј хүшдэ эри Шохсэнэм хозмуни фирсорэ, һэ у шэв Шохсэнэмэ э Шохвалэд дорэнүт, гүдүши сохдэнүт, тэбэгһош овордэнүт. Шохсэнэм ирэ шинирэ эз хүшдэ вадарафдэ, Шохвалэд овордиһо тэбэгһорэ эз пилэкон э мэхэлэ шэндэ.

Бэбэј Шохсэнэм Хоча шинири ки, Шохсэнэм э Гэриб ошуг бири, Шохвалэд овордијо тэбэгһој гүдүширэ Шохсэнэм э мэхэлэ шэнди, Хоча һоси бирэ һорэј зэрэни зэн хүшдэрэ, куфдирэни:

– Бура духдэр түрэ укут ди, бијобур нэсоху имурэ. Гэриб ја косибэ одомини, иму э урэвоз тој нитојам бирэ. Дэдэшү оморэни эјон духдэр хүшдэ, шүвэрү чүдарз эјү куфдирикэ эри духдэр ихтилот сохдэни. Шохсэнэм сэрэ гуз күрдэ диглэ-диглэ һэрс рухундэни. Бэгдэ дэдэј хүшдэрэ һэчи човоб дорэ:

Эсэртү вачаром, ој рача дэдэј,
Дэдэј, мэ јэзугэ мэсох тэхсиркор.
Хурдэмһо шир түрэ һолол сох, дэдэј
Дэдэј, мэ јэзугэ мэсох тэхсиркор.

Эз зэрдэ биһһош мэ амбар зардүм,
Нуммэ тэмиз эз овһош палашүм.
Нэ дорикэш мэ одохлуј Гэрибүм,
Дэдэј, мэ јэзугэ мэсох тэхсиркор.

Коф Шохсэнэм вараstäки, дэдэшү вэхүшдэни рафдэни э утог хүшдэ.

Шоһсэнэм рәһ Гәрибә кузәт сохдә-сохдә һә кирисдә-кирисдә мунуку. Ишмурә эз Шоһвәләд, хәбәр дүм. Шоһвәләд гары хүшдәрә фирсорәни эјон Гәриб, бу-ров кују ки, Шоһсэнәмә э Шоһвәләд дорәт, әји зуриш һәрисини. Худосүз гари пүрсирә-пүрсирә офдәни Гәрибә. Гәриб әсәр јә сәнг нүшдәбу әдәбу тараф Вәтән хүшдәрә томишә сохдә. Гари оморә пүрсирәни: Гәриб куфдирәнүтһо кук ишму-нит?

Гәриб э һөрмәтәвоз куфдирәни:

– Әри, холә, Гары э ширинә зувуновоз куфдирәни:

– Холә гурбунтү кәрдо, мәрә әтү әдәј јозуги оморә, кучкифләт түрә вәкүрдәј оморәј Шоһсэнәм куфдирә-куфдирә, омо Шоһсэнәм әтү бейбофо вәдиromo, Шоһсэнәмә э кукләјү, э Шоһвәләд дорут гүдүшиш сохдут имбуруз-сәбәһ һәрисини.

Гәриб эз көпәк гары и кофә шинирәнки, дүлү су күрд сухд, вәкүрд саз хүшдәрә э бог Шоһсэнәм омо. Вини и бог һәчи сокити һәшданки, инчо һич одоми нәбири. Бог Шоһсэнәмә һәчи дирәнки дијәш дәрду таза бисдо, вәкүрд сазә винишит чү куфди:

Хәрәбә кәрдош тү ој гәриб өлкә,
һич әтү хундәкор, вәчәсдәкор нист.
Гушһој бог гуј бири, күлһош писири,
Богһој гәрибирәш еһтибору нист.

Ашуг Гәриб чумтү һәср пур бисто,
Дулту хәрәббисто кортү зур бисто,
Хостәнбиријоһ јор эз тү дур бисто,
Гәрибә вәтәнәш еһтибору нист.

Бәгдә әсәр јә савзәкәји нүшд рафд э фикир һә чум хов бәрд Гәрибә.

Хәбәр эз ки дүм ишмурә эз Шоһсэнәм. Шоһсэнәм э Ағчагызозовоз э бог вәдирәморәбу ки, вүнү Гәриб оморикә, чунки һәмишә әји бог әјәки нүшдәт-вәхүшдәт.

Ағчагыз эз Шоһсэнәм куфдирәни тү инчо пој мә кәшдүм вүнүм Гәриб оморикә. Шоһсэнәм эзир дор нүшдәни. Ағчагыз Гәрибә кәшдә дирәни Гәриб э сәр савзә хисири, һәчи хисирики, сәхд вомундәрә хуно, әдәј пих зәрә. Ағчагыз хорој зәрәни Гәрибә, Гәриб хәбәр нәсәбирә. Ағчагыз вәкүрдәни сазә виниш чү куфдирә:

Әз хунә омери јор тү,
Хәбәр бош овчи, хәбәр бш.
Сәрсон бири эз дәрдтү
Хәбәр бош овчи, хәбәр бош.

Гәриб хәбәр нәсә бирә, Шоһсэнәм кирисдә-кирисдә омо нүшд э зәвәсәрү эз сәс инкәј Шоһсэнәм Гәриб хәбәр бирәни, вәхүшдәни, куфдирәни чу бири, Ағчагыз куфдирәни чутам чу бири, јә сәһәти Сәнәм э зәвәсәртүни тү хәбәр нәсә бирә сазә вәкүрд Гәриб виниш чү куфди.

Э чү чикэ сэхт хов бәрди мэрэ,
 Мэ нич наданүсдэм јормэ омори.
 Залум фэлэк э чү руз нишди мэрэ,
 Мэ нич наданүсдэм јормэ омори.

Залум фэлэк нүвүсд эримэ һэчи,
 һэминонэ шэнд, нишд мэрэ э вәрфи.
 Дәрд һистијо мэрэ анчаг һәсрәти,
 Мэ нич наданүсдэм јормэ омори.

Гәриб муку чәнд салһоји вомундум,
 һә кирисдүм һәрс чум мэрэ пәкундум.
 Э хунэ хојумһо јорә нәдүрүм,
 Мэ нич ниданүсдүм јормэ омори.

Дү һәсрәт әјәки сәрмәшуг бирәнүт, гулһорә донорәнүт э кәрдән јәки, мәст бирәнүт. Гәриб муку:

– Әј көзәл, мә әзтү чиро бирәни бисдорум.

Шоһсәнәм и кофә әз Гәриб шинирәнки јә хујкирә хуно муку:

– Әр чу, и чу кофи тү куфдирәни?

Гәриб муку:

– Бәбәшму Хоча түрә әмә әри дорә, әз мә әдәј чул кисә сүрх хосдә.

Шоһсәнәм муку:

– Оһо, һә әри әни тү мэрә шәндә, тү чүл кисә әдәј куфдирә мә сад кисә мүдүм,
 токи кор дуз бу.

Гәриб муку ки, и инсофсүзи имбу, мә бијо э зәһмәт мәрәвоз гозонч сохум.

Шоһсәмән муку:

– Бәс, чу мәһәл мокошди. Гәриб муку: – Э чун әни ешг-мәһәббәт иму, әз һофд сал дир никәшү. Гәриб әз инчо оморәни әјон дәдәј хүшдә, куфдирәни, дәдәј, кушдор:

Гурбу кәрдом түрә дәрдлүјә дәдәј,
 Әдәм рафдә әз инчо әјә гәриби.
 Јә фикир офдори, данки, э сәрмә
 Әдәм рафдә әз инчо әјә гәриби.

Дәдәј Гәриб пүрси:

Чу фикирә кәнә офдори э сәртү,
 Чум һәрси мәјил имурә э гәриби.
 Дул мэрә сохди пара-пара тү,
 Чум һәрси мәјил имурә э гәриби.

Гәриб куфди:

Әз дүл әдәм кирисдә Гәрибүм мә
 Вәнкәсдәм хүшдәрә э аташ ешг мә
 Сәнәмсүз һиломә чү сохдәнүм
 Әдәм рафта мә э Гәриби.

Дэдэј Гэриб куфди:

Шэвһо-рузһо күзэт мисохум түрә,
Тэтүоморә сижә имбәсдүм сәрә.
Кук куфдирә хүрд мисохум синәрә
Чүм һәрси мәјил имурә э гэриби.

Гэриб сәрә вәкүрдәни рафдәни э шәһәр һаләб. Јәкәм, унчо, э чојхонәһо хундәни, сәс вадарафдәни э һәммә шәһәр инчо јә ошуг омори, һич кәс э пишој әну нәста појисдә, һәммә ошугшорә бәсдәни, әзини уста э һилом нәбири.

Хәбәр эз ки дүм, эз Шоһсәнәм, Шоһсәнәм Гэрибә эз јор нәс вәдәшәндә, шәв-руз э хунәшү сәр кәширә, чум хүшдәрә әсәр дэдәј, хәһәр, бирор Гэриб вонорәни.

Шоһвәләд винирәни ки, Шоһсәнәм эз Гэриб дәс никәнү, шәв руз Гэриб куфдирә әдәј кирисдә, Шоһвәләд урә хомуш сохдә нәста, әхирдә һорој зәрәни күлоглан куфдирә јә гучирә, пул дорәни урә буров күшү Гэрибә. Күлогланиш фирилдоги сохдә, оморәни јә гучә күшдәни әсәр шәји хүшдә хунә тији сохдәни, овордәни әјон дэдәј Гэриб куфдирәни:

– Ә холә сәртү сог бу, мәнәј Гэриб әјәки бирим, э рәһ урә күшдүт, иш шәји хунијү. Шоһсәнәм шинирәнки э хунәј Гэриб оморәни јә һофтә э овул нүшдәнүт, омо әји кор кујкә јәкишүш бовор нәс сохдәнүт. Оморәни салһо кирошдәни, дуз шәш сал ним. Шоһсәнәм эз дэдәј Гэриб куфдирәни әји зури Шоһвәләд әримә һәриси сохдәнини бијо виним э шәһәр һаләб ки рафдәкә, кујим кәшдү Гэрибә. Дэдәј Гэриб муку:

– Хуб куфдири, әдәј дуст шүвәрмә Әһмәд рафдә э шәһәр һаләб.

Вәхүшдәнүт һәрдүшү оморәнүт әјон Әһмәд. Шоһсәнәм виниш чү куфдирәникә:

Нүкәртү кәрдом һөрмәтлү ләлә,
Бијоф Гэрибә, зу бијов вәдиров.
Һофд сали э һәсрәтү дәрүм мә,
Бијоф Гэрибә, зу бијов вәдиров.

Әһмәд эз Шоһсәнәм һәчи шинирәнки, әри хүшдә фикир сохдәни ки, бил ирә синәмиш сохум, вүнүм Гэрибә эз дүли хосдәкә.

Әһмәд куфди:

Гурбунтү мә кәрдом э рача хонум,
Рази бош түрә әри кукмә хојум.
Әз бејбофо әритү јор ни имбу.
Рази бош түрә әри кукмә хојум.

Шоһсәнәм куфди:

Кофтүрә нәтанүсди һөрмәтлү ләлә,
Ә у рәһ кәширәм амбар зәһмәт мә.
Митам ми дәкиш содә сүрхә э нүгрә,
Бијоф Гэрибә зу бијов вәдиров.

Һофд сали јормә эз јонмә рафди,
Сиррә этү кујум әримә һәјби.
Нүмкүрдәј Шоһсэнәм ошуг Гәриби,
Бијоф Гәрибә зу бијов вәдиров.

Әһмәд куфди:

Һич кәс ниданү исәһәт дәрд мәрә,
Хәрч мисохум битәв бирнәбирмәрә
Мүнүм ә рәһ тү ширина чунмәрә,
Микәшдүм Гәрибә мијофум, дан, мә.

Әһмәд сәвдәкәрүм әдәм рафдә мә,
Микәшдүм римә, һиндә һәммәрә мә.
Әкә гули ә пулөвоз марасүм,
Микәшдүм Гәрибә мијофум, дан, мә.

Коф варасдәни. Шоһсэнәм эз Әһмәд хоһиш сохдәни ки, кумәки соху, Гәрибә кәшдү, бијофу. Вәдәшәндәни эз дәс хүшдә әнкүшдәри хүшдәрәш әри нушунә дорәни.

Әһмәд куфдирәни:

– Шоһсэнәм, тү духдәрмә, мә әдәбүрүм түрә синәмиш сохдә, мәрә нә куки нә духдәр, Әзчә бисдо микәшдүм мијофум Гәрибә, әлхојим бош.

Әһмәд јә чәнд руз бәгдә оморәни ә шәһәр һаләб вәдироморә. Ишмурә эз ки хәбәрдүм, эз парчоһ шәһәр һаләб, Парчоһ шәһәр һаләб шинирәнки ә шәһәрү јә ошуг һист әзини ошуг нәбири. Ошугһо јәкиш әурәвоз насда бәһс бәрдә, јәкиш урә хуно хундә насда, ә сәс әну гушһо ә ләс поисдә. Пошә әмр сохдәники, Гәрибә күрүт бијорут.

Ишмурә эз ки хәбәрдүм эз Әһмәд, Әһмәд оморәни кәшдә-кәшдә ә шәһәр һаләб ә јә чојчи вәдироморә, әји чојчиш ошугһо дәри. Әһмәд пәјләрә шороб пур сохдәни вә куфдирәни:– Гәриб киникә и пәјләрә вәкүрүкү. Јәкиш нәс вәкирдә пәјләрә, и вахт Гәриб ә дәсү саз дироморәни. Әһмәд јәбојкәш ә тәвәгәрәвоз хоһиш сохдәни ки, Гәриб инчојикә вәхүсүкү ә пој пәјләј шоробә хуруку. И мәһәл Гәриб вәхүшдәни пәјләј шоробә вәкүрдәни, хурдәни. Јәбојкә винирәни ә гәд пәјлә әнкүшдәри дә. Дирәни и әнкүшдәри Шоһсэнәми, әнкүшдәрирә моч сохдәни вә ә руј Әһмәд јәзуг-јәзуг дәниширәни. Сазә ә сәр синә вонорәни эз Әһмәд виниш чү пүрсирәкә:

Ә сәртү вачаром сәвдәкәр ләлә
Чунмә ләлә, чүдарз дири Сәнәмә,
Инчо нә рузмә рузү, нә шәви шәвмә
Чунмә ләлә, чу дарз дири Сәнәмә.

Әһмәд куфди:

Нәзникә дустһо әдәт түрә пүрсирә,
Әз гәрибә инсонһош түрә пүрсирә.
Дәдәј нә хәрәртү сојә бәсди сәрә,
Әз һәммә инсонһо, түрә пүрсирә.

Гэриб куфди:

Тарафһојму һәминон бу, васал бу?
Әгәд овһо өрдәк дәбу гоз добу?
Хан Сәнәм һәрүс бирәбу, духдәр бу?
Мә Гэрибүм, чу дарз дири Сәнәмә.

Әһмәд куфди:

Мә дирәмһо, тараф ишму васал бу,
Ә гәд овһош өрдәк дәбу гоз дәбу.
Шоһсәнәм һәрүс нәбири, духдәр бу,
Чүму һәрсидүрүм мә Шоһсәнәмә.

Имәһәл ә чојхонә одомиһој Пошә оморәни Гэрибә кирдәнүт бәрдәнүт.
Әһмәдиш рафдәни ә пәсәјү, ә сарај пошә. Пошә әз Гэриб пүрсирәни:

– Ку виним тү кини әз чә оморәј.

Гэриб муку:

– һөрмәтлүјә Пошә, ичазә ди кујум:

Әз Вәтән чиројум, Гэриб бирәм мә,
Әдәм вој зәрә, һич кәс нисд әјон мә.
Ә гәрибиһо мундәм ә чул ә дәрә,
Әдәм вој зәрә, һич кәс нисди мәрә.

Әз чоһили шәндәм у Вәтәнмәрә,
Ә гәрибиһо күрдүм мәскән мәрә.
Чу му һәрсидүрүм рача Сәнәмә,
Әдәм вој зәрә, һич кәс нисди мәрә.

Ашыг Гэриб сүхдә-сүхдә мукују,
Әгәд аташ ешгиш һәр вахт мусуху.
Дузә коф ә, данки, гилинч ни буру.
Әдәм вој зәрә, һич кәс нисди мәрә.

Пошәј шәһәр һәләб муку:

– Әдәм дирә инчо һич кәс тү нисди, омо әдәт куфдирә ки, тү лап хубә ошуги,
јә ошугиш ә түрәвоз насдә бәһс бәрдә. Әкәр ә ошуг мәрөвоз бәһс оморә, урә
бәрдикә, мә түрә рәһо мисохум, нәбукә сәртүрә мизәнүм.

Гэрибә јә рәһикә нәсә бирә, Гэриб рази бирәни. Пошә одомиһој хүшдәрә һорөј
зәрәни, кәлә шори (мәчлис) вокундә, ошуг хүшдәрәш һорөј зәрәни. Ошугһо по-
нисди рујбәруј. Ошуг Пошә куфдирәни:

– Гэриб, әввәл тү куфдирә нәбукә мә?

Гэриб муку:

– Ә имуһо һәдәти ки, әввәл кофә дүшмәрә дорәнүт, тү куј, мәш шүнрүм.
Ошуг Пошә куфди:

Шин тү, устаһо бил хэбэр данүт,
И ошуги эзки мунди эз эввэл?
Әсәр ишму нәдә ингәдә әгүл,
И ошуги эзки мунди эз эввэл?

Гәриб вәкүрд сазә виниш чу куфди:

Тү устајы, наса тү елм чуникә,
Ә чу рәвоз буррат кәлә сәнгһорә.
Әввәл ки бири, бурру сәр хушдәрә?
Ирә ки данүсдкә, уста уни-у.

Мә Гәриб куфдурум әјишму кофә,
И коф ә гүллүни куч дорә мәрә.
Гилинч, нә хәнчәлә чуни ләззәтү
Урә мидај бәкә тү әсәр офдорә.

Кофһој Гәриб ә ошуг Пошә сәхд вохурдә, у пәрт бирә нүшдәбуһо халг афәрин куфдурут әз Гәриб тү һәгиги ошуги Пошәш разијәти хүшдәрә бурбунд, бәгдә муку:

– Гәриб, пој әјонмә ху, бәр, зив әритү, кејф сох. Пошә һәчи куфдирәнки, виниш Гәриб чу дарз чоһоб до:

Әз јормә когоз омори,
Ичазә ди, Пошә, мә бурам.
Чумһој јормә ә рәһ дәри,
Ичазә ди, Пошә мә бурам.

Ә Гәриби мунди јормә,
Гәм амбар дәри ә дүлмә.
Чум дәдәј, хәһәр ә рәһ дә,
Ичазә ди, Пошә, мә бурам.

Бәгдә әсәрү омориһо әһволәтә ихтилот сохд әри Пошә. Пошә муку:

– Гәриб, фикир мәкәш, әмр сохд чул кисә сүрх до Гәрибә. Гәриб сүрхорә вәкүрд әз Пошә һололбо хосд ә рәһ офдо. Тә Тифлис расирә Гәриб амбара чәтини кәширә, вәрф, думон, хиники, дијә пој насдә вәчирә. Әз чә омокә јә һәсбәлү омо, појисд ә јонү, вонушунд Гәрибә ә һәсб. Гәриб, чу мә бәсдә вокундәјү јәки нәбисдо, вини ә Тифлиси. Тифлисә дирәмунд шори сохд виниш чу куфди:

Чү чәтиниһо кәши сәрмә,
Әхир расүрүм әтү, Тифлис.
Бил дәнүшүм әсирәји,
Әхир расүрүм әтү Тифлис.

Јормә мујә шунә зәри,
Їунмә ә, һәсрәтү дәри.
Хунәј Сәнәм лап вәдини,
Әхир расүрүм әтү, Тифлис.

Ашыг Гәриб омо кәнә,
Ә бог-богча хундә-хундә
Муштулуг дит јор Сәнәмә,
Шүкүр, расүрүм әтү, Тифлис.

Гәриб ә һәсбәлүрәвоз оморәни расирәни ә хунә Гәриб винирәни чумһој дәдәшү кур бири, нәс шинохдә урә, вәкүрдәни сазә куфдирәни:

Їунмә дәдәј, дүлмә, дәдәј
Мә Гәрибүм, мә Гәрибүм.
Әтү гурбу кәрдом, дәдәј
Мә Гәрибүм, мә Гәрибүм.

Дәдәј Гәриб човоб до:

Хош омори, софо омори,
Балајмә Гәриб, кәј омори?
Мәрә ә аташ күмүр сохди,
Балајмә Гәриб, кәј омори.

Гәриб кофә варастәни ә дәдәј, хәрәр ә у чуклә бирорләј хүшдәрәвоз синәсов бирәни, һол-әһвол пүрсирәнки, дәдәј Гәриб куфдирәни:

– Имишәв әри Шоһсәнәм һәрисини. Ирә шинирә Гәриб су күрдәни сухдә, вәхүшдәни дәдәј, хәһәр, бирор нә ә и һәсбәлүрәвоз рафдәнүт ә һәриси. Винирәни Әһмәдиш әдәј оморә, Әһмәдәш вәкүрдәнүт оморәнүт ә һәриси. Шоһсәнәм винирәни иһорә, омо Гәрибә нәһ. Виниш Шоһсәнәм чу куфди:

Әсәртү вачаром гәмлүјә дәдәј,
Нижосд мүрдә кук тү, мијосд оморә.
Ә аташ ону сухдәм чон дәдәј.
Нижосд мүрдә кук тү, мијосд оморә.

Нитәрсүм әз мүрдә, зәһәр мухурум,
Ханчәрәвоз дүлмәрә лов мисохум.
Әји зурн әз үшүг һилом мумунум,
Нижосд мүрдә кук тү, мијосд оморә.

Шоһсэнәмүм, гэлэм зэрэм гош мэрэ,
 Ки миданү дузи кују сал мэрэ?
 Э гэд говреш тик мүкүрүм сэрмэрэ
 Нијосд мүрдэ кук тү, мијосд оморэ.

Эз нүшдәкорһо Гәрибә шинохдүт, урэ э зэвэр чикэ дорут э һормэтэвоз вә хоһиш сохдут хуну. Гәриб рази бисдо. Виним Гәриб чу куфди:

Хэбәр дорут эмэ э шәһәр һэләб,
 Шәһәнкум оморум э јә руз раси.
 Куфдурут әри Сәнәм һисд һәриси,
 Худо гәнәт до расүрүм э Тифлис.

Јә чәк зәнит рачһо бијовт вәчәјүт,
 Шомош дит сазандоһо хуб зәнүт.
 Мә Гәрибүм, э һәриси Шоһсэнәм,
 Эз чун кирошдум, оморум расирүм.

Јәки эз Гәриб муку:

– Тү дуркуни, э јә руз одоми эз һэләб э Тифлис нирасү, Гәриб һә куфди ки, дуз э јә руз оморәм, јәкиш бовор нәсохд.

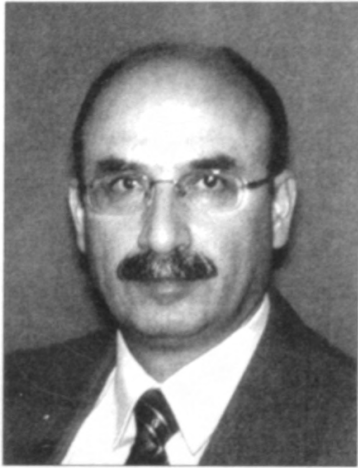
Бәгдә һәсбәлү муку:

– Нәс бовор сохдәнит, винишит. Эз Гәриб муку ки, эз зир пој һәсбјә мүшд хок вәки сов э чу м дәдәшму, чумһо очмиш бу.

Гәриб эз зир пој һәсб јә мүшд хок вәкүрд э чум дәдәјхүшдә совусд, чумһој дәдәј чи вини һәммә һәмә у мәһәл бовор сохдут. И мәһәл Шоһвәләд вәкүрд хәнчәлә омо әсәр Гәриб. Ирә дирә Әһмәд омо пишово нә һишд чәнк бу. Инчо дәбуһо һәммә Гәрибә тәһәриф дорут. Шоһвәләдә рази сохдут. Хәһәр Гәрибә э Шоһвәләд, Шоһсэнәмәш э Гәриб дорут. Тазадан һәриси сохдут.

Һәчи һәммә гисмәтһо э чикә омо.

**АГАРУНОВ
Шабтай**

Родился 20 сентября 1961 г. в Азербайджане, в г. Куба, в Красной Слободе. После окончания средней школы в 1978 г. поступил на фельдшерский факультет в медучилище города Баку.

С 1984 до 1990 года служил в рядах Советской Армии в ВМФ, в Каспийской флотилии фельдшером.

С 1990 г. уволившись из рядов ВМФ, приступил к работе в нейрохирургическом центре в г. Баку, где и работал до репатриации в Израиль.

В 1991 г. репатрировался с семьей в Израиль. Живёт в г. Бат-Ям. Чтобы работать по специальности, прошел все ступени обучения и все необходимые экзамены. Сегодня он дипломированный медбрат (ах мусмах), работает в операционном отделении больницы Вальфсон города Халон.

В 2006 году окончил академический колледж Иудей и Самарии в г. Ариель, факультет управления системой здравоохранения.

Литературой увлекался всегда. Стихи писал со школьных лет на двух языках - на азербайджанском и на горско-еврейском.

С 2007 года член Союза писателей, выходцев с Кавказа в Израиле.

Ә сәр билог күһнә күрпи

Фураморум, појисдум мә
Ә сәр билог күһнә күрпи.
Лап һол хәрәб бисдорум мә
Ә сәр билог күһнә күрпи.

Чүм, јә инсон һич нәс дирә,
Сәс зән-духдәр нәс оморә,
Сову, бәдрә пур нәс бирә
Ә сәр билог күһнә күрпи.

Јә вәхд инчо инсон пур бу,
Әз дүләсди, әз дәрд дур бу,
Јошлу, чојил кофәкир бу
Ә сәр билог күһнә күрпи.

Һәрүс-духдәр нубот күрдәт,
Рузи чәндбоһ ов дәбәрдәт,
Дүл јәкирә һә вәбәрдәт
Ә сәр билог күһнә күрпи.

Ов ән билог сәрин бири,
Ихдилотһо ширин бири,
Дүл чојилһо јәки бири
Ә сәр билог күһнә күрпи.

Јә битәв руз појисдум мә,
Ә ки сәс дүм, нә офдум мә.
Ә гәд дүлмә кирисдум мә
Ә сәр билог күһнә күрпи.

Шәбәтәјүм, ә дүл һәсрәт,
Рәһзо букә рәһ ән гисмәт,
Бәхдәвәр бу кәнә чәһмәт
Ә сәр билог күһнә күрпи.

Март- мај 2007, Бат-Јам.

Сифир Тиро

*Ә 27-үм Мај 2008-мүн сал һүрмәтлүжә
кук халг иму Герман Захарјајев нимаз
Бәјт Тәлһүмә бәхшә дори таза Сифир Тиро.*

Миһиди, шорини чәһмәт имурә,
Таза Сифир Тиро ә гүчәг варафд.
Дәсдә ә јон дәсдә һә кура бирә,
Ә пәсәј ән Тиро ә рәһ вадарафд.

Әз дүли нүвүсдәт һәр һәрф әнурә,
һәр кәс һәрф хүшдәрә ә и Тиро офд.
Әз гәл ә гәл вәкүрд һәр инсон урә,
Ә кон дүл әз шори јә рачә точ бофд.

Шәһәмһорә күрдә ә пәсәј Тиро,
һашданки һәрүсә ә рәһ докундут.
Дүлһорә шор сохдә, кәрм сохдә Тиро,
Әри Сифир Тиро дүлә вокундут.

Мәһниһо лов бирә ә һәсму, хори,
Чәһмәт дәсдә-дәсдә әдәт вәчәсдә.
Хәлгә һисд имбуруз шориһој шори,
Ә дүл чәһмәт чуркум ән имид чәсдә.

Әјәки гәришүт һәјилиш, кәләш,
Тирорә дәбәрдүт хонум-хонуми.
Чикәј хүшдәрә күрд ә арон кодәш*,
Бәлкә и Тироји-Тирој шолуми!?

Мај-ијун 2008г.

*Арон кодәш-святой ковчег (ковчег завета)

Бар мисво

Әри кук мә Нахум

Кура бирәт гиноґһо,
Чәһмәт сохдәни шори.
Овурдәнүт тәбәґһо,
Имурә мәчлүс дәри.

Ә шори ән и бала,
Хосдәкорһо омори.
Имбуруз сиздә сала,
Кук иму јә мәрд бири.

Ини, раси имбуруз,
Ә мәтләбјү дүлһојму.
Мозолмәндә руз и руз,
Бар мисво ә хунәјму.

Бијо-бијо чәк зәнит,
Вәчовунит һәтонә.
Вәчәјит, шори сохит,
Шори бу һәр инсонә.

Амбар шор кәрдо чәһмәт,
Ә шоријму оморәт.
Чәһ,мәтә шори бирә,
Мирасүним хүшдәрә.

Август, 2003

Лүгәт

*Әри лүгәт «Чуһури-урусирә вәчириһо
вә нүвүсдиһо һүрмәтлүжә вә вәдилүжә
кук халг иму профессор Михаил Агарунов*

Лүгәт чуһурирә ә дәс вәкүрдә,
Әдәм вәрәг-вәрәг чүмә кәрдундә.
Әз шори китобә сәхд ә дәс күрдә,
Тонишә кофһорә мә әдәм хундә.

Јә киснәрә хуно дәшәндә чүмә,
Насданум сирәји бирә әз хундә.
Чәнгәдәш данусдум хуб зуһунә мә,
Әз лүгәт чүмһојмә һич нәс вомундә.

Зуһун иму һошир, ширин кофһојму,
Әз дәвр ә дәвр мирос дорәт бәбәһо.
Зуһун Тиро нисдкәш и зуһун иму,
Тирорәш, зуһунәш дошдәт бәбәһо.

Чүтам диглә-диглә ов кура бирә,
Бәгдә ә дәрјочәј ови чарусдә,
Јәһ, әкү Мухојил коф-коф вәчирә,
Әз коф бору күрдә, хәзинә һишдә.

Мухојил Јәһәкү офдә очорә,
Јә руз вокундәни дәр хәзинәрә.
Ә пишој чүм дирә буш догләһорә,
Сәбәһ-шәв кор сохдә, пур сохд уһорә.

Чуһурһој ән доги һиломә дирәт,
Әз дог-дәрә, әз ов-аташ кирошдәт.
Нә һишдәт фурмуш бу нә дин, нә һәдәт,
Ә һәрәј умогһо зуһунә дошдәт.

Гәдими, ширини зуһун дәдәји,
Нүвүсим, коф сохим, һүмүр дим урә.
Сәр кәләји халги лүгәт бирәји,
Үзкәһош бил данут, вомухут урә.

Фәврал, 2008

Чојчи, докун ја пјлэ чој

Ваки пјлэј армудирэ,
Чојчи, докун ја пјлэ чој.
Күшим тэшнэј дүл имурэ,
Чојчи, докун ја пјлэ чој.

Мэхмэрэ чој хурдэ-хурдэ,
Товур, һармәһ дүл вэбэрдэ.
Коф јакирэ эри күрдэ
Чојчи, докун ја пјлэ чој.

Ә лов гонши кушэ вәним,
Иму хуб-хуб кофэ шиним,
Әз хэбэрһој һилом даним,
Чојчи, докун ја пјлэ чој.

Әз хунэ рәһ э чојхонэ,
Чикәј һәр кор һэ чојхонэ,
Јошлу, чојил э чојхонэ,
Чојчи, докун ја пјлэ чој.

Ә сәрини дорһо нүшдэ,
Ки эри кук һәрүс кәшдэ,
Ки вәхд јүрэ әдәј күшдэ,
Чојчи, докун ја пјлэ чој.

Ки э шүвэр духдәр дорэ,
Ки бәсдәни һисобһорэ,
Әри гојим бирэ һэрэ
Чојчи, докун ја пјлэ чој.

Корсох дәри, духдир дәри,
Мәһлүм дәри, кассир дәри,
Оморокор лап амбари,
Чојчи, докун ја пјлэ чој.

Рузи чәндбо сомоворэ,
Әри чәһмәт һэ вонорэ,
Худо түрә һүмүр дорэ,
Чојчи, докун ја пјлэ чој.

МОШИЯХОВ

Яшар

6.01.1938 - 2.12.2001

Слово о поэте

Наша встреча состоялась накануне смерти, благословенной памяти Яши Мошияхова. Он умер в Кубе, где родился в 1938 году. Более полвека писал стихи. Замечательные стихи. В перерыве между работой учителя начальных классов и строительных дел мастера, переездов из Кубы в Баку, а затем и в Москву им написаны сотни замечательных поэтических произведений, многие из которых переложены на музыку и стали народными песнями.

Лирика Яши Мошияхова нашла себе место в татских альманахах Махачкалы, в газетах и поэтических сборниках Азербайджана. Великолепное знание не только своего, но и азербайджанского языка позволило поэту перевести в стихах полную философского смысла драму великого поэта Азербайджана Самеда Вургуну «Вагиф».

Михаил Дадашев

Из предисловия к книге Яшара Мошияхова «Дэдэј», выпущенной в свет в Москве в 2002 году.

Дәрбәнд

Дәрбәнд тү гәдими-гәдими амбар,
Гу чәнд садсалиһо эз тү кирошди.
Чәнди фурмишә сал эзсәртү зә пар,
Салһо э дуворһо јара вәјишди.

Чәнд чиро бәк омо, јә чәнд чиро хон,
Оморут эсәртү садбо-һозорбо.
Чәнд чиро таланчи түрә сохд талан,
Ә борһој дәвәји э сали чәндбо.

Залумһо-хунхурһо дүшһо ерәги.
Түрә јә руз рәһәт нә һүшдүт нүшдә.
Ә чомһој бүрүнчи, эз хүмһој луги,
Хурдут шороб түрә э соги хүшдә.

Дәрбәнд, тү тәһрифи эз тәһрифиһо,
Түрә чобордһоји, чәнд игидһоји,
Нумтүрә э ватан бүзүрк сохдиһо,
Шәтиил, Шәмсулла, Күлбоһорһоји.

Гиногхоһо шәһәр варас тү мәрә.
Әз хокһо сәнғһојтү бәрәкәт рихди.
Јогин һәммәј һилом гиног хосдәрә,
Чү кујум, бәлкәмиш эз тү вомухди.

Тү әһәнк һәвәли гәләбәнду нисд.
Курундә килитә нәвә э дәртү.
Әри нәзникә дуст, әри дурә дуст
Дәрһојтү очуги э тәһәр дүлтү.

Духдәр

Мәпүрс дүлмә һәчи могбун әрчүни.
И дәрдһо-һәсрәтһо, әнтүни духдәр,
Чәндгәдәј э һилом рачһо һисдикәш,
Сирог мәнһбәтмә әнтүни духдәр.

Бијо дү јәкирә эз чүм нәшәним,
Кирошдә рузһорә әјор дәшәним.
Чон кујим э јәки бијо чон шиним,
Дузә рәһ хосдәји һәчини духдәр.

Һәсрәтә мә ә дүл дошдә ниданум,
 Түсүз ә у рәһһо кәшдә ниданум.
 Әри кәшо түрә һишдә ниданум.
 Дүлтү һәчи залум әрчүни духдәр.

Түсүз ә дог Јаша думон вәбирә,
 Ә дүлү ләпүрһој дәрјоһ дәбирә.
 Кириґ дәс јәкирә руз шәв нәбирә,
 Хојим дү јәкирә әз чуни духдәр.

Дәдәј

Чү кујум дәдәјмә салһо зу кирошд,
 Јә һәјил бисдорум ә коф куш нәдошд.
 Дүлмә залум бисдо, дүлтү зу вокошд.
 Дәдәјмә-дәдәјмә һәзизә дәдәј.
 Әз овһој билогги тәмизә дәдәј.

У кирошдә рузһо фурмиш нәс бирә,
 Әјормә офдорә һәр түрә дирә
 Хубә рузһош нисдкә әјор овордәм,
 Сипрә мујһојтүрә мә ғурбу кәрдом.
 Дәдәјмә-дәдәјмә һәзизә дәдәј,
 Әз овһој билогги тәмизә дәдәј.

Дүл дәдәј, дүл һәјил јәки нәс бирә,
 Әвәхтү нә күрдәм мә кофһој түрә.
 Вәхт бири вар сохдәм чофһој түрә.
 Дәдәјмә-дәдәјмә һәзизә дәдәј,
 Әз овһој билогги тәмизә дәдәј.

Сәрмә дорд дорикә шәв нә хисирәј,
 Дурә сәбәһһорә тү ә чум дирәј.
 Мәрә кәлә сохдәј, түллә пир бирәј.
 Дәдәјмә-дәдәјмә һәзизә дәдәј,
 Әз овһој билогги тәмизә дәдәј.

Јашајум нүвүсдә кофһојмә расди,
 Ғәрдтүрә нә дорум мә човон һисди.
 Имоһој һүмүрмә-рузмәш варасди.
 Дәдәјмә-дәдәјмә һәзизә дәдәј,
 Әз овһој билогги тәмизә дәдәј.

Кирошдә рузһој һәјили

Ә рузһој һәјили, салһој һәјили,
 Әз сәрмә ләнк шәндә чү зу кирошдит?
 Әзу тәлһә рузһо, ширина рузһо,
 Әримә чәнгәдә јоровурд һишдит.

Ә вишәһој Гүбә, ә доғһој Гүбә,
 Әришму руз бә руз дүлмә кирисдә.
 Әсәр вәлкһој палуд, ә лүкәј вәләс,
 Мәрә воруш бирә рихдә војисдә.

Кулһој бәгәлүји, әчәјит ишму?
 Чикәј тәлүһошму ә дәсһојмә вә.
 Ә чилидә билог, ә вәрфијә дог,
 һәлә сәринишму ә гәд дүлмә дә.

Дү диглә һәрс рихдә у духдәр һишд рафд,
 Ә никәрәј «Гудјал», тү шоһод бири.
 У кәрмә һәршорә тү һәмишәји,
 Бәлкә ә мирвори чарундабири.

Мијом, садбо мијом, һозорбо мијом,
 Ој Гүбә һич мәһәл нишәнүм түрә.
 Әз мәркә вишәһо, әз сәр куләһо,
 Мијом әри кәшдә һәјилимәрә.

Ворвориһо кофһојтүрә хундәнүт

(Әри шаир Бинјаминов Шәлмү И.)

Әз думон шол дәкүрд һүндүрә «Шох-дог»
 Ә овил домунди «Бәнәвшә билог»
 Әритү никәрәј «Гудјал» кирисди.
 И бәдә хәбәрә ә дог нүвүсди.

Доһор бәһәз чүмү ә рәһ домунди
 Кузәт сохди рәһһојтүрә вомунди.
 Вор-вориһо кофһојтүрә хундәнүт,
 Вор-вориһо ә бог ишму мундәнүт.

Шикилһојтү э билогһо домунди,
Кәрми дәстү э лүкәһо вомунди
Эз таза гәләмһо бәһәр нәчирәј
Иһорә дәрд сохдә э дүл дәчирәј.

Ә һәсрәти Гүбә тү тоб нә дори
Руз э хәјол дири, шәв э хов дири
Гисмәт нә бирәјкәш э хокһој Гүбә
Ә дүл Гүбәјиһо, һәмишә тү дә.

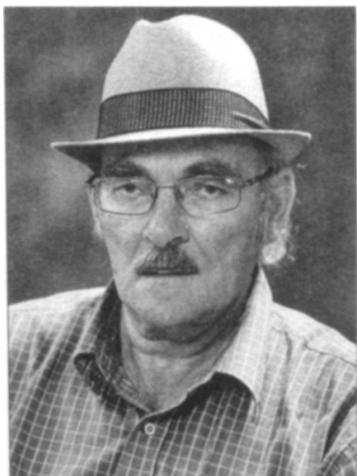
Тү мијој э Губә васал бирәнки,
Човонә гәләмһо појиз дирәнки.
Тү мијој э «Гудјал» сәјл оморәнки
Тү мијој чинорһо норунч бирәнки.

И хәбәртү дәрд овурди әриму,
Кәләмһојтү јоровурди әриму.
Шәлмү бирор, чү нүвүсүм әритү.
Мә Јашајүм мүкүрүсүм әритү
Ә шәјрһојмә мүкүрүсүм әритү.

Ов нәмүрүм

(Әри Х.Д. Авшатумов)

Шими Дәрбәнди ночог бирәбу,
Чәнгәдә мәһәлбу һовоју нобу.
У нә чи хурдәнбу нә хисирәнбу,
Чүм э хов доромунд һәлбүс дирәнбу.
Шимирә һол нобу, һәр кофү бу чәнк.
Зәнү эз оһ Шими бирәбу лап дәнк.
Һовурһо-һәрмәһһо кура бисдорут
Чәнд чиро докторһо һорој зә уһо,
Чәнд чиро чәрәһһо омо эз диһһо.
У эз кофә-кофһо дијәш бисдо сәхд,
Шими нә дәрму хурд нә чәрәһ шонохд.
- Ә куш әну е сәс омо тү нибири,
Эз «диһ мүшкүл» е рача кук э рәһ дәри.
Сәс дуз бисдо у рача кук дузиш омо.
Шими дәрбәндирә ов нәмүрүм до.

ЯШАЕВ
Даниэль

Читатели уже имели возможность познакомиться с творчеством Яшоева Даниэля в разделе «Произведения на азербайджанском языке».

Шор кәрдо хори

«Имбуруз» шорини эри хэлэф мэ,
Һисдикэ дур сохит дәрдә нә гэмә.
Пој ишму бураво һәр вәхт э шори,
Әз мозол әнуһо шор кәрдо хори.

Ишмурә винирә лап шор бисторум,
Ә сәр әни шори, шори висторум.
Тә васал оморә бог күлсүз бирә,
Хубә рујһо дирә э күл оморә.

Бәдә чум мәвино уһо э һилом,
Уһорә хэләфлү, духтәрлү вином.
Богһо борлү бирә виникә зәһмәт,
Ә шори күнчүсдә бүзүркә чәһмәт.

Ә дүл бәбә дәри хуби әришү,
Сог кәрдо тәвәсәр, гојим чун үшү.
Һәрүс нә һәтони э һәнк ән товуш,
Офуррокор кәрдо әришү сәрпуш.

Террор һәг насда

(Ә һүрмәт салдатһојму Елдад нә Уди)

Ишму хэләф мәскән чум нә куш Вәтән,
Ә сәрһәд кәшдәнки эри ән хуби.
У хунризә дүшмә омо һә бүрдән,
Әз бинә әлчәгүт, нисдүт һисоби.

Тәхсир ишму нәбу шоһинә Елдад,
Удиш әтүрәво әу рәһ һәрмәһ.
Әдәс дүшмә офдо һәгсүзә фурсат,
Әчун ишму сохдүт хунхурһо тәмәһ.

Офдо әсәр ишму гузгунә хуно,
Әри хун тиһ сохдә рүһ үшү киснә.
Әдүл ишму ники, әруј шәхино,
Бәрдүт әз сәрһәд дур, эри хун тәшнә.

Зиндэ мүрдэјишму вэди нэбисдо,
 Дүшмэ иблис хосјэт, һэмэлү хэрэб.
 Һэммэ эз һол ишму дэрд-гэмэ висдо,
 Террор һэг ниданү, у сәһиб гээзб.

Дү сал бэгдэ коф рафд эри дэкшуки,
 Ө Вэтэн террорист амбар э зиндон.
 Кор дүшмэ элчэги, дусд эн дүнүки,
 Иму зиндэ дорим, уһо ја хэзон.

Вэхт мијов имбошут эз һэмэл пэшму,
 Хун ишму э хори нимуну һич вэхт.
 Хори, һово микирүсү эришму,
 Ө дүлһо мичарит э сүрхијэ тэхт.

Куруни дэрдмэш

Ө сүрт эн чуһурһо э гэд эн ја бог,
 Һэрбој мэ варафдэ дүлмэ догуног.
 Дэдэјмэ һалэ һич ја руз нэдира,
 Тэрк сохд и һиломэ оһил нэбирэ.
 Дүл иму хэрэбэ, кирошд чэнд салһо,
 Кирошд зумустуһо, кирошд васалһо.
 Офуррокор рәһ до рафдим э Вэтэн,
 Рүһ иму э у бог, појһо рафд, нэ тэн.
 Руј Вэтэнэ дирэ шориш бисдорим,
 У бог э јор омо дэрд-гэм висдорим.
 Рузһо кирошдэни пэс-пэсэ јэки,
 Ө гэд дэрд, эн шори, һэмикэ ники.
 Насданүм, чүтар вэхт бијофум бурам,
 Ө гәриш энү бог јэбојкэш дарам.
 Ө сәр сугрә зани појисдэ кэнэ,
 Өри кэлэтәһо и дүлмэ тәшнэ.
 Ө говрәшү вәнүм гутинәј мәрэ,
 Тиһи сохум јэкэм дог синәј мәрэ.
 Бәхшләмиши хојум эз кэлэтәһо,
 Рәһмэ амбар дури мијом диртәһо.
 Мијом мэ, ој Дэдәј, мијом һәкәнэш,
 Күлһојмэш сүпәнчи, куруни дэрдмэш.
 Өз рузһојмэш дијэ јэчи нәмунди,
 Дүлмэ әкишмунни э дэрд домунди.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	3
------------------	---

Проза на русском языке

АСАИЛОВ Шарон	6
ДАДАШЕВ Михаил.....	12
КАРАКИС Геннадий	17
КОЗАКОВА Маргарита	21
СИМАН ТОВ Шауль	26
ХАНУКАЕВ Борис	29
ХЕЙЛИ Мирьям	36

Поэзия на русском языке

БАХШИЭЛЬ Арон	42
ДАВЫДОВ Роман	46
ДАВЫДОВА Розалия.....	52
КОЗАКОВА Маргарита.....	57
ЛИФШИЦ Арнольд	60
МИХАЙЛОВ Эмиль	62
НИСИМОВ Валерий	64
ПЕЙСАХОВА Галина.....	67
РАХАНАЕВ Дмитрий	75

СЕМЕНДУЕВА Зоя	79
СИМАНТОВ Геннадий	81
ЯГДАНОВ Юрий	85

Публицистика на русском языке

АГАРУНОВ Михаил	89
ДАВЫДОВ Вячеслав.....	99
ИЛЬЯСОВ Павел	105
МАТАЕВ Иосиф.....	110
МИХАЙЛОВ Эмиль	114

Произведения на азербайджанском языке

ЗАХАРЯЕВ Рашбиль	120
ИСРАИЛОВ Сабир	123
ЯШАЕВ Даниэль	154

Произведения на горско-еврейском языке

АГАРУНОВ Антон	132
АГАРУНОВ Шабтай	145
МОШИЯХОВ Яшар.....	150
ЯШАЕВ Даниэль	154

«Мирвори» №4

Литературно-публицистический альманах

Главный редактор **Й. Мишиев**
Редактор и корректор (рус. яз.) **М. Козакова**
Азербайджанский язык – авторская редакция
Горско-еврейский язык – авторская редакция
Дизайн и компьютерная вёрстка **Э. Алиев**
Иллюстрации - **С.Ашуров**

Выражаем огромную благодарность за помощь
в работе над альманахом «Мирвори» №4
Хануке Соломону - заместителю мэра г. Хадера,
профессору **Михаилу Агарунову** - члену президиума ВКГЕ и «АзИз»,
Наджафу Наджафгулу - гл. редактору газеты «Бирлик»,
Борису Ханукаеву - начальнику отдела Министерства абсорбции
по работе с общиной выходцев с Кавказа.

Подписано к печати 16.07.2008
Формат: 70 x 100 1/16
Гарнитура Times New
Печать офсетная
Усл. печ. листов 12,9

Издательский дом «Мирвори»
Адрес редакции: Израиль, Нетания, ул. Бренер 10
Адрес для писем: Israel, 42441, Netanya, P.O.B. 359
По вопросам приобретения и заказов обращаться по тел.:
международные – 972-9-8840855, 972-9-8870811, 972-54-7766822
в Израиле – 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822
E-mail: mirvori@mail.ru

**В издательском доме «Мирвори» в 2007-2008 году
вышли в свет следующие книги:**

Литературно-публицистический
альманах «МИРВОРИ» №№ 1-4

Ю. Ягданов.
ЛЮБОВЬ И СПУТНИКИ.
Сборник стихов.

З. Семендужева. ДУХДЕР ДУЪ БЕБЕ.
Сборник произведений
на горско-еврейском языке.

Д. Раханаев.
НЕДОПЕТЫЕ ПЕСНИ МОИ...
Сборник стихов.

Овгонль духдер Гилл.
ХУДО НУВУСДЕО.
Сборник стихов
на горско-еврейском языке.

Е. Навахов. ТЕМ, КОГО ЛЮБЛЮ.
Сборник стихов.

Их подвиг не забудется.
Книга воспоминаний ветеранов ВОВ,
жителей г. Сдерот. (иврит).

С. Ягудаев. КАРАКУЛЕВЕДЕНИЕ.
Учебное пособие.

Разукрась картинку выучи стишок.
Книжка-раскраска для детей.

М. Якубов. ПУТЬ САНЬКИ. Повесть.

В. Давыдов.

**ОЧЕРКИ О КУЛЬТУРЕ ГОРСКИХ
ЕВРЕЕВ В ИЗРАИЛЕ.**
Сборник статей.

М. Елизаров.
ИСПОВЕДЬ БЕЖЕНЦА.
Сборник рассказов.

М. Козакова. ГОРСКИЕ ЕВРЕИ.
Сторонний взгляд
непостороннего человека.
Сборник очерков и статей.

Б. Ханукаев.
И МОРЕ, И ЗЕМЛЯ, И НЕБО.
69 белых пятистиший.

Й. Розенталь.
ПОПЫТКА ВОПЛОТИТЬ МЕЧТУ.
Стихи и тексты песен
с приложением нотных записей.

И. Йегудя.
**ЗАМЕТКИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ
ЕВРЕЙСТВА**

С. Гаврилов. ОГОНЬ СВЕЧИ.
Сборник рассказов, раздумий,
зарисовок и сказок.

А. Лифшиц.
Я ВАМ СТИХИ СВОИ ПРОЧТУ...
Сборник стихов.

КНИГИ, ГОТОВЯЩИЕСЯ К ВЫПУСКУ:

Литературно-публицистический альманах «МИРВОРИ» №5

Бухарские евреи: кто мы? Энциклопедия. IV том.

Детский словарь горско-еврейского языка в картинках.

Альбом-каталог горско-еврейских художников.

Ш. Агарунов. ДЭДЭЛЛҮЖЭ ДҮНҮОЈМЭ. Сборник стихов

Издательский дом «МИРВОРИ»

**Издание книг, брошюр, буклетов,
каталогов, календарей.
Компьютерный набор,
корректурa, редактирование,
Художественный дизайн и графика
Консультации по всем вопросам
книгоиздания**

Мы пройдем с вами весь путь
от рукописи до выхода книги из типографии

«МИРВОРИ» - ВАША КНИГА В НАДЕЖНЫХ РУКАХ!

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИРВОРИ

Адрес редакции: Нетания, ул.Бренер 10.
Адрес для писем: P.O.B. 359, Netanya, 42441
Телефоны: 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822
Электронная почта: mirvori@mail.ru

Альманах «Мирвори» представляет интерес для широкого круга читателей, любящих современную литературу, и в особенности для тех, кто интересуется развитием культуры евреев, выходцев с Кавказа. Каждый очередной выпуск альманаха вызывает широкий читательский отклик не только в Израиле, но и в России, Азербайджане, США.

В четвёртый номер литературно-публицистического альманаха «Мирвори» вошли произведения современных авторов на русском, горско-еврейском, азербайджанском языках и иврите.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИРВОРИ

ISSN 1565-8228

Израиль, 2008